

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХХХVII.

1885.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1885.

PRINTED IN RUSSIA

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	21
Ф. Д. Батюшковъ. Сага о Флинбогъ Ольномъ	217
В. В. Богиничъ. О несложной сельской семьѣ у Сербовъ и Хорватовъ	278

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. С. Вудилевичъ. Новыя данныя для исторіи восточнаго вопроса	316
А. Н. Соболевскій. Источники для знакомства съ кievскимъ говоромъ	349
К. С. Морезжковскій. Антропологическія изслѣдованія въ Россіи	357
Г. С. Дестунисъ. Записки греческаго историческаго и этнологическаго общества	384
И. А. Смирновъ. Къ вопросу объ экзаменахъ въ нашихъ гимназіяхъ	37
— Наша учебная литература (разборъ семи книгъ)	48

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

К. С. Веселовскій. Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1884 годъ	51
Я. К. Гротъ. Отчетъ о дѣятельности втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1884 годъ	74
— Пятидесятилѣтіе Археологической Комиссіи	93
— Уральское общество любителей естествознанія въ Екатеринбургѣ	106
Графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ. Воспоминаніе о В. В. Вауерѣ	116
К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Графъ А. О. Уваровъ (некрологъ)	123

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Ф. Ф. Зѣлинскій. О дорійскомъ и іонійскомъ стилихъ въ древней аттической комедіи	65

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 1-го февраля).

САГА О ФИННВОГЪ СИЛЬНОМЪ.

Своеобразный родъ литературныхъ произведеній, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ сѣверныхъ сагъ, давно обратилъ на себя вниманіе изслѣдователей, представляя немаловажный интересъ при рѣшеніи разныхъ вопросовъ историческихъ и историко-литературныхъ. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы теперь установилось какое-нибудь одно общепринятое мнѣніе относительно этого рода литературы: взгляды ученыхъ колеблются, и каждому, при занятіяхъ старо-сѣверною вѣтвью германскихъ народовъ, приходится считаться съ разными, часто крайне противорѣчивыми теоріями. Несомнѣнно выяснился лишь тотъ фактъ, что литературный матеріалъ, который мы обыкновенно объединяемъ общимъ наименованіемъ сагъ, по содержанию своему представляетъ весьма разнообразныя элементы, и всякое общее опредѣленіе его будетъ страдать односторонностью и потому неправильностью, пока не будутъ установлены извѣстныя категоріи, внутри которыхъ данное опредѣленіе можетъ имѣть мѣсто. Саги исландскія не то же, что саги норвежскія, и въ свою очередь между исландскими сагами усматриваются различія по характеру, по формѣ и по содержанию, вслѣдствіе чего онѣ должны быть сгруппированы подъ разными рубриками, стоящими въ большей или меньшей связи съ періодами развитія литературы исландской.

Попытки классификаціи сагъ были уже сдѣланы нѣсколько разъ, начиная съ трудовъ П. Э. Мюллера, но врядъ ли которую-нибудь изъ нихъ можно признать вполне удовлетворительною. Съ накопленіемъ новыхъ данныхъ критерій въ оцѣнкѣ сагъ значительно измѣнялся; притомъ недостаточно признать достовѣрность или недостовѣрность данныхъ извѣстій въ сагахъ,—нужно еще объяснить, какъ

часть сохххуи, отд. 2.

сложились онѣ, какъ проникли въ данное произведеніе, какой смыслъ былъ имъ приданъ. Поэтому внимательное изученіе отдѣльныхъ памятниковъ, при которомъ не терялась бы изъ виду обще-сравнительная точка зрѣнія, должно предшествовать общей оцѣнкѣ ихъ; послѣдняя возможна лишь до нѣкоторой степени. Бѣгло прослѣдивъ главѣйшія мнѣнія по основнымъ вопросамъ изученія старо-сѣверныхъ сагъ, которыя поддаются такой оцѣнкѣ, мы остановимся на разборѣ одной изъ нихъ, именно на сагѣ о Финнбогѣ, и представимъ переводъ ея. Безспорно записанная въ Исландіи, на рубежѣ XIII и XIV вв., сага эта, если не слишкомъ важна по своей исторической документальности, а то представляетъ существенный интересъ историко-литературный и многочисленнымъ даннымъ для характеристики быта и культуры древнихъ скандинавовъ. Многочисленные рукописи ея (числомъ до 14-ти) свидѣтельствуютъ объ ея распространенности на островѣ, а главный герой саги, Финнбогъ, являясь подъ окраской легендарнаго богатыря, выходитъ изъ узкихъ рамокъ родовыхъ или мѣстныхъ преданій и обобщается въ типъ народнаго героя. Другія дѣйствующія лица саги имѣютъ лишь второстепенный интересъ; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя черты ихъ, довольно своеобразныя, заслуживаютъ вниманія; въ своемъ мѣстѣ мы отмѣтимъ ихъ. Главнымъ же образомъ мы займемся разборомъ схемы саги и выясненіемъ ея вѣроятнаго генезиса.

Послѣдній издатель исландскаго текста, F. S. G. Герингъ ¹⁾, въ предисловіи къ своему изданію, называетъ эту сагу произведеніемъ личнаго автора, своего рода историческимъ романомъ, примыкая въ общемъ взглядѣ на подобныя литературныя произведенія къ мнѣніямъ К. Маурера. Рядомъ съ этимъ онъ замѣчаетъ, что сага носитъ на себѣ неровный характеръ, какъ по внѣшней формѣ, такъ и по содержанію. Многіе эпизоды являются въ ней какъ бы случайно навязываемыми и недостаточно мотивированными. Герингъ слагаетъ вину въ этомъ опять на того же неизвѣстнаго намъ автора, руководствуясь его предполагаемою „скудостью фантазій“. Намъ кажется это объясненіе не вполне удовлетворительнымъ, и мы подробно разберемъ мнѣніе Геринга. Притомъ, что значить личное авторство, когда рѣчь идетъ объ произведеніи, котораго мы имѣемъ лишь болѣе поздній списокъ, предполагающій за собою, быть можетъ, цѣлый рядъ другихъ болѣе древнихъ, какъ имѣетъ онъ и позднѣйшіе списки? Ге-

¹⁾ *Hugo Gering, Finnbooga-saga hins gamla 1879*; до Геринга сага уже была издана Верлауеомъ въ 1812 г., и тотъ же текстъ перепечатанъ въ 1860 году-

рингъ вполне признаетъ и самъ, что мы имѣемъ дѣло не съ первичнымъ текстомъ. Во всякомъ случаѣ очевидно, что оцѣнка личной производительности для тѣхъ времени должна быть иная, чѣмъ теперь, и даже признавая участіе личнаго автора въ дѣлѣ записыванія данной саги, недостаточно отмѣтить его; нужно выяснитъ его отношеніе къ матеріалу народныхъ преданій, послужившихъ ему основой, опредѣлить степень его возможнаго участія, установить какое значеніе имѣетъ для насъ данный памятникъ и его положеніе въ средѣ историко-литературныхъ явленій.

I.

Многочисленные рукописи скандинавскихъ сагъ, большею частью анонимныя, между коими только нѣкоторыя по записи своей поддаются точной хронологіи, представляютъ филологу обширное поле для догадокъ и болѣе или менѣе остроумныхъ соображеній относительно происхожденія ихъ и въ оцѣнкѣ ихъ содержанія. Большинство дошедшихъ до насъ сагъ были записаны исландскими грамотѣями, но сравнительно въ болѣе позднюю пору ¹⁾, и общепри-

¹⁾ Въ предисловіи къ Сагъ объ св. Олафѣ Снорро Стурлессона говорится: «Прошло болѣе двухъ сотъ лѣтъ со времени образованія Исландіи (Island var bygt), прежде, чѣмъ люди стали записывать саги». К. Мауреръ поясняетъ образу—Island var bygt, не временемъ колонизаціи острова (874 г.), а временемъ его общественнаго устроенія, послѣдовавшаго только черезъ 60 лѣтъ послѣ заселенія. Терминъ «саги»—«sögur», употребленный здѣсь, долженъ обозначать, по мнѣнію К. Маурера, не общіе труды по исландской и норвежской историографіи—Ари, Эйрика и т. п., которые относятся къ болѣе раннему времени, а спеціально исландскія саги, большинство которыхъ анонимно. Первые же обыкновенно именуются «*frædsi*». Такимъ образомъ начало сагописанія относится, по Мауреру, лишь къ концу XII в. Этому положенію не противорѣчитъ и слѣдующее мѣсто изъ Стурлунговой саги, послѣ поправки въ чтеніи, предложенной Вигеуссономъ (Annaler fer nordisk Oldkyndighed 1861): «Всѣ саги объ событіяхъ въ Исландіи до смерти епископа Бранда († 1201 г.) были записаны» (то-есть, до того, какъ авторъ предпринялъ писать Стурлессонову сагу, въ которой дается изложеніе событий послѣ 1201 г.). Прежде это мѣсто читалось иначе: «*voru ritadr*» ставилось передъ—*adr Brandr... andandist*, то-есть, были записаны до смерти Бранда. Очевидно, смыслъ совершенно иной. Вигеуссонъ дѣлаетъ свою поправку на основаніи сравненія разныхъ рукописей Sturlungasaga. Что начало сагописанія, въ узкомъ смыслѣ слова, правильнѣе отнести къ началу XIII или концу XII в. подтверждается, по справедливому замѣчанію К. Маурера, и тѣмъ, что въ известныхъ намъ произведеніяхъ XII в. нигдѣ не упоминается объ существованіи писанныхъ сагъ, что было бы весьма страннымъ, если бы таковыми были, такъ какъ Ари, Эйрикъ, Оддъ и т. п. постоянно указываютъ источники, откуда они почерпали свои свѣдѣнія.

знаніемъ теперь является фактъ, что до возникновенія литературы письменной на скандинавскомъ сѣверѣ уже сложилась и въ значительной степени развилась литература устная, которая лишь постепенно проникла въ письменность, придавая послѣдней своеобразный колоритъ, отличный отъ другихъ литературъ средневѣковой Европы. Но когда и гдѣ произошло это сліяніе? Въ какомъ отношеніи стала устная традиція къ книжной образованности, и на сколько можно заключать о древности содержанія изъ сравнительно болѣе поздней записи? Наконецъ, что представляютъ сами по себѣ саги въ ихъ историко-литературномъ значеніи? Вотъ общіе вопросы, вокругъ которыхъ группируются мнѣнія ученыхъ. Мы рассмотримъ послѣдовательно взгляды П. Е. Мюллера, Мѣбіуса, Кейзера, Конр. Маурера и Ессона, какъ имѣющіе въ ряду ихъ наибольшую важность.

Пауль Эразмъ Мюллеръ, первый изъ ученыхъ объявившій весь сложный матеріалъ сѣверной литературы и подвергшій строгому и безпристрастному изслѣдованію письменные памятники норвежцевъ и исландцевъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточилась почти вся литературная производительность скандинавскаго сѣвера въ средніе вѣка, далъ главныя основанія научной классификаціи этихъ памятниковъ, и къ его трудамъ примыкаетъ большинство новѣйшихъ изслѣдованій¹⁾.

Признавъ за исландцами честь перваго записыванія и храненія наибольшаго запаса преданій сѣвера²⁾, Мюллеръ подраздѣлилъ многочисленныя исландскія саги на три группы: 1) саги миеологическія, 2) историческія и 3) полу-историческія. Древнѣйшими по происхожденію онъ считаетъ миеологическія саги, такъ какъ большинство изъ нихъ сложилось изъ преданій и разказовъ, вывезенныхъ исландцами изъ Норвегіи. Вмѣстѣ съ этими многія изъ подобныхъ сагъ представляютъ лишь болѣе или менѣе свободную передачу содержанія порой слишкомъ краткой, а потому неясной пѣсни скальдовъ. Послѣднія отличаются несомнѣнною древностью, потому что, благодаря своей стихотворной формѣ, онѣ легче запоминались и лучше

¹⁾ Самый капитальный трудъ П. Э. Мюллера—это его: *Sagabibliothek, med anmerkinger og indlende afhandling*, III Bd. 1817, 1818, 1820. Первый томъ переведенъ по нѣмецки Лакманомъ, второй переработанъ Г. Данге въ 1832 г.

²⁾ См. его статью, переведенную по нѣмецки Зандеромъ: «О происхожденіи и паденіи исландской исторіографіи съ приложеніемъ объ національности старо-сѣверной поэзіи» (1813 г.).

сохранялись, чѣмъ прозаическіе разказы. „Историческія же саги“, говоритъ Мюллеръ ¹⁾,—„вообще не идутъ очень далеко. Большинство изъ нихъ разказываетъ лишь о отцѣ или дѣдѣ извѣстнаго колониста“. Но разказы эти держались довольно устойчиво въ передачѣ, такъ какъ исландцы считали Норвегію, до времени образованія въ ней королевской власти, своей родиной; они сводили вмѣстѣ и сохраняли разказы о славныхъ дѣяніяхъ своихъ отцовъ, тогда какъ въ Норвегіи повѣйшія впечатлѣнія изглаживали старыя воспоминанія ²⁾. Затѣмъ, въ связи съ историческимъ развитіемъ исландскаго государства, въ Исландіи стали складываться саги объ событіяхъ жизни на островѣ. Эти саги, по Мюллеру, несмотря на нѣкоторые вставочные эпизоды мифологическаго характера, вполне историчны и складывались изъ разказовъ очевидцевъ, участниковъ въ томъ или другомъ происшествіи, или его ближайшихъ родственниковъ. Если порой и встрѣчаются въ нихъ вѣщіе сны, волшебныя заклинанія и т. д., такъ или иначе вліяющія на событія, то подобныя вставки, по объясненію Мюллера, зависятъ отъ міросозерцанія народа на извѣстной стадіи развитія; это своего рода прагматизмъ, который онъ думаетъ усмотрѣть въ связи событій и не мѣшаетъ правдивости изложенія самихъ фактовъ. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ замѣтить, что чѣмъ древнѣе по записи сага, тѣмъ менѣе въ ней этого мифологическаго элемента. „Личность разказывателя“, говоритъ далѣе Мюллеръ,—въ подобныхъ сагахъ нигдѣ не выступаетъ впередъ; читатель словно слышитъ отголосокъ всеобщей молвы“ ³⁾. „Тотъ, кто записывалъ такой разказъ, не могъ подписать на рукописи свое имя, чтобы стяжать себѣ извѣстнаго рода славу сочинителя, не могъ—потому что онъ записывалъ лишь то, что слышалъ отъ другихъ“. Такимъ образомъ, признавая исландскія саги безличными, народными произведеніями и отстаивая ихъ историческую вѣрность, Мюллеръ въ то же время считаетъ ихъ и древнѣйшими по записи. „Если извѣстный разказъ“, говоритъ онъ,—„самъ по себѣ вполне правдоподобенъ и развиваетъ событія послѣдовательно и въ опредѣленномъ порядкѣ, то тѣмъ самымъ дѣлается вѣроятнымъ, что онъ ранѣе сложился и ранѣе былъ записанъ“ ⁴⁾. Много сагъ отнесено Мюллеромъ еще къ XI в.,

¹⁾ Ibid., стр. 17.

²⁾ Ibid., стр. 27: Neue Erinnerungen verdrangten die alten.

³⁾ Ibid., стр. 39 и далѣе стр. 81.

⁴⁾ Sagabibliothek, Bd. I, по переводу Лааманна, стр. 17—18.

до трудовъ Ари, Эйриха и т. п. ¹⁾). Однако, на ряду съ такими сагами уже въ началѣ XII в. стали появляться саги — выдуманпыя (erdichtete), служившія для занимательнаго времяпровожденія. Тѣ и другія первоначально строго различались, при чемъ записывались одиѣ только историческія саги. Позднѣе же, когда строй жизни въ Исландіи распался и она подчинилась Норвегіи, вымышленныя саги стали смѣшиваться съ историческими, утратившими свое существовавшее значеніе, и образовался рядъ полунсторическихъ сагъ. По записи онѣ всѣ не древнѣе XIII вѣка. Баснословный элементъ, окончательно утвердившись въ литературѣ и выразившійся въ цѣломъ рядѣ сагъ миѳическихъ и романтическихъ, уступилъ въ свою очередь мѣсто литературѣ подражательной и переводной, которая начинаетъ проявляться съ конца XIV вѣка.

Общее заключеніе Мюллера объ исторической документальности исландскихъ сагъ слѣдующее: разказы о событіяхъ, мѣстодѣйствіе которыхъ находится въ самой Исландіи, болѣе достовѣрны, чѣмъ тѣ, которыя описываютъ событія, происшедшія въ Норвегіи; послѣднія же все-таки надежнѣе, чѣмъ разказы объ Гардарики (Россіи) и Миклагардѣ (Царьградѣ) ²⁾. Даже нѣкоторая путанность хронологіи или генеалогіи въ тѣхъ сагахъ, героями которыхъ являются исландцы, а театромъ дѣйствія — родной островъ, не служатъ еще достаточнымъ доказательствомъ ложности всего разказа, такъ какъ сюда могли примѣняться позднѣйшія наслоенія, не мѣшающія правдивости основы разказа. Мюллеръ говоритъ очень мало объ личности записывателей сагъ; допуская, что многія изъ послѣднихъ были позднѣе вымышлены, или болѣе или менѣе разукрашены, Мюллеръ, по видимому, склоненъ скорѣе отнести это на долю народной фантазіи, чѣмъ личнаго творчества. Мауреръ, какъ увидимъ ниже, поступаетъ совершенно наоборотъ.

Взглядъ Мюллера — самый широкій и, по нашему мнѣнію, все-таки наиболѣе правильный въ оцѣнкѣ исландскихъ сагъ (кромя нѣкоторыхъ частныхъ). Онъ не дѣлаетъ общихъ заключеній тамъ, гдѣ выводы касаются лишь частныхъ случаевъ, и примѣняетъ отдѣльный критерій къ отдѣльнымъ группамъ сагъ. Позднѣйшіе изслѣдователи

¹⁾ Принимая вышеприведенное чтеніе К. Мауреромъ мѣста изъ саги о св. Олафѣ, мы видимъ, что догадка Мюллера должна быть признана теперь несостоятельной.

²⁾ Ibid., стр. 16—17.

по преимуществу занимались только одною какою-нибудь отдѣльной группой, и, какъ увидимъ, каждый изъ нихъ вдавался въ крайность и исключительность, слишкомъ смѣло обобщая частныя наблюденія.

Такъ Мёбиусъ, непосредственно примыкая къ Мюллеру въ общемъ распредѣленіи сагъ и придерживаясь предложенной имъ хронологіи, занялся спеціальнымъ изслѣдованіемъ древнѣйшихъ исландскихъ сагъ; но выводы его относительно документальности этихъ сагъ намъ кажутся преувеличенными, точно также, какъ преувеличены и мнѣнія противоположной школы, отрицающей за сагами какое бы то ни было историческое значеніе. О нихъ рѣчь впереди.

Саги, по мнѣнію Мёбиуса ¹⁾, являются единственными вполнѣ народными преданіями, такъ какъ повѣи скальдовъ была искусствомъ понятнымъ, кромѣ ихъ самихъ, лишь весьма небольшому числу образованныхъ исландцевъ. Раздѣленіе классовъ на главенствующій и низшій, сказавшееся съ самаго начала колонизаціи острова, съ теченіемъ времени все усиливалось, и только однѣ саги служили откликомъ народныхъ стремленій и потребностей, въ широкомъ смыслѣ слова народности. Признавая первоначальныя исландскія саги вполнѣ историческими и чуждыми участія личнаго творчества, Мёбиусъ объясняетъ ихъ живучесть въ устной передачѣ (при чемъ эти саги не утратили своего правдиваго, чуждаго всякаго преувеличенія характера въ теченіе почти двухъ вѣковъ, пока не были записаны) особымъ интересомъ къ нимъ слушателей: гарантіей точности передачи служили, по его мнѣнію, связи политическія и родственныя съ главными героями сагъ. Не для забавы разказывались саги: главная цѣль ихъ—образовательная (*Erbauung des Lesers*), и цѣнились онѣ по точнымъ и обстоятельнымъ свѣдѣніямъ, даваемымъ объ дѣятеляхъ исландскаго самоуправленія и происшествіяхъ на островѣ.

На основаніи сагъ поддерживалась репутація извѣстнаго начальника области, а различіе партій заставляло строго слѣдить, чтобы къ разказамъ о немъ не примѣшивалось чего-нибудь преувеличеннаго или ложнаго. То, что служило порукой вѣрности разказа въ то время, когда событія, описываемыя въ немъ, совершались почти подъ глазами, имѣло цѣну и на будущее время, вслѣдствіе продолженія родственныхъ и политическихъ связей. Объективное отношеніе къ содержанію сагъ записывателей ихъ подтверждается еще, по Мё-

¹⁾ *Th. Möbius, Ueber die aeltere islaendische Saga, 1852.*

біусу, анонимностью большинства ихъ. Что касается до личности самихъ записывателей, то Мёбіусъ полагаетъ, что они были людьми книжно-образованными, которыхъ чтеніе какихъ-нибудь латинскихъ историковъ или лѣтописцевъ навело на мысль занести на бумагу и тѣ бродившіе въ устной передачѣ разказы, которые могли служить матеріаломъ для отечественной исторіографіи. Субъективность ихъ сказалась лишь въ выборѣ и расположеніи матеріала, находившагося у нихъ подъ руками.

Выводы Мёбіуса касаются, главнымъ образомъ, той группы исландскихъ сагъ, которыя описываютъ событія жизни на островѣ. Эту группу совершенно минуетъ Кейзеръ¹⁾, объясняя происхождение и значеніе скандинавскихъ сагъ.

Еще болѣе, чѣмъ Мюллеръ и Мёбіусъ, отстаивая устойчивость устной передачи и объективное отношеніе разказчиковъ и записывателей сагъ къ своему предмету, онъ стремится доказать, что исландцы лишь механически передавали и сохраняли сперва устно, потомъ и письменно тѣ преданія и разказы, часть которыхъ они вывезли съ собой изъ Норвегіи, остальные—восприняли черезъ вторыя и третьи руки отъ норвежцевъ же. Въ связи съ его общимъ взглядомъ на исторію и культуру Исландіи, которую онъ называетъ „отобразомъ“ Норвегіи, Кейзеръ значительно сокращаетъ и число исландскихъ сагъ, приписывая большинство изъ нихъ непосредственно норвежцамъ. Норвегія, на его взглядъ, есть дѣйствительная колыбель всѣхъ сагъ, какъ и всей духовной производительности старо-сѣверной вѣтви германскихъ народовъ. Въ ней сложились и приняли опредѣленную форму и тѣ разказы, которые, переходя изъ устъ въ уста, черезъ многія поколѣнія дошли и до исландскаго грамотѣя, записавшаго ихъ. Кейзеръ не стѣсняется ни сюжетомъ саги, болѣе или менѣе поддающимся измѣненіямъ и развитію, ни мало устойчивою прозаическою формою ея, ни продолжительностью времени, которое она должна была бродить въ устной передачѣ, иногда нѣсколько вѣковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не представляетъ объясненія этой закаменѣлости традиціи, какъ Мёбіусъ, упирающійся на заинтересованности слушателей. Саги могутъ быть и народными произведеніями, какими считалъ ихъ Мюллеръ, но все-таки онѣ подвергались переработкамъ и измѣненіямъ. Натяжки Кейзера въ объясненіи

происхожденія скандинавскихъ сагъ зависятъ отъ общей тенденціозной цѣли его работъ—выставить на первый планъ значеніе Норвегіи въ исторіи культуры сѣвера. Кейзеръ принадлежитъ къ партіи ученыхъ, составляющихъ такъ-называемую „норвежскую школу“ и, несомнѣнно обогативъ науку многими весьма цѣнными трудами, увлекся чрезмѣрнымъ патріотизмомъ, что заставляло его закрывать глаза на самые очевидные факты и приводило къ ложнымъ заключеніямъ. Что не мыслима та пассивная роль Исландіи по отношенію къ ея первоначальной метрополіи, Норвегіи, которую навязываетъ ей Кейзеръ, явствовало еще изъ доводовъ Мюллера, который доказывалъ, почему именно въ Исландіи, а не въ Норвегіи, могли сохраниться древнія преданія, въ Исландіи, гдѣ не было того политическаго переворота, который въ Норвегіи произвелъ извѣстный разрывъ съ прошлымъ. Но затѣмъ всѣ доводы Кейзера и его школы были блистательно опровергнуты нѣмецкимъ ученымъ Конр. Мауреромъ ¹⁾. Не вдаваясь въ разборъ общихъ вопросовъ, затронутыхъ этимъ споромъ, мы остановимся только на взглядѣ К. Маурера относительно сагъ. Правда, какъ историкъ и законовѣдъ по преимуществу, онъ только отчасти занялся филологическимъ изслѣдованіемъ сагъ, — тѣмъ не менѣе взглядъ его имѣетъ довольно существенное значеніе.

Прежде всего, тщательно анализируя разныя группы сагъ, К. Мауреръ возвратилъ исландцамъ произведенія, оспариваемыя у нихъ норвежскими учеными. Выдѣленіе исландскихъ сагъ отъ позднѣйшихъ норвежскихъ онъ подкрѣпляетъ многими доказательствами историческими и бытовыми и, между прочимъ, указывая на предвзятую точку зрѣнія Кейзера, замѣчаетъ, что у него не разъ встрѣчаются явные вымыслы и искаженіе фактовъ; „такъ, разказы его объ *sagnstapp* и существованіи исторической школы при дворѣ Гаральда Прекрасноволосаго принадлежатъ къ области чистой фантазіи и лишены всякихъ данныхъ“. Вернувшись, стало быть, въ общемъ ко взгляду П. Э. Мюллера, К. Мауреръ отступаетъ отъ него въ

¹⁾ Многочисленные труды К. Маурера разсыланы по разнымъ журналамъ и періодическимъ изданіямъ, одно перечисленіе которыхъ заняло бы слишкомъ много мѣста. Ограничимся указаніемъ на капитальный трудъ его: *Island, von seiner ersten Entdeckung bis zum Untergange des Freistaats*, München, 1874, затѣмъ статья: *Ueber die ausdrücke: altnordische, altnorwegische und Isländische Sprache* (*Abh. der Phil. Philol. cl. d. Kgl. Bair. Akad. d. W. und K.*, XI. Bd., I, abh. 1867) и полемика съ Кейзеромъ *Ueber die Norwegische Auffassung des Nordisch. Litteratur-Geschichte* (*Ztschr. f. Deutsche Philologie*, I. Bd. 1869).

двухъ пунктахъ: 1) хронологическомъ распредѣленіи рукописей сагъ и 2) въ объясненіи ихъ происхожденія, а въ связи съ этимъ и значенія ихъ, какъ историческихъ памятниковъ.

Мы выше привели мѣсто изъ *Sturlungasaga*, которое, послѣ поправки въ чтеніи Вигфуссономъ, даетъ полное основаніе К. Мауреру отодвинуть почти на цѣлое столѣтіе впередъ время записи первоначальныхъ сагъ. Относительно же позвѣн скальдовъ онъ высказывается противъ предположенія Мюллера объ безусловной древности ихъ: прозаическіе разказы, по его мнѣнію, часто древнѣе поэтическихъ и могли сами послужить основой для сложенія многихъ *visug* скальдовъ; на что есть и примѣры.

Признавая бесспорно связь многихъ исландскихъ сагъ съ преданіями норвежскими, Мауреръ не видитъ причины, почему послѣднія должны были сохраниться въ закаменѣлой формѣ, и, на оборотъ, считаетъ перныя произведенія исландскаго сагописанія продуктами индивидуальнаго творчества. Методъ Ари (перваго исландскаго историографа и составителя исландской азбуки), собиравшаго различныя преданія и затѣмъ выбиравшаго между ними тѣ, которыя казались ему лучшими, свидѣтельствуетъ, по мнѣнію Маурера, о критическомъ отношеніи составителей сагъ къ своему матеріалу: въ болѣе ограниченномъ районѣ, чѣмъ Ари, они тоже изъ разныхъ слуховъ слагали разказъ по своему, какъ имъ казалось лучше. Извѣстная общая форма или манера развязывать могла установиться при крайнемъ распространеніи обычая складывать и передавать саги, безъ предположенія о полной копности формы и содержанія ихъ. Считаая даже древнѣйшія саги (то-есть, XII—XIII вв.) личными произведеніями; имена авторовъ которыхъ, при частыхъ переработкахъ и переписываніи, случайно забылись или затерялись, Мауреръ уже вполне выдуманпными называетъ позднѣйшія саги (конца XIII и въ XIV вв.). Группируя ихъ подъ общимъ наименованіемъ *lygisögur* (тогда какъ первыя онъ обозначаетъ—*fornsögur*), онъ называетъ ихъ романами, лишь сюжеты которыхъ взяты изъ историческихъ событій. Подъ этотъ разрядъ подводится имъ большинство „полу-историческихъ“ сагъ Мюллера, вслѣдствіе чего онѣ значительно утрачиваютъ приписываемую имъ раньше историческую цѣнность. Мауреръ почти не касается сагъ вполне баснословныхъ и мифологическихъ, считаая ихъ недостаточно еще разработанными и не имѣющими строго установленной хронологіи.

Къ подобнымъ же выводамъ относительно малой достовѣрности

исландскихъ сагъ приходитъ и Эссенъ, посвятившій разбору этого вопроса отдѣльную статью ¹⁾. Правда, онъ останавливается преимущественно на тѣхъ сагахъ, которыя касаются событій внѣ Исландіи, — ихъ меньшая надежность была отмѣчена еще Н. Э. Мюллеромъ. Но рядомъ съ этимъ Эссенъ изъ всѣхъ трудовъ по исландской исторіографіи выдѣляетъ только пять, которымъ онъ приписываетъ нѣкоторую историческую цѣнность; это—трудъ Ари, *Islendingabok*; затѣмъ *Sturlungasaga* и *Islendingasaga hin mikla*; саги объ епископахъ—Ариѣ Торлакссонѣ и Лаврентіи Кельсонѣ; наконецъ, сборникъ—*Landmanabok*. Но въ послѣднемъ уже нерѣдко легендарный элементъ примѣшивается къ историческому. Изъ общаго понятія *lygisögur* безспорно, говоритъ Эссенъ,—слѣдуетъ исключить тѣ саги, числомъ около тридцати, которыя разказываютъ о событіяхъ домашней жизни на островѣ. Не считая ихъ безусловно достовѣрными, какъ Мѣбиусъ, Эссенъ все-таки признаетъ за ними большую историческую цѣнность, чѣмъ за остальными, но, замѣчаетъ онъ, опять расходясь въ этомъ съ Мюллеромъ, для болѣе древнаго періода, слѣдуетъ вообще исключить раздѣленіе на саги выдуманныя или невыдуманныя, такъ какъ оно явилось позднѣе. (Эссенъ нѣсколько ошибается: извѣстія о *lygisögur* встрѣчаются очень рано, только проникли онѣ въ письменность значительно позднѣе, чѣмъ саги съ характеромъ историческимъ, а обще распространенными становятся онѣ лишь послѣ паденія исландской общины).

Еще категоричнѣе, чѣмъ Эссенъ и Мауреръ, высказывается противъ достовѣрности извѣстій исландскихъ сагъ В. Г. Васильевскій въ своей статьѣ: „Объ варяго-русской и варяго-англійской дружинѣ въ Константинополѣ XI и XII вв.“ ²⁾. Ни въ чемъ не довѣряться прозаической передачѣ и полагаться только на закрѣпленныя стихотворной формой пѣсни скальдовъ: вотъ убѣжденіе, которое онъ вынесъ изъ знакомства съ сѣверною литературой. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что извѣстія сагъ о пребываніи скандинавцевъ въ Константинополѣ и т. п., тамъ, гдѣ онѣ опровергаются другими болѣе вѣскими аргументами, сами по себѣ не являются достаточными для того, чтобы можно было исключительно на нихъ опираться для извѣстныхъ выводовъ; съ другой стороны, и пѣсни скальдовъ, какъ это отмѣтилъ

¹⁾ *Jessen*, Ueber die glaubwürdigkeit Egils und anderen isländ. Saga (*Sybel's Ztschr.*, 28).

²⁾ См. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1874—ноябрь, 1875—февраль и мартъ.

еще К. Мауреръ, не всегда заслуживаютъ полной вѣры, такъ какъ многія изъ нихъ сочинены позднѣе и на основаніи прозаическихъ разказовъ; но неужели же всѣ эти извѣстія являются простыми выдумками, лишенными всякаго основанія? Должны же были быть причины, вызвавшія и обусловившія ихъ. Конечно, г. Васильевскій, коснувшись сагъ лишь мимоходомъ, самъ не имѣлъ нужды углубляться въ предметъ съ этой стороны, но при историко-литературной оцѣнкѣ произведеній, по меньшей мѣрѣ, неудобно миновать ее.

Мы прослѣдили мнѣнія главныхъ представителей ученыхъ по работѣ старо-сѣверныхъ сагъ. Минуемъ труды Росселета, Кляна, Гейнца, Петерсона, Вигфуссона и др., такъ какъ они въ общей оцѣнкѣ литературы сагъ примыкаютъ къ тѣмъ или другимъ высказаннымъ нами взглядамъ, и потому представляютъ болѣе интересъ при специальныхъ разсужденіяхъ. Вопросъ, какъ мы видѣли, колеблется въ основной оцѣнкѣ разсматриваемаго нами рода литературныхъ произведеній: признать ли саги продуктами народнаго творчества, болѣе или менѣе безличными, массовыми произведеніями, — или же онѣ суть искусственные продукты личнаго сочинительства, романы съ болѣе или менѣе подкладкой народныхъ преданій и историческихъ событій? Прямо рѣшить вопросъ нельзя, но мы можемъ отбѣнить нѣкоторые доводы, приводимые въ защиту того или другаго мнѣнія. Если взгляды Мюллера во многомъ являются устарѣвшими, то съ другой стороны, теорію Кейзера приходится признать несостоятельною вслѣдствіе явной тенденціозности окраски и искаженія фактовъ; далѣе, предположеніе Мёбіуса о косности традиціи на основаніи контроля слушателей во многомъ расходится съ дѣйствительнымъ содержаніемъ сагъ, такъ какъ мы имѣемъ параллельныя саги объ однихъ и тѣхъ же дѣятеляхъ, которымъ придана различная окраска болѣе или менѣе тенденціознаго характера. Но и взгляды К. Маурера и Эссена не могутъ считаться рѣшающими. Правда, первые памятники исландской письменности, такъ-называемые *frædi*, представляютъ труды, въ которыхъ личность автора играетъ немаловажную роль. Онъ критически относится къ своему матеріалу, выбираетъ преданія, кажущіяся ему наиболѣе достоверными, толкуетъ такъ или иначе событія по своему. Но, во первыхъ, значить, эти преданія уже существовали въ народной молвѣ, и существовали въ двухъ-трехъ, нѣсколькихъ различныхъ редакціяхъ, если Ари, какъ и Одду и др. приходилось выбирать между ними? Въ вторыхъ, не должно забывать, что первые историографы исландскіе были люди книжно-начитанные,

подъ сильнымъ вліяніемъ латинской образованности, которая и послужила толчкомъ къ ихъ собственной дѣятельности. Ссылаться на ихъ примѣръ, какъ то дѣлаетъ К. Мауреръ, для объясненія литературы сагъ, въ собственномъ смыслѣ, а не сводныхъ трудовъ по исторіографіи, нельзя, потому что критерій для оцѣнки тѣхъ и другихъ произведеній долженъ быть иной. Компиляторъ преданій для исторіографическихъ цѣлей и слагатель саги—не одно и то же лицо. Затѣмъ, извѣстно, что латинская образованность не привилась на островѣ: латинскихъ трудовъ исландцевъ мы почти не знаемъ. Она только нѣкоторое время вліяла на характеръ и направленіе исландской литературы. Но позднѣе, по мѣрѣ распространенія письменности, національный складъ скоро выразился въ цѣлой массѣ вполне оригинальныхъ и самобытныхъ произведеній. Могли ли тѣ, по большей частью анонимные и безвѣстные намъ авторы или записыватели сагъ, которые оставили слѣдующимъ поколѣніямъ въ наследство разказы о событіяхъ жизни на островѣ, о тѣхъ или другихъ видныхъ дѣятеляхъ и т. п., сразу стать въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ, противопоставляя живучимъ въ народѣ преданіямъ свои сочиненные разказы, выдуманные романы, какъ ихъ называетъ Мауреръ? Это едва ли вѣроятно.

Должно помнить, что литература устная достигла уже значительной степени развитія на скандинавскомъ сѣверѣ задолго до возникновенія письменной литературы. Норвежскіе выселенцы, колонизируя Исландію, привезли съ собою цѣлый запасъ преданій, традицій, вѣрованій, разказовъ, которые потомъ продолжали передаваться отъ поколѣнія къ поколѣнію. Что весь этотъ матеріалъ не оставался въ первоначальной цѣльности, что разказы перепутывались, искажались, что къ нимъ примѣшивалось много новаго матеріала,—это все легко допустить. Но обычай разказывать саги очень древній, и на общественныхъ собраніяхъ, какъ и въ семейномъ кругу—слушать и передавать разказы объ разныхъ событіяхъ прошлаго и настоящаго, о миеологическихъ богахъ, какъ о народныхъ герояхъ, являлось почти насущной потребностью. Были люди, специально занимавшіеся сбораніемъ сагъ, такъ-называемые *sagnmenn*; къ сожалѣнію, мы очень мало знаемъ о нихъ, кромѣ факта ихъ существованія. Затѣмъ, въ извѣстныхъ намъ сагахъ нерѣдко говорится про то или другое вводное лицо: „объ немъ сложились многія саги“, но всегда безлично, а не то, чтобы тотъ или другой составилъ сагу. Конечно, являлись онѣ не сами собою, но если выкинуть въ строй жизни

Исландіи и значенію, которое придавалось сагамъ при силѣ семейныхъ преданій, обусловливавшихся родовымъ началомъ, страстною любовью къ новостямъ, выразившеюся въ стереотипной фразѣ: *hvat tí-díndí?* (что новаго?), съ которою островитяне привѣтствовали другъ друга, наконецъ, при важности свѣдѣній о томъ или другомъ дѣятелѣ исландскаго самоуправленія, которыми поддерживалась его репутация (фактъ, совершенно правильно отмѣченный Мёбиусомъ),— то придется при всемъ этомъ значительно ограничить степень участія личнаго сочинительства у составителей сагъ. Дёрингъ¹⁾ сдѣлалъ попытку свести техническіе приемы этихъ прозаическихъ разказовъ, и если во вѣншей формѣ усматривается извѣстнаго рода стереотипность, то и въ содержаніи даже тѣхъ сагъ, которыя лишены всякой исторической вѣроятности, мы видимъ не плоды свободной фантазіи художника, а отлѣнкъ народныхъ традицій, сложившихся и выработавшихся по извѣстнымъ схемамъ. *Lugisögur*, говоритъ Мауреръ— были равно извѣстны островитянамъ; но кто намъ говорить, что это названіе не относилось къ тѣмъ мифологическимъ преданіямъ, кѣбра въ которыхъ была понатаана вліяніемъ христіанства, слѣды котораго уже существовали при самомъ началѣ колонизаціи острова? Во всякомъ случаѣ, намъ весьма неясно—какія именно саги подводились подъ эту группу, и слишкомъ обобщать терминъ мы не имѣемъ права.

Когда кончилось самостоятельное правленіе Исландіи и она подчинилась Норвегіи, понятно, значительно ослабъ и интересъ къ разказамъ и событіямъ общественной жизни и къ біографіямъ личностей, уже не игравшихъ прежней роли на поприщѣ общественнаго служенія: норвежскіе правители тормозили струю народной жизни, и исландцы, лишеныя самостоятельности, изнуренные борьбой и внутренними раздорами, разобщенные и ослабленные въ частной жизни, могли только утѣшаться въ отвлеченномъ переживаніи мотивовъ прошлаго. Въ этомъ періодѣ исторіи древне-исландской литературы,— съ конца XIII и затѣмъ почти весь XIV вѣкъ, замѣчается большая литературная плодovitость, и къ нему относятся время записи сагъ съ характеромъ полу-историческимъ или баснословнымъ. Въ какомъ отношеніи являются онѣ къ прежнимъ народнымъ преданіямъ? Последнія, по нашему мнѣнію, все-таки служатъ имъ главною основой. Сильнѣе сказались у книжныхъ людей христіанская окраска, кото-

¹⁾ *Döring*, Bemerkungen über d. Styl und Typus Isländ. Saga 1877. Leipzig.

рая, главнымъ образомъ, проявилась въ епископскихъ сагахъ, до того чуждыхъ поучительнаго, церковно-латинскаго элемента. Но въ сагахъ свѣтскихъ, если и замѣчается порой ея вліяніе, то чисто, какъ внѣшняя прицѣпка; оно сказывается большею частью въ томъ, что тотъ или другой герой древности внезапно принимаетъ христіанство, строятъ церкви и т. п., что не мѣшаетъ ему оставаться по образу дѣйствій такимъ же язычникомъ, какимъ онъ раньше былъ,—ссориться съ сосѣдями, воевать, убивать людей и проч.

Усилившійся классъ образованныхъ людей, изъ которыхъ могли бы выйти авторы и сочинители сагъ, скоро сталъ гнушаться своимъ домашнимъ матеріаломъ и искалъ себѣ сюжетовъ въ иностранныхъ литературахъ. Дѣятельность переводная и подражательная заполонила исландскую литературу. Кто же является сочинителями сагъ? Мауреръ самъ подсказываетъ отвѣтъ: „*Lygisögur*, говоритъ онъ,—были уже съ раннихъ поръ извѣстны Исландцамъ, и хотя люди серьезные не обращали вниманіе на эти народныя сказки (*Volksmärchen*), но другіе не гнушались выслушивать или разказывать ихъ, не рѣдко даже вступая въ споръ о томъ, на сколько содержаніе ихъ правдиво или вымышленно“¹⁾. Итакъ, если серьезные книжно-образованные люди гнушались этимъ родомъ литературы, то не они создали его; а если возникали споры о большей или меньшей правдивости разказа, онъ не могъ являться завѣдомо сочиненнымъ. Этотъ слой народныхъ традицій мы и постараемся пайти не только въ отдѣльныхъ эпизодахъ, но и въ общемъ построеніи саги о Финнбогѣ, которую П. Э. Мюллеръ причислялъ къ разряду полу-историческихъ, К. Мауреръ назвалъ—*lygisaga*, а Н. Петерсонъ—романомъ.

II.

Всѣ извѣстные намъ списки саги о Финнбогѣ Сильномъ сводятся къ тремъ основнымъ текстамъ, которые были обозначены Герингомъ, какъ *A*, *B* и *C*. Подробное сличеніе рукописей и критику текста мы находимъ въ предисловіи къ его изданію *F. S.*¹⁾, въ которомъ на-

¹⁾ См. выше ух. ст. *K. Маурера*: Ueber die Ausdrücke и т. д. стр. 499.

²⁾ См. *Finnboga hins gamla—herausg.* von *Hugo Gering*, Halle 1879. Лестяме отъмымъ заслужило это изданіе отъ К. Маурера, сдѣлавшаго лишь некоторыя поправки къ глоссарію, приложенному въ концѣ (*Jen. Lit. Zeit.* 1879, № 10), *Edzardi (Lit. Centralblatt*, 1879, № 24) и *Brenner (Germania XXIV)*.

Рукопись *A* находится въ *Codex membr. 132 fol.*—арнамагнайск. Handschr. Sammlung, въ Копенгагенской университетской библиотекѣ.

печатавъ собственно текстъ *A*, древнѣйшій по записи; но рядомъ съ нимъ отмѣчены и варианты изъ *B*; въ предисловіи же напечатанъ цѣликомъ и текстъ *C*, представляющій отрывокъ болѣе краткой редакціи одного изъ эпизодовъ *A* и *B*. Крайне тщательная и добросовѣстная работа Геринга врядъ ли дѣлаетъ нужнымъ новый просмотръ рукописей; мы ограничимся изложеніемъ его выводовъ по этимъ вопросамъ и остановимся лишь на его историко-литературной оцѣнкѣ разсматриваемаго нами памятника.

Въ повомъ каталогѣ рукописей Копенгагенской университетской библиотекы высказано предположеніе, что текстъ *C* есть отрывокъ болѣе первоначальной редакціи саги, а *B* и *A* позднѣйшія разработки ея. Но такъ какъ рукопись *C* представляетъ всего одинъ пергаментный листокъ да и то лишь, по записи, принадлежащій къ началу XV вѣка,—то трудно дѣлать на основаніи его какіе бы то ни было выводы. Слѣдующая основная редакція—рукопись *B* написана двумя почерками XV—XVI вѣка, чередующимися между собой. Безспорно древнѣйшимъ изъ текстовъ по записи является рукопись *A*, относимая Вигфуссономъ къ концу XIII вѣка, тоже и Мюллеромъ; К. Мауреромъ же, Петерсономъ и по каталогу библиотекы она отнесена въ первой половинѣ XIV вѣка.

Всѣ три редакціи довольно близки другъ къ другу и разнятся преимущественно лишь въ номенклатурѣ (такъ, сестра Финнбога, названная въ рукописи *A*—*Tognu*, зовется по рукописи *B*—*Togunn*; супругъ ея—*Skidi*, по рукописи *A*; *Hidi*—по рукописи *B* и т. п.) Герингъ предполагаетъ, что *A* и *B* имѣютъ одинъ общій источникъ, редакція котораго до насъ не дошла. Обозначая его буквой ξ , онъ къ нему непосредственно подводитъ *A*, съ его позднѣйшими списками—*g*, *d*, *e*, *f*, *k*, *l* и т. д.; тогда какъ *B*, по мнѣнію Геринга, возводится къ ξ лишь черезъ посредство другихъ, недошедшихъ до насъ редакцій— β и γ . Къ вторичной редакціи β — λ примыкаетъ и *C*, точную связь которой съ ξ трудно установить вслѣдствіе отрывочности текста. Къ *B* затѣмъ въ разномъ отношеніи примыкаютъ позднѣйшіе списки—*m*, *o*, *n*.

Такимъ образомъ, сага о Финнбогѣ дошла до насъ не въ первоначальной редакціи своей, а лишь въ позднѣйшей, къ которой, можетъ быть, примѣшаны были новыя вставки и замѣчанія писцовъ-грамотѣевъ, черезъ руки которыхъ она прошла. Смѣшанный характеръ саги явно обрисовывается даже при простомъ чтеніи текста.

Неровность слога, иностранныя слова (напримѣръ *kurteysi*—фр.

courtois), повторенія, христіанская окраска и т. п., все это свидѣтельствуеъ о томъ, что первоначальная основа сказанія подверглась измѣненіямъ и, быть можетъ, искаженіямъ. Но допустимъ, что переписчикъ рукописи *A* сдѣлалъ лишь незначительныя отступленія отъ прежней редакціи, бывшей у него подъ руками,—является вопросъ: въ какомъ отношеніи стоялъ авторъ ꙗ въ народнымъ преданіямъ и историческимъ извѣстіямъ о Финнбогѣ? Послѣднія выдѣлить не трудно, такъ какъ ихъ у насъ весьма немного.

Въ общемъ событія, описываемыя въ *F. S.*, обнимаютъ время отъ первой половины X вѣка и начала XI в. Большинство дѣйствующихъ лицъ саги существовали на самомъ дѣлѣ и извѣстны намъ изъ другихъ источниковъ—*Landnamabok*, *Melabok* и *Vatnsdælasaga*. Таковыми, историческими лицами являются: самъ герой саги—Финнбогъ; его отецъ Асбиорнъ; Торгейръ, Льостветинскій Годъ; Гаконъ, Норвежскій ярлъ; Брандъ (см. *Laxdoelas.* и *Olafss. Trygvaa.*), Ингимундъ, Токуль, Ториръ, Торстейнъ и другіе. Тѣмъ не менѣе хронологія и генеалогія въ нашей сагѣ значительно перепутаны, и только нѣкоторыя факты въ ней правдоподобны; остальные болѣе или менѣе баснословнаго характера. Годъ рожденія Финнбога опредѣляется, по *Landn. b.*, между 925 и 930 гг. Его предокъ—*Lodinn Oengull* (въ *F. S.* именуемый Ингіаломъ) переселился изъ Норвегіи, именно изъ Галогаланди, въ Исландію въ 890 г. Лодинъ самъ умеръ во время переправы, но сынъ его Эйвиндръ (въ нашей сагѣ именуемый Гуннбиорномъ) овладѣлъ Флатейярдаловою долиною (въ сѣверномъ кварталѣ Исландіи), гдѣ и поселился со своимъ десятилѣтнимъ сыномъ Асбиорномъ. Послѣдній и былъ отцомъ Финнбога, согласно извѣстіямъ какъ нашей саги, такъ и другихъ указанныхъ источниковъ. Былъ ли Асбиорнъ женатъ на сестрѣ Торгейра. личности, игравшей немаловажную роль въ исторіи Исландіи,—это подтвердить трудно. Во всякомъ случаѣ Торгейръ не могъ быть покровителемъ и опекуномъ Финнбога, какимъ онъ выставленъ въ нашей сагѣ, такъ какъ онъ былъ значительно моложе его: Торгейръ исполнялъ должность предсѣдателя на обще-исландскомъ народномъ собраніи (*lǫgsogumadr*) между 985—1001 гг., и его содѣйствіемъ, между прочимъ, христіанство было утверждено главенствующею религіею на островѣ; но Финнбогъ долженъ былъ быть въ то время уже болѣе, чѣмъ зрѣлаго возраста. Точно также трудно опредѣлить вѣрность разказа *F. S.* о поѣздкѣ Финнбога къ Гакону, норвежскому ярлу; но послѣдній является несомнѣнно историческимъ ли-

цомъ и правилъ Галогаландой между 978 и 999 годами. Вообще, историческими въ F. S. являются главнымъ образомъ лишь имена; для опредѣленія вѣрности другихъ свѣдѣній у насъ не достаетъ критеріа, и приходится опираться главнымъ образомъ на внутреннюю правдоподобность ихъ, изслѣдовать поводы, по которымъ они могли бы сложиться. Обратимся теперь къ разсмотрѣнію содержанія.

Весь разказъ о ранней молодости Финнбога, являющагося сначала въ сагѣ подъ именемъ Урдаркотта, и его богатырскихъ подвиговъ до возвращенія въ Исландію стоитъ болѣе или менѣе особнякомъ. Переищанный явно-сказочными эпизодами и подъ общенаснословною окраскою, онъ не представляетъ фактовъ, которые можно было бы провѣрить на почвѣ исторіи; не исключаемъ изъ числа ихъ даже поѣздку Финнбога въ Грикландію (Грецію?), къ царю Іону (Іоанну?), къ которому онъ является за какимъ-то довольно загадочнымъ долгомъ норвежскаго яра и, проявивъ образцы нечеловѣческой силы, столь же быстро и внезапно возвращается на свой далекій сѣверъ, какъ и уѣхалъ оттуда.

В. Г. Васильевскій вполне справедливо отказывается, въ вышеупомянутой статьѣ, придавать этому эпизоду документальное значеніе въ вопросѣ о сношеніи Скандинавовъ съ Византіей въ X—XI вѣкахъ: онъ могъ быть созданъ позднѣе и лишь перенесенъ на Финнбога. Во всякомъ случаѣ вся указанная нами часть саги (главы отъ 1-й до 22-й) представляетъ явную литературную разработку матеріала и не поддается провѣркѣ по другимъ сагамъ. Приращеніемъ назвали бы мы и конецъ саги, главы отъ 39-й до 43-й, которому тоже мы не знаемъ подтверждающихъ его достовѣрность параллелей, и притомъ глава 38-я, замыкающая исторію враждебныхъ столкновеній между Финнбогомъ и его сосѣдами, представляется вполне законченною, какъ бы не предполагающею дальнѣйшаго продолженія разказа. Мы оставляемъ пока въ сторонѣ ту и другую часть и разсмотримъ среднюю, въ которой наснословный элементъ не играетъ почти никакой роли. Выяснится намъ отношеніе этихъ приращеній къ основной завязкѣ саги въ связи съ опредѣленіемъ ея, какъ саги героической, о чемъ рѣчь будетъ ниже. Разказъ о домашней исторіи Финнбога и его сношеніяхъ съ сосѣдами (главы съ 23-й до 39-й) имѣетъ параллель въ *Vatnsdoelasaga*, хотя и не вполне покрывается послѣднею. Во многихъ мѣстахъ F. S. говорится, что о нашемъ героѣ и его сновьяхъ сложилось много сагъ, но онѣ до насъ не дошли, и

кромѣ одного стихотворенія второй половины XIII вѣка ³⁾ и упомянутой *Vatnsdoelasaga*, мы не имѣемъ другихъ свѣдѣній о его дѣятельности на островѣ. Герингъ прямо отвергаетъ существованіе другихъ сагъ объ Финнбогѣ, находя, что было бы слишкомъ странно, чтобы ни одной изъ нихъ до насъ не дошло. Поэтому онъ называетъ *Vtnsd.* в. источникомъ, послужившимъ основой для позднѣйшаго составителя F. S. Характеръ ихъ тѣмъ не менѣе вполне различенъ. „Въ общемъ“, говоритъ Герингъ (стр. XXXVII),— „Финнбогова сага представляется созданною въ извѣстномъ тенденціозномъ противоположеніи къ *Vtnsd.*; можно было бы думать, что составителемъ ея былъ какой-нибудь преемникъ Финнбога, который захотѣлъ возстановить въ славѣ своего патрона (*alþeigg*), играющаго въ *Vatnsd.* довольно плачевную роль, если бы не дѣлало это предположеніе вполне невозможнымъ незнаніе генеалогическихъ данныхъ, которое въ исландцѣ страннѣе, чѣмъ въ комъ бы то ни было“. Далѣе: „Финнбогова сага является произведеніемъ человѣка, который соединилъ во единю матеріалъ, даваемый ему *Vatnsd.* сагой и частью сохранявшійся въ народныхъ преданіяхъ, посредствомъ романтическихъ сплетеній; отдѣльные эпизоды онъ частью заимствовалъ изъ древнихъ сагъ, частью самъ выдумывалъ. Собственная фантазія его отличалась крайнею скудостью, что сказалось въ частыхъ повтореніяхъ... Характеристики его слабы или карикатурны... Лишь изрѣдка, въ главахъ 36-й, 82-й, 41-й, 42-й, видимъ мы блѣдныя слѣды нѣкотораго эническаго искусства и здороваго юмора... Авторъ саги совершенно не выяснилъ намъ мотивы, на которыхъ основываются эпизоды его собственной фантазіи, (глава объ Альфѣ)... Все произведеніе носитъ на себѣ явные слѣды послѣ-классическаго періода“... (стр. XXXVIII и слѣд.).

Не станемъ спорить, что Финнбогова сага далеко не представляетъ изъ себя цѣльнаго произведенія, и что она не чужда повтореній, неровностей, мѣстами нѣкоторой неясности и сбивчивости;

³⁾ Скальдъ *Haukr Valdivarson* посвящаетъ нашему герою нѣсколько строкъ (14-я строка изъ *Islendingadrara*). Полныя условныхъ, фигуральныхъ выраженій и крайне искусственныхъ оборотовъ, какъ вообще вся поэзія скальдовъ, онъ трудно поддаются точному переводу. Приводимъ ихъ въ переэразировкѣ, предложенной А. Н. Веселовскимъ, которому при семъ случаѣ выражаемъ свою благодарность за оказанную помощь.

«Финнбогъ обогрѣлъ въ кровь прекрасный мечъ; онъ, что крикну высту-
палъ, сильный противъ витязей, и не мало устранившихся вонтелей уходили отъ
богатыря».

мы имѣемъ въ ней дѣло со сводомъ, это несомнѣнно; но интересно выяснить: какъ онъ сложился? Прежде всего слѣдуетъ помнить, что извѣстныя намъ рукописи не представляютъ первичной редакціи саги, и слѣдовательно, многія искаженія могли въ нее закрасться позднѣе. Затѣмъ, при рѣчи объ авторѣ, если Герингъ а priori не допускаетъ, что это былъ какой-нибудь преемникъ изъ рода Финнбога, пожелавшій возстановить его славу, то кто же могъ вдохновиться каррикатурнымъ очеркомъ Финнбога, какинъ онъ выставленъ въ *Vtmsd. s.*, чтобы сложить о немъ сагу? Не слишкомъ ли смѣло рѣшаетъ Герингъ изъ того, что до насъ не дошли упомянутыя другія саги о Финнбогѣ, что ихъ совсѣмъ не было, и позднѣйшему грамотѣю приписываетъ всю затѣю этого „историческаго романа“, какъ онъ называетъ *F. S.*? Быть можетъ, и многіе, съ перваго раза непонятные эпизоды найдутъ иное объясненіе, чѣмъ „скудость фантазіи автора саги“, и выяснятся въ связи съ общимъ развитіемъ схемы, по которой происходила героизація Финнбога; но пока мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ и рассмотримъ отношеніе *F. S.* къ *Vatnsdoelasaga*.

Ватнсдалова сага бесспорно древнѣе по записи, чѣмъ *F. S.* въ рукописи *A*. По опредѣленію Гудбр. Вигфуссона и Т. Мѣбіуса она относится къ 1250—60 годамъ, къ концу такъ называемаго „золотого періода“ сагописанія. Въ общемъ довольно правдоподобная, она все-таки не чужда нѣкотораго миеологическаго элемента (какъ напримеръ, разказы въ ней о богѣ Фрейрѣ и др.), вслѣдствіе котораго и была отнесена Моллеромъ къ разряду сагъ полу-историческихъ. *Vtmsd. s.* представляетъ типъ областной саги, если можно такъ выразиться, такъ какъ общее содержаніе ея сводится къ разказамъ о заселеніи Ватнсдаловой долины, находящейся въ сѣверн. кварталѣ Исландіи, и исторіи ея жителей. При этомъ дѣйствіе сперва происходитъ въ Норвегіи, потомъ переносится въ Исландію и обнимаетъ почти два столѣтія—съ IX до нач. XI в.

Начинаетъ сага съ разказа объ Кетилѣ-Сильномъ, доблестномъ предкѣ главевствующаго дома въ Ватнсдаловой долинѣ. Повѣствуется объ его подвигахъ въ Норвегіи, о дружбѣ съ Гаральдомъ Прекрасноволосымъ, на сторонѣ котораго онъ даже сражался при Гафарсфьордѣ. Сынъ Кетилиа, Ингимундъ, повинувая прорицанію кудесниковъ и заручившись согласіемъ короля Норвежскаго, переѣзжаетъ на жительство въ Исландію вмѣстѣ съ своими сыновьями—Торстейномъ и Юкулемъ; подробно описывается вся исторія заселенія Ватнсдала;

поименованы всѣ лица, примкнувшія къ Ингимунду; даются названія разнымъ удѣламъ земли въ связи съ какими-нибудь происшествіями во время заселенія. Послѣ этого разказъ сосредоточивается на жизни колонистовъ въ ихъ новой родинѣ, главное вниманіе отводится Ингимундовымъ сыновьямъ. Сага заканчивается смертью Торкала, Торгримова сына, воспитаннаго Торстейномъ, сыномъ Ингимунда.

Мы сказали, что общій характеръ саги—правдоподобный; тѣмъ не менѣе тенденціозная окраска ея сказывается довольно рѣзко, и въ частностяхъ мы усматриваемъ нѣкоторыя несообразности, которыя выясняются, только принявъ во вниманіе эту окраску. Въ центрѣ разказа—прославленіе дома Ингимунда, къ чему клоняты всѣ вводные эпизоды. Представляя изъ себя сводъ отдѣльныхъ сказаній, *Vtnad. s.* не можетъ считаться безусловно вѣрною исторіей, именно—вслѣдствіе явной тенденціозности общаго направленія ея. Намъ кажется, что Мёбіусъ (въ вышеуказанной статьѣ), очень напирая на круговую поруку, которая долженствовала служить контролемъ истинности передачи, преувеличиваетъ ея значеніе даже для наиболѣе древнихъ сагъ; во всякомъ случаѣ, саги разказывались не только на обще-исландскомъ вѣчѣ, но и на частныхъ собраніяхъ, происходившихъ по отдѣльнымъ кварталамъ Исландіи, и въ семейномъ быту, на иршествахъ и т. п.

Борьба партій играла въ исторіи Исландіи не маловажную роль, и естественно, что извѣстная тенденціозность сказалась въ преданіяхъ о томъ или другомъ дѣятелѣ. Ее-то мы и усматриваемъ въ Ватнсдаловой сагѣ, въ которой мѣстныя и родовыя преданія не разъ одерживаютъ верхъ надъ фактической вѣрностью, толкуя событія въ свою пользу. Другія вводныя лица саги противопоставляются главнымъ дѣйствующимъ героямъ, какъ слабые и безславные люди, служа лишь къ большому возвеличенію Ватнсдаловцевъ. Въ такомъ освѣщеніи представленъ въ этой сагѣ и эпизодъ о столкновеніяхъ Ингимундовыхъ сыновей съ Финнбогомъ, въ изложеніи котораго нельзя не замѣтить многихъ странностей и несообразностей ¹⁾. Такъ, съ

¹⁾ Приводимъ переложеніе, довольно близкое къ подлиннику, этого эпизода, обнимающаго пять главъ (31—35) *Vtnad. s.*—сравненіе его съ *F. S.* не безынтересно и поможетъ выясненію различія характера обѣихъ сагъ:

Гл. 31.—Однажды Торстейнъ, старшій сынъ Ингимунда, жившій въ Гоеъ, вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Эйренгомъ увидѣли толпу изъ десяти человекъ, проходившихъ по полямъ. Между ними были и женщины. Люди эти одѣты были

перваго появленія въ сагѣ Финнбога и Берга, они выставлены въ карикатурномъ видѣ (гл. 31-я); безпричинная ненависть у нихъ къ Ватисдаловцамъ; Финнбогъ униженъ совсѣмъ и даже самъ не знаетъ, почему Бергъ, а потомъ и онъ также, враждебно относятся къ Ингимундовичамъ; сцены съ Гельгой, женой Берга, по своей комичности, явно говорятъ о предубѣжденности слагателя саги; наконецъ,

очень хорошо. Вотъ одинъ изъ мужей, особенно нарядный, мечетъ отрывать запачканный подолъ своего платья, говоря, что онъ не хочетъ волочить за собой такую грязь. Женщина подобрала обрывокъ и выбрала мужа за готовство. Вечеромъ, на подворьѣ Торстейна зашла рѣчь объ этомъ происшествіи. Торстейнъ сказалъ, что тратить свое добро, хотя бы и въ мелочахъ, и портить чужой дугъ свойственно только человѣку глупому и безразсудному, либо ужъ очень знатному и расчотытельному. Замѣтилъ онъ также при этомъ, что проходившіе мимо люди незашли къ нему—просятъ гостепріимства, по обычаю странниковъ. „Догадываюсь я“, заключилъ Торстейнъ,—„что тутъ былъ Бергъ-Собака, уѣзжавшій на лѣто изъ Исландіи, племянникъ Финнбога-Сильнаго изъ Борга, въ Виддалѣ. Крѣпокъ онъ по силѣ, за то и крайне задирчивъ“. Предположеніе Торстейна оказалось справедливымъ: эти люди, привлечшіе своимъ страннымъ поведеніемъ вниманіе жителей Гоаа, были Бергъ-Собака и Финнбогъ-Сильный со своими челядниками. Игнаваъ Гоаъ, они прямо направилась къ дому, въ Боргъ. Финнбогъ съ недоумѣніемъ спрашиваетъ своего племянника—почему не зашли они къ Торстейну? Бергъ отвѣчаетъ неопредѣленно: „Потому не зашли, что мнѣ до него дѣла не было“.

Гл. 32.—Близкій соседъ Финнбога, житель той же долины—Виддала, Торgrimъ справилъ свою свадьбу съ Торбюргой, дочерью Скида. Пригласилъ онъ къ себѣ на пиршество Берга съ Финнбогомъ, а также и сыновей Ингимунда. Празднество было назначено при наступленіи зимы, въ домѣ отца невесты, Скида. Въ ту пору, какъ собрались Бергъ съ Финнбогомъ отправиться на приглашеніе,—погода стояла самая скверная,—морозило и снѣгу много выпало. На пути пришлось имъ переправляться черезъ рѣчку—Ватидальса. Она вся обмерзла съ береговъ и только середина оставалась чистой. Финнбогъ пошелъ доставать лошадей, чтобы какъ нибудь перебраться, къ одному крестьянину, жившему поблизости. Но Бергъ воскликнулъ: „Я долженъ превосходить людей“, снѣго бросая въ воду, и благополучно достигъ другого берега; только платье на немъ все вымокло и обмерзло. Радужно встрѣтилъ Скидъ гостей своихъ, а съ ними вмѣстѣ вышли на встрѣчу Бергу и Финнбогу раньше прибывшіе Торстейнъ съ братьями. Торстейнъ сталъ хлопотать, чтобы скорѣе смѣнили платье гостямъ, ибо ко всякому онъ былъ въ высшей степени внимателенъ. Финнбогъ расположился у огня, а Бергъ, раздѣваясь, поднялъ большой шумъ и требовалъ, чтобы ему дали посушиться „Дай же мнѣ мѣсто“ грубо крикнулъ онъ Торстейну и такъ толкнулъ его, что тотъ чуть въ огонь не упалъ. Видя это, Юкулъ, братъ Торстейна, подскочилъ къ Бергу и сшибъ его съ ногъ ударомъ меча по плечамъ. „Негодяй ты такой (Skelmir—шельма)!“ воскликнулъ онъ,—„будешь ли

само изгнаніе Финнбога, безъ всякаго суда, по одному слову Торстейна, представляется верховъ невѣроятности. „А на этомъ“, говорится въ сагѣ,—„заканчивается исторія столкновеній Ингимундовыхъ сыновей“. О Финнбогѣ больше ни полслова.

Мы сказали, что намъ кажется весьма сомнительнымъ, чтобы эти нѣсколько главъ Vntsd. s. могли послужить источникомъ для

ты когда-нибудь обращаться съ нами, Ватнедаловцами, какъ подобаетъ“. Торстейнъ предложилъ даже Бергу нѣвѣстное вознагражденіе за нанесенное ему Йокульемъ оскорбленіе, но Бергъ отъ него отказался, говоря, что самъ сумѣетъ отстоять себя. Тогда хозяинъ хотѣлъ выпроводить черезъ-чуръ разошедшихся Берга съ Финнбогомъ, но Торстейнъ этого не допустилъ: Снядъ приходился родственникомъ Финнбогу и удаленіе послѣдняго могло разстроить свадьбу. Потому великодушный Торстейнъ предпочелъ самъ удалиться и вмѣстѣ со всѣми своими челядниками направился въ Марстадъ.

Гл. 33.—На Гунаватномъ вѣчѣ Бергъ излагаетъ дѣло о полученномъ имъ ударѣ и дожидается веденія процесса. При большомъ стеченіи народа Бергъ отказался отъ денежнаго вознагражденія и потребовалъ, чтобы Йокуль подвергся наказанію, которое обыкновенно налагалось за важные проступки: онъ долженъ былъ пройти съ вѣвѣтными обрядами подъ тремя кусками дерна. Йокуль началъ перебраниваться съ Бергомъ и ни за что не соглашался подвергнуться этому наказанію. Тогда Торстейнъ, съ согласія Берга, принялъ на себя наказаніе, чтобы удовлетворить неоговорчиваго противника Йокуля. Бергъ положилъ къ себѣ на плечи одинъ кусокъ дерна, другой—закрѣпилъ у пояса, а третій—просунулъ между ногъ. Торстейнъ подошелъ и нагнулся подъ первый кусокъ дерна „Опозорилъ прегнулъ какъ свинью) и этого мужа, промѣнясь Бергъ, какъ раньше того былъ опозоренъ Ватнедаловцемъ“. „Не смѣешь ты говорить этого!“ воскликнулъ Торстейнъ, „если ты сейчасъ же не откажешься отъ своихъ словъ, то я не пройду подъ остальными полосами дерна“. Тутъ вмѣшался Финнбогъ; задѣлъ бранью Торстейна и вызвалъ его на поединокъ черезъ недѣлю въ назначенное мѣсто, недалеко отъ Борга. Съ подобнымъ же вызовомъ обращается Бергъ къ Йокулью. „Каково—что дерзаетъ этотъ негодяй!“ воскликнулъ Йокуль. „Осмѣливаешься ты равняться съ нами и даже вызвать меня на поединокъ,—а я такъ думаю, что съ моей стороны не будетъ хвастовствомъ—взяться одному съ вами обоими справиться. Пускай такъ оно и будетъ: избавлю и отъ хлопотъ брата моего Торстейна, такъ какъ досадно было бы, чтобы онъ ради меня подвергся какой-нибудь несправедливости; хотя и невѣроятно, чтобы Финнбогъ осмѣлилъ его, такъ какъ мужъ онъ полный доблести; но другъ друга щадить мы не станемъ. Когда я ударилъ Берга, онъ скорчился хуже суки, — теперь выходи на поединокъ со мной, если есть въ тебѣ хоть сколько-нибудь больше мужества, чѣмъ у кобылы! Но если ктонибудь въ назначенное время не придетъ, то пусть будетъ онъ обезславленъ, какъ самый ничтожный человѣкъ; никогда не будетъ онъ принятъ въ общество порядочныхъ людей и презрѣдывать его будетъ глѣвъ хорошихъ; прозвище получить онъ—нарушителя мира!“ На

сложенія Финнбоговой сѣги; замѣтимъ еще особенность въ изложеніи: составитель V. S. главнымъ противникомъ Ингимундовичей дѣлаетъ не Финнбога, а Берга, челоуѣка заѣзжаго и малоизвѣстнаго. Бергъ является какъ бы настоящимъ хозяиномъ Борга, а Финнбогу отведена пассивная роль. Мало того: нѣкоторыя доблестныя стороны послѣдняго отмѣчаются и даже Торстейнъ относится къ нему не

этомъ пока разстались и Торстейнъ поѣхалъ въ Гоеъ, на пиршество, съ друзьями своими. Жена Берга звалась Гельгой. Была она женщина красивая, сильная, а также—колдунья. Когда къ ней воротились наши пріятели она сказала Бергу: „Безразсудно поступили вы, задумавъ состояться съ сыновьями Ингимунда. Много опытный мужъ Торстейнъ и удача его извѣдана, а объ Іокуль говорятъ, что нѣтъ равнаго ему силача во всей сѣверной области“. Бергъ возразилъ, что Іокуль сильно оскорбилъ его, такъ что не могъ онъ перенести обиды. „Да ужели же ты такъ глупъ, крикнула на него жена, что не увидишь смотреть за собой! Ну, такъ ужъ я позабочусь о томъ, чтобы поединку этому не бывать.— „Не тебѣ совѣты давать“, отвѣтилъ Бергъ; а Финнбогъ ничего не зная объ этомъ замыселѣ Гельги.

Гл. 34.—Въ тотъ день, когда соперникамъ надо было выѣзжать на мѣсто поединка, поднялась страшная метель и вьюга. Торстейнъ и Іокуль встали рано утромъ и задумались—ѣхать ли имъ въ такое несчастье? Но Іокуль рѣшилъ—ни за что не оставаться дома; собрался съ нимъ и Торстейнъ, не желая отпустить его одного. Напередъ сдѣлалъ онъ нужныя распоряженія по хозяйству, наказавъ женѣ своей быть ласковой и гостепріимной со всеми родственниками и пріятелями.—Дорогой Іокуль предложилъ захватить еще за братомъ ихъ Ториромъ и взять его съ собой. Такъ они и сдѣлали, а вечеромъ прибыли къ Сакоа-Вранду, у котораго переночевали. На слѣдующее утро, хотя погода продолжала свирѣпствовать, отправились все въ путь: Торстейнъ съ Ториромъ въ кожаныхъ саняхъ Вранда, а послѣдній съ Іокулемъ — пѣшкомъ. Когда они прибыли въ назначенное мѣсто, то тамъ никого не оказалось.—Въ то же время между Финнбогомъ и Бергомъ происходилъ разговоръ слѣдующаго рода: „Какъ ты думаешь, спросилъ Финнбогъ, прійдетъ ли Іокуль въ такую погоду?“—„Пологаю, что нѣтъ, отвѣчалъ Бергъ; какой челоуѣкъ выйдеть въ такое несчастье?“— „Ну такъ совѣтъ не тотъ челоуѣкъ Іокуль, какъ я объ немъ думалъ, молвилъ Финнбогъ; лучше было бы и не тягаться съ нимъ, чтобы не терпѣть за это теперь позоръ (такъ какъ поединокъ не состоялся)“. Вышла же въ разговоръ Гельга: „Поздно надумались вы, и какъ вамъ теперь ни плохо кажется, а впереди еще хуже того будетъ“.—„Развѣ ты думаешь, что Іокуль прійдетъ?“ спросилъ Бергъ. „Нечего мнѣ думать, отвѣчала она, а только знаю я то, что Іокуль не вамъ чета“. На этомъ разговоръ покончился и Финнбогъ съ Бергомъ не поѣхали на поединокъ. Ингимундовы сыновья прождали ихъ до трехъ часовъ пополудни (тѣл попп). Когда же увидѣли они, что соперниковъ все нѣтъ, то Іокуль съ Врандомъ направились къ изгороди, что окружала хлѣвъ Финнбога, и выгнали оттуда коня. Въ этомъ хлѣвѣ стояла лошадь, укрывавшаяся отъ непогоды. Іокуль

безъ уваженія: „Ты самъ и силенъ и храбръ, говоритъ онъ Финнбогу, только люди то твои, самъ знаешь, какковы“ (гл. 35-я). Не высказывается ли въ этомъ нѣкоторая нерѣшительность слагателя саги прямо нападать на Финнбога, какъ человѣка болѣе или менѣе извѣстнаго и прославленнаго — постольку могла повліять круговая порука, которая, не сдерживая разказчика въ крайнемъ возвеличеніи

вырвалъ на одномъ концѣ кола человеческую голову и руками изобразилъ все то, о чемъ было выше разказано. За тѣмъ онъ убилъ кобылу, распоролъ ей грудь и воткнулъ на колъ; все это поставилъ онъ такъ, чтобы на виду было изъ Борга. Послѣ всего этого поѣхали они къ Бранду, гдѣ заночевали. Вечеръ провели они въ пріятельской бесѣдѣ, толкуя объ утреннемъ происшествіи; бурю они приписали колдованіямъ Гельги, жены Верга. На слѣдующій день Торстейнъ и Юкуль воротились домой.

Гл. 35.—Вскорѣ послѣ описанныхъ происшествій Вергъ и Финнбогъ стали созывать жителей Видидала и набрали толпу изъ 30 человѣкъ. „За чѣмъ это?“ спросила Гельга. Отвѣчалъ Финнбогъ, что нужно ѣхать въ Ватсдалъ. „Вотъ какъ! молвила Гельга, вы собираетесь отыскать Ингундовымъ сыновьямъ; а я такъ полагаю, что еще хуже себя бѣды наживете“. „Попытаемся!“ храбрился Финнбогъ. „Позывайте же, пророчила имъ Гельга: только не легче вамъ будетъ возвращеніе, чѣмъ путь туда“.—Вѣсть о сборахъ Финнбога дошла до Торстейна. Онъ послалъ за братьями своими и нѣкоторыми родственниками, такъ что всего набралось ихъ 9 человѣкъ. Выѣхали они изъ Гоа на встрѣчу Финнбога,—это потому, пояснилъ Торстейнъ, что не хочетъ онъ, чтобы тѣ толтали его подворья. Юкуль подбивалъ сдѣлать неожиданное нападеніе и врасплохъ захватить Верга съ Финнбогомъ, но Торстейнъ на это не согласился, успокоивъ задорнаго Юкула. Когда Финнбогъ увидѣлъ ѣхавшихъ изъ Гоа, онъ обратился съ рѣчью къ своимъ людямъ: „Намъ предстоитъ теперь выборъ двоякаго рода, но оба исхода не завидны: либо вернуться вспять и ѣхать домой,—это самое постыдное; либо уже отвѣтиться на столкновеніе съ Торстейномъ; хотя дѣло это опасливое, но все же мнѣ кажется лучше перваго“. „Никакой опасности не предстоитъ намъ, сказалъ Вергъ, и конечно имъ одержимъ верхъ“. „Ну такъ сойдемъ съ лошадей, предложилъ Финнбогъ, переважемъ ихъ, и будемъ вести себя, какъ слѣдуетъ“. Торстейнъ со своими людьми тоже спѣшились, увидѣвъ, что это дѣлали люди Финнбога. Послѣ этого Торстейнъ выступилъ впередъ и обратился къ непріятелямъ съ рѣчью: „Кто предводительствуетъ этими людьми, пришедшими сюда?“—Финнбогъ назвалъ себя. „Зачѣмъ пришли вы въ эту долину?“ „Бывають порой надобности въ этой долині“, отвѣчалъ Финнбогъ. „А я такъ полагаю, сказалъ Торстейнъ, что вы имѣли цѣлью повстрѣчаться съ нами, братьями. Если это такъ, то теперь, Финнбогъ, вамъ предстоитъ двоякій выборъ: не потому предлагаю я тебѣ два выбора, что было бы несправедливымъ только одинъ исходъ предоставить тебѣ: ѣхать бы тебѣ домой къ себѣ, и сидѣть у себя въ Боргѣ. Другой выборъ: вступить намъ теперь въ бой; но при этомъ каждому пришлось бы заставить людей своихъ страдать, а

своихъ героевъ и приниженіи ихъ противниковъ, все-таки заставляетъ осторожно относиться къ извѣстнымъ репутаціямъ, беречь обще-чтимиыхъ личностей и выбирать мало-извѣстныхъ, постороннихъ лицъ, чтобы ими украшать пьедесталъ своихъ героевъ? А Финнбогъ былъ лицо, безспорно, извѣстное между исландцами, что подтверждается нѣкоторыми географическими данными: въ той же Гунаватновой сислѣ, въ которой находилась Ватисдалъ, была другая долина — Видидалъ, и въ ней до сихъ поръ сохранились слѣды полуразвалившагося замка — Борга (Borg). Владѣльцемъ его, по единогласному призванію сагъ, является Финнбогъ-Сильный. За тѣмъ въ западномъ кварталѣ Исландіи, въ области Трекилисвикъ, съ именемъ того же героя связано названіе большого подворья — Финнбого-стадъ, тоже уцѣлѣвшаго въ частяхъ до нашего времени. По народному повѣрью, церковь Финнбога была выстроена въ Воэг, гдѣ поныѣ видны слѣды кладбища. Наконецъ, отецъ Финнбога, Асбюрнъ, былъ владѣльцемъ Флатейярдоловой долины, въ сѣверномъ кварталѣ Исландіи, и

самъ знаешь ты, каковы твои люди, хоть лично ты и рослъ и силенъ. Пусть будетъ такъ: весной ты выѣдешь изъ Видидала и не будешь селиться во всей области между рѣкой Юкульсой, въ Скалаэордѣ, и р. Грутаэордовой; не станешь ты больше затѣвывать ссоръ съ нами, братьями. А ты, Бергъ, много надосядилъ намъ всякими неприятелими. Съ самаго начала своего прибытія показалъ ты мнѣ обращикъ своего высокоумія, когда топталъ мой лугъ своими лошадьми. Ужели думалъ ты, что я настолько мелоченъ, что стану выскивать съ тебя за поправу? Когда же братъ мой Юкуль нанесъ тебѣ ударъ, то выскивать за это ты не имѣлъ права, такъ какъ ты отказался отъ предложеннаго тебѣ тутъ же вознагражденія. Ты тоже не долженъ остаться въ той области, изъ которой изгнанъ Финнбогъ и еще менѣе его будешь въ „нашихъ мысляхъ“. Скорѣе же выбирайте одно изъ двухъ“. Во время рѣчи Торстена около него стояли Юкуль и Эйренгъ, готовые къ нападенію. — Отправились Бергъ съ Финнбогомъ къ лошадямъ своимъ, вскочили на нихъ, и не перевода духа, прискакали въ Боргъ. Гельга встрѣтила ихъ и спросила: „что новаго?“ Отвѣчали они, что нечего имъ разказывать: „Можетъ быть, это только вамъ такъ кажется (что нечего говорить), возражала она, но никому никому дѣло не представляется въ такомъ видѣ. Вы теперь стали изгнанниками, какъ какіе-нибудь злодѣи и чаша вашихъ несчастій переполнилась до края“. Торстейнъ вернулся въ Гоэъ и распустилъ друзей своихъ, поблагодаривъ ихъ за участіе. Весной Финнбогъ продалъ Боргъ и поѣхалъ къ сѣверу, въ Трекилисвикъ, гдѣ и поселился. Бергъ тоже выѣхалъ, но въ сагъ не говорится, гдѣ онъ нашелъ себѣ пристанище. А на этомъ заканчивается исторія столкновеній смывшей Ингмунда. — (См. Fogsvogur, изд. *Möbius*, стр. 21—58).

тамъ провелъ нашъ герой свою юность ¹⁾. Вѣроятно ли при этомъ, что исторія столкновений нашихъ героевъ сложилась въ одну редакцію Ватнсдаловой саги? Что въ Видидагъ, въ Трекилсивикъ, въ Флатейярдагъ не развились разказы, параллельно Ватнсдаловскимъ, но которыя въ свою очередь отводили второстепенное мѣсто соперникамъ Финнбога? Что же касается до самой вражды между этими двумя родами, то хотя фактъ ея и самъ по себѣ не представляетъ ничего необычнаго при исландскихъ порядкахъ, можетъ быть, болѣе опредѣленное объясненіе ему мы найдемъ изъ сопоставленія слѣдующихъ фактовъ: предокъ Ингимундовичей, Кетиль, еще въ Норвегіи былъ сторонникомъ Гаральда и, какъ мы знаемъ, даже сражался за него; а его сынъ Ингимундъ переѣзжаетъ въ Исландію съ разрѣшенія Норвежскаго короля. Между тѣмъ, именно водареніе Гаральда въ Норвегіи заставило предка Финнбога искать себѣ новую родину. „Пришелъ сюда (въ Исландію) Асбиорнъ, говорится въ 1-й главѣ F. S., отъ мужей власть имущихъ, не стерпя ихъ несправедливости и беззаконій, какъ то дѣлали иные достойные люди“. Очевидный намекъ на переворотъ въ пользу королевской власти. Если, такимъ образомъ, еще предки нашихъ героевъ находились во враждебныхъ лагеряхъ, то немудрено, при силѣ родовыхъ преданій у исландцевъ, что ненависть переходила отъ отцовъ къ дѣтямъ и вызывала постоянныя столкновения между двумя домами, случайно даже поселившимися въ близкомъ сосѣдствѣ другъ отъ друга. Не сознаніе ли этой коренной вражды и побудило вліятельныхъ членовъ исландскаго правленія разъединить непримиримыхъ противниковъ, предложивъ одному изъ нихъ добромъ переселиться? Въ F. S. переѣздъ Финнбога достаточно мотивированъ: ему, благодаря его личнымъ доблестямъ, легче будетъ устроиться на новомъ мѣстѣ. Но конечно, могло быть и то, что партія Локуля въ данное время переселила

¹⁾ См. *Kalend* — hist. tyograf. Beskrivelse af Island, за тѣмъ *Klæben* въ Allg. Encycl. Ersch et Gruber подъ словомъ Island (geographie) 1865 г. Основаніе Боргова замка по изслѣдованіямъ ученыхъ путешественниковъ Олавсена и Повельсена (см. *Olafsen's Povelsen's Reise durch Island etc.* Leipzig 1874—1875) приписывается не Финнбогу, а повиднѣ жившему скальду Гундмундону, XI вѣка. Но если уже съ XIII вѣка (Vtisd. я.) народная молва хвалиномъ его дѣлаетъ Финнбога, то имя послѣдняго должно было все-таки пользоваться извѣстной славой; во всякомъ случаѣ и размысленія упомянутыхъ путешественниковъ не дали послѣдняго слова объ основаніи Борга и его раннихъ владѣльцахъ.

сторонниковъ Финнбога, такъ что не ему, а послѣднему предложено было очистить мѣсто. Ближайшимъ мотивомъ къ непріязненнымъ столкновениямъ въ F. S. выставлено неудачное сватовство Юкула, о которомъ благоразумно умалчиваетъ Ватнсдалова сага. Въ общемъ, при сопоставленіи обѣихъ редакцій, если на сторонѣ Vtnd. S. краткость изложенія, то за Финнбоговою сагой должно признать во многихъ случаяхъ гораздо большую правдоподобность (я прежде всего весь разказъ объ удаленіи Финнбога). При этомъ, какъ мы указали, обѣ саги далеко не покрываютъ другъ друга: въ V. S. есть эпизоды, о которыхъ F. S. ничего не знаетъ, и на оборотъ. Точки сближенія такъ общи и въ сущности неособенно значительны, что невольно возникаетъ предположеніе о полной независимости обѣихъ редакцій, и послѣ высказанныхъ нами соображеній, мы иначе объяснили бы себѣ возникновеніе Финнбоговой саги, чѣмъ заимствованіемъ изъ Ватнсдаловой.

Всякое происшествіе на немногочисленномъ островѣ—будь то ссора двухъ сосѣдей, непріязненные столкновения, разрѣшающіяся большимъ или меньшимъ кровопролитіемъ, поединки, свадьбы, пиршества и т. п., вызвали много толковъ между жителями. „Говорили люди“, „объ этомъ пошелъ большей толкъ“, „далеко распространился слухъ“—этими и подобными выраженіями начинается и заканчивается почти всякая глава въ сагахъ. Когда дѣло требовало разбирательства суда, то тѣмъ болѣе возбуждалось любопытство къ нему. Толковали о немъ прежде всего на общихъ собраніяхъ, а на нихъ стекалось все свободное населеніе Исландіи. Затѣмъ члены племенія, возвращаясь домой, привозили съ собою вѣсти, которыя такъ или иначе комментировались въ домашнемъ кругу. Эти толки или новости (tidindi) составляютъ зерно собственно исландскихъ сагъ. При этомъ, когда извѣстная личность привлекала къ себѣ общее вниманіе, естественно было, что интересовались узнать: кто онъ родомъ, на комъ женатъ, какія связи имѣетъ и т. п.? Семейныя преданія сами собою примыкали къ разказамъ, и послѣдніе постепенно срастались въ своды. Задолго еще до того, какъ ихъ стали записывать, эти разказы бродили въ устной передачѣ, выслушивались и комментировались, вызывая въ свою очередь толки и обсуждения. Весьма возможно, что какой-нибудь болѣе ловкій разказчикъ, изъ желанія соблюсти полноту и цѣльность тамъ, гдѣ память измѣняла ему, или гдѣ онъ самъ недостаточно зналъ дѣло, притягивалъ эпизодъ изъ другихъ разказовъ или самъ присочинялъ. Сторонники разныхъ

партий необходимо старались каждый представить дѣло выгоднѣе для себя, а взаимная провѣрка ограничивалась лишь самою сущностью фактовъ. Затѣмъ, когда стали записывать саги, то почти каждая изъ нихъ (какъ-то свидѣтельствуешь Ари) представлялась во многихъ различныхъ вариантахъ, и приходилось выбирать между ними. Но выбирали люди, какъ Ари, Оддъ и проч., получившіе школьное образованіе, задавшіеся сознательною цѣлью писать исторію Исландіи. Въ большинствѣ же случаевъ записывалась та редакція, которая находилась подъ рукой, къ которой записыватель саги стоялъ ближе по родственнымъ или мѣстнымъ отношеніямъ. Поэтому, параллельное существованіе двухъ или больше редакцій разнаго типа, но съ однимъ основнымъ сюжетомъ, не представляетъ ничего страннаго и не должно вызывать непремѣннаго заключенія, что одно заимствовано у другаго. Онѣ могли быть вполне независимы, и вмѣсто того, чтобы искать источниковъ въ литературѣ же и объяснять одно произведеніе только изъ другаго, иногда бываетъ проще обратиться къ ихъ общему источнику—дѣйствительнымъ происшествіямъ, послужившимъ основой литературнымъ произведеніямъ. Для Финнбоговой саги эта независимость образованія редакцій особаго типа намъ кажется несомнѣнною—въ виду общихъ соображеній, въ виду извѣстій о существованіи многихъ, недошедшихъ до насъ, сагъ, наконецъ, въ виду приведенныхъ выше строкъ скальда Гундмундарсона, несомнѣнно болѣе древнихъ, чѣмъ *Vtmsd. S.* и невѣроятности существованія одной только тенденціозной и не вездѣ вѣроятной редакціи, каковъ разказъ въ *V. S.*

За историческій фактъ въ этихъ сказаніяхъ мы можемъ принять лишь существованіе вражды между двумя владѣтельными домами, частыя столкновенія между ними, неудавшійся поединокъ и переселеніе Финнбога. Частные эпизоды этой исторіи намъ съ достовѣрностью не извѣстны и разказываются различно. Да собственно они и не такъ важны, чтобы надъ ними дѣлать долги изысканія и можно остановиться на той редакціи, которая кажется болѣе правдоподобной.

Относительно сбивчивости хронологическихъ и генеалогическихъ данныхъ въ *F. S.*, смутившихъ Геринга, замѣтимъ, что сага эта, почему бы то ни было, проникла въ запись позднѣе и значительно разросшись; затѣмъ мы имѣемъ дѣло не съ первичнымъ текстомъ, и кромѣ того, въ разныхъ рукописяхъ даются разные имена дѣйствующимъ лицамъ, и даже въ такихъ, которыя представ-

ляютъ изъ себя болѣе или менѣе близкіе списки. Наконецъ, въ Финнбоговой сагѣ мы имѣемъ не осколокъ частныхъ преданій, а своего рода образчикъ героическаго эпоса, въ которомъ дѣйствительность событій отодвинута на второй планъ. Финнбогъ, являясь по очереди жителемъ трехъ областей, легко поддавался обобщенію типа, и частые переѣзды его могли быть поводомъ, почему не твердо устанавливалась его генеалогія и года его жизни. Но къ литературной и народной разработкѣ типа, тѣмъ или другимъ приращеніямъ и наслопнямъ мы вернемся ниже; теперь нами было разобрано центральное содержаніе саги, которое менѣе всего остальнаго подвержено баснословной окраскѣ. Въ ней два главныхъ эпизода: исторія столкновеній Финнбога съ Бреттинговыми снновьями (гл. 24-я—28-я) и съ Ингимундовичами (гл. 29-я—39-я). Вторая была рассмотрѣна нами; что касается до первой, то приходится принять ее или просто на вѣру, или смотрѣть на нее, какъ на раздвоеніе исторіи съ Ингимундовичами, въ которой произошла только нѣкоторая замѣна именъ.

Мы помѣщаемъ теперь переводъ главъ съ 23-й по 39-ю, думая, что это не повредитъ ясности пониманія, такъ какъ начало саги, какъ мы указывали, стоитъ болѣе или менѣе особнякомъ: въ немъ дѣтство и юность нашего героя, его дальнія путешествія и женитьба развиваются по схемамъ сказаній о богатыряхъ и не имѣютъ тѣсной связи съ содержаніемъ помѣщаемыхъ теперь главъ. Поэтому мы считаемъ возможнымъ разобрать ихъ особо, точно также, какъ и конецъ саги, представляющійся позднѣйшимъ приращеніемъ къ ней. Нижеслѣдующія же главы являются осколкомъ толковъ и разказовъ на общемъ вѣчѣ, на частныхъ собраніяхъ, въ домашнихъ кружкахъ.

Глава 22-я.

...Далеко разошлась молва о томъ, что Финнбогъ возвращается (въ Исландію) съ великимъ почетомъ и жену похлъ себѣ изъ Норвегіи. Тогда Асбиорнъ, отецъ его, и Торгейръ, Лъосветингскій гôдъ (дядя его)¹⁾, поѣхали въ кораблю (Финнбога). Встрѣча была изъ

¹⁾ *Гôдомъ* (*godl*) именовалось лицо съ властью, частью административнаго, частью религіознаго характера; должность его была одна изъ самыхъ вліятельныхъ въ Исландскомъ государствѣ, но имѣла въ разные періоды его исторіи не одинаковое значеніе. Въ X в., къ которому относится нашъ разказъ, число

самныхъ радостныхъ... Потомъ поѣхалъ Финнбогъ домой, въ Эйрѣ, и тамъ приказалъ выгружать свои товары... Вотъ поживаетъ онъ дома, въ Эйрѣ, въ почетѣ и славѣ и полномъ довольствѣ.

Гл. 23-я. Пиршество въ честь родичей.

Осенью, Торгейръ заготовилъ великолѣпное пиршество; позвалъ на него Асбиорна, Финнбога и множество гостей: пиръ былъ изъ славнѣйшихъ. Послѣ трапезованія Торгейръ сталъ раздавать прекрасные подарки: Финнбогу, другу своему, онъ подарилъ табунъ лошадей — пятеро ихъ, и всѣ на видъ одинаково бѣлыя, какъ снѣгъ. Говорятъ, что это были лучшіе кони во всемъ сѣверномъ кварталѣ. Рагнагильдѣ (женѣ Финнбога) подарилъ онъ золотое кольцо, цѣною въ марку, поясъ и прекрасный плащъ; все крайне цѣнные подарки. Послѣ этого разъѣхались всѣ съ пиршества по домамъ. Финнбогъ приказалъ пустить лошадей пастись на Флатейярдаловомъ лугу.

Былъ мужъ, по имени Уксъ; жилъ онъ въ томъ мѣстѣ, что называется — „у Гейдаргуза“ (домъ Гейда). По нраву былъ онъ самою сварливою собакой; человекъ былъ онъ маленький и бѣдная. Въ жены онъ полюбилъ дочь Бреттинга, бонда¹⁾). Много ребятъ у нихъ было, да немного добра, и былъ Уксъ всѣми нелюбимъ.

Финнбогъ поживаетъ себѣ дома, въ Эйрѣ, и вотъ разказываютъ, будто стали нѣкоторые выказывать враждебность въ обращеніи съ нимъ, и болѣе всѣхъ — сыновья Бреттинга, друзья ихъ и сродственники. Показалось имъ, что Финнбогъ ужъ слишкомъ величается своей поѣздой, и будто ни о комъ больше и рѣчи нѣтъ, какъ о немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣзжалъ.

Говорятъ, что Финнбогъ мало чѣмъ дорожилъ больше изъ всего, что имѣлъ, какъ лошадьми своими. Каждый день отправлялся онъ и выгонялъ свой табунъ.

годовъ было ограничено (32), но въ XI в., въ связи съ разными преобразованиями, было принято и число годовъ сдѣлать неограниченнымъ, какимъ оно было при первоначальномъ заселеніи острова (см. *K. Maurer, Zur Urgeschichte der Godepwürde, в Ztschr. f. Deutsch. Philol., Bd. IV.*)

¹⁾ *Bonda* (*bondi* или *buandi*, отъ глагола *bu*—жить),—такъ именовался свободный поселеникъ, собственникъ. Онъ въ равной степени могъ быть и крестьяниномъ, если имѣлъ земельный ценъ, или скотоводомъ, такъ какъ количество дойнаго скота тоже считалось цензомъ. Вондамъ противопоставлялись *einhleypingr*—люди, лично свободные, но не имѣющіе оведной собственности, и которые селились преимущественно у разныхъ бондовъ, съ извѣстными условіями (см. *Mayer, Island, стр. 146.*)

Постоянно ворчалъ Уксъ и находилъ, что лошади приносятъ слишкомъ много убытку; все сердился онъ и бранился, но Финнбогъ не обращалъ на это никакого вниманія. У Асбиорна было много сѣна, и на зиму его убирали въ домъ.

Гл. 24-я. Смерть Укса.

Однажды отправились родичи на лугъ, и вмѣстѣ съ ними много народу; когда пришли они туда, на лугъ, то стали стоги метать. Вскорѣ прибѣжалъ Уксъ и началъ перекоряться съ Финнбогомъ; говорить онъ, что принужденъ будетъ что-нибудь предпринять, если тотъ не станетъ лучше заботиться о своемъ табунѣ. Послѣ того собрались домой ѣхать — шелъ за вьючною скотиною кто, какъ поспѣвалъ; остался позади Финнбогъ, а съ нимъ и Рафнъ-малышъ.

Вотъ навалили они возъ; Рафнъ-малышъ попросилъ Финнбога связать его потуже; Финнбогъ просить (Укса) поприжать сѣно; отвѣчалъ тотъ, что ужъ слишкомъ вазнался Финнбогъ (заставляя его чужую работу дѣлать). Какъ только Рафнъ справился съ своимъ дѣломъ, отправился онъ вслѣдъ за товарищами своими. Финнбогъ переждалъ, затѣмъ хлестнулъ коней своихъ и подстригъ у лошади (Укса) гриву; послѣ того направился онъ домой. Едва отошелъ онъ отъ Гейдартугвы, какъ ужъ бѣжнть Уксъ и обѣими руками топоръ волочить за собою; замахнулся онъ (на Финнбога), какъ только подошелъ на разстояніе удара: Финнбогъ отскочилъ, и Уксъ попалъ въ твердую землю¹⁾; выронилъ онъ топоръ, а самъ свалился такъ, что въ растяжку легъ. Живо вскочилъ онъ и замахнулся на Финнбога въ другой и въ третій разъ. Надоѣла Финнбогу навязчивость его; сбросилъ онъ плащъ съ себя и ударилъ имъ Укса по ногамъ. Тотчасъ же свалился тотъ, а головой объ камень ударился — тутъ же и умеръ онъ. Отыскалъ Финнбогъ жену Укса и разказалъ ей о случившемся. Великимъ горемъ была та вѣсть для нея, но Финнбогъ подарилъ ей золотое кольцо, цѣною въ шесть ёръ²⁾; просилъ онъ ее принять это прежде всего и зачестъ ему искупленіемъ за вину. Затѣмъ Финнбогъ поѣхалъ домой и встрѣтилъ отца своего; спросилъ его отецъ, что такое онъ

¹⁾ Собственно *klakann* — мерзлая, отвердѣвшая земля, ледъ. Но такъ какъ дѣло происходитъ лѣтомъ, то *klakann* здѣсь очевидно лишь въ смыслѣ тверди.

²⁾ Ёръ (ögr, auga, eugr, eugr) составляла восьмую часть марки (*markr*) равняющейся по вѣсу $\frac{1}{2}$ фунт. серебра (см. *Weinhold, Altnordisches Leben, Berlin, 1856*, стр. 118 и слѣд.).

сдѣлалъ? Финнбогъ разказалъ все, какъ было. Говорить Асбиорнъ, что все это не хорошо. „Хотя и не многого стоитъ человекъ, но пойдуть толки, будто я нарочно обманомъ заманилъ Укса, чтобы убить его ¹⁾. Предвижу я, что многіе вступятся въ это дѣло изъ такихъ, которые раньше и взглянуть-то на Укса не захотѣли бы“. Отвѣчалъ Финнбогъ, что нечего опасаться столкновений.

Гл. 25-я. Снаряженіе суда.

На утро, лишь только день наступилъ, пошла жена Укса и разказала друзьямъ своимъ объ убійствѣ своего мужа. Сильно осерчали на это сыновья Бреттинга. Затѣяли они тотчасъ тяжбу. Ёдутъ они въ Эйръ, повѣдываютъ объ убійствѣ Финнбога и требуютъ, чтобы онъ заплатилъ за это виру. Но Финнбогъ сказалъ, что ему нечего больше отвѣчать (за свой проступокъ), такъ какъ онъ уже раньше выговорилъ себѣ безнаказанность ²⁾. Тогда объявили они (всегласно) Финнбога убійцей Укса. Послѣ того они поѣхали въ Эйяфьаръ къ Эйольфу, сыну Вальгерда, который считался именитѣйшимъ начальникомъ въ Эйяфьардѣ; приходился онъ сродни тѣмъ братьямъ; вотъ они и попросили у него заступничества противъ Финнбога и его друзей. Эйольфъ обѣщалъ свое содѣйствіе. Воротились (Бреттинговы сыновья) домой и думали, что дѣло слажено; стали они все грубѣе и дерзостиѣе обходиться съ Финнбогомъ, но онъ притворился, что не замѣчаетъ, что они говорятъ.

Вскорѣ затѣмъ свидѣлся Финнбогъ съ Торгейромъ, другомъ своимъ, и разказалъ ему то, что сдѣлалъ. Торгейръ сочелъ, что лучше было бы откупиться вирой (fé); говорить онъ: „Не хорошо подвергать

¹⁾ Эпизодъ съ Уксомъ представляетъ неясность, которая объясняется развѣ что этою фразой Асбиорна. Не хочетъ ли онъ этимъ сказать, что Уксъ былъ его челядинцемъ, жилъ на его землѣ и пользовался на общихъ правахъ его лугами? Иначе зачѣмъ было бы Уксу ворчать за расходъ на сѣно Финнбоговимъ лошадямъ, еслибъ онъ былъ самостоятельнымъ собственникомъ, bondi, какъ онъ именуется въ началѣ. Правда, тутъ же прибавлено, что онъ былъ «бѣдняга». Вообще, весь разказъ нѣсколько теменъ, и самъ текстъ трудно читается: мы должны были не разъ вставлять по догадкѣ собственныя имена, въ скобкахъ, иначе смыслъ совершенно ускользалъ.

²⁾ Вѣроятно, Финнбогъ намекалъ этимъ на то, что жена Укса приняла отъ него нѣвѣстное денежное вознагражденіе, о которомъ говорится выше. Но должно быть, оно все-таки было недостаточнымъ, такъ какъ ниже мы видимъ, что и Торгейръ опять говоритъ о томъ, чтобы Финнбогъ откупился.

свою честь суду, хотя бы дѣло и было пустыннымъ". Стали собираться къ суду съ каждой стороны по многу союзниковъ.

Гл. 26-я. Торгейръ разстроилъ тяжбу ихъ (сторонниковъ Укса).

Послѣ того затѣяли они (сыновья Бреттинга?) тяжбу противъ Финнбога; но такъ какъ всѣмъ было извѣстно, по какому случаю онъ убилъ Укса, то Торгейръ и порѣшилъ ихъ искъ. Остались они крайне недовольны его рѣшеніемъ; на томъ и разстались — каждый возвращается съ вѣча домой.

Осенью Рагнагильда родила ребенка; то былъ мальчикъ большой и прекрасный; назвали его Альфомъ по отцу Рагнагильды. Разказываютъ, что послѣ вѣча Финнбогъ со своими переѣхалъ въ Льозаватнъ, такъ какъ Торгейръ не хотѣлъ, чтобъ они оставались тамъ, у себя: опасался онъ, что они будутъ враждовать (съ Бреттинговыми сыновьями); если останутся въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ. Рафнъ-малышъ поѣхалъ вмѣстѣ съ Финнбогомъ.

Осенью Рагнагильда родила другого ребенка, и былъ онъ названъ Гуниборномъ; краше всѣхъ сыновей былъ онъ. Торгейръ обходился съ ними (то-есть, Финнбогомъ и его домочадцами), какъ только могъ лучше.

Гл. 27-я. Финнбогъ убиваетъ двѣнадцать человѣкъ.

Разказываютъ, что при наступленіи зимы Финнбогъ сталъ собираться домой, а вмѣстѣ съ нимъ и Рафнъ-малышъ: рѣшили они ѣхать въ Эйръ. Торгейръ сказалъ, что немислимо имъ ѣхать туда вдвоемъ при тѣхъ раздорахъ, какіе у нихъ были; но Финнбогъ отвѣтилъ, что вовсе не страшно изъ-за того ѣхать. Вотъ и отправились они вдвоемъ. Финнбогъ ѣхалъ въ полномъ вооруженіи: на головѣ у него надѣтъ былъ шлемъ, щитъ съ боку, а станъ опоясанъ мечемъ; въ рукахъ же держалъ онъ конь.

Когда въѣхали они въ пустынную долину, Рафнъ спросилъ: „Не видишь ли ты, Финнбогъ, кой-чего новаго?“ Говоритъ Финнбогъ, что не видитъ ничего, что могло бы показаться особеннымъ. „Но что же ты видишь необычнаго?“ Вижу я“, говоритъ Рафнъ, — „что изъ-за холма высовываются пятнадцать коней. Такъ думаю я, что намъ слѣдуетъ ради этого пріостановиться; мой совѣтъ — даже своротить на другую дорогу: никогда не суйся, не узнавъ въ чемъ дѣло“¹⁾. „Къ чему оропиться рѣшеніемъ ть?“ говоритъ Финнбогъ. „Быть можетъ, это

¹⁾ Поговорка, отвѣчающая нашей — «не суйся въ воду, не спросясь броду».

лишь шутка ребятъ (Бреттинговичей), которые хотѣли насъ напугать". Говорить Рафнъ: „Дозволь мнѣ сбѣгать въ Эйръ, повѣдаю я о томъ отцу твоему". „Не хочу я", молвилъ Финнбогъ, — „чтобы ты побѣждалъ, не зная о чемъ говорить". Засимъ Финнбогъ подошелъ къ одному камню: былъ этотъ камень очень высокъ, и (Финнбогъ) отсѣкъ ему одинъ бокъ; раскололъ онъ его на нѣсколько кусковъ. Вотъ подошли сыновья Бреттинга и сыновья Ингяла: крѣпки были они по силѣ и полны отваги; а съ ними вмѣстѣ было десять чело-вѣкъ друзей ихъ и сродственниковъ, и все народъ смѣлый.

Финнбогъ привѣтливо поздоровался со всѣми и спросилъ: куда собрались они? Отвѣчаетъ Торстейнъ, что думать надо — такъ произойдетъ ихъ встрѣча, что больше ужъ не станетъ онъ справляться о томъ, что у нихъ въ мысляхъ: „Посмотримъ мы, въ правду ли ты такой боецъ, какимъ ты кажешься всѣмъ". Финнбогъ предложилъ пятерымъ братьямъ выйдти поборотся съ нимъ, но тѣ отказались. „Ну, такъ дѣлайте, какъ знаете!" сказалъ Финнбогъ. Выбѣжалъ впередъ Торстейнъ и направилъ копье въ Финнбога, но Рафнъ-малышъ подоспѣлъ и надвое переломилъ копье. Торстейнъ выхватилъ мечъ и замахнулся имъ на Финнбога; послѣдній подставилъ щитъ, захвативъ его за другой конецъ рукоятки, и мечъ упалъ къ ногамъ Финнбога; пустилъ онъ камнемъ въ Торстейна и тотчасъ повалился тотъ на траву; тогда Финнбогъ ударилъ его по шеѣ и по головѣ. Затѣмъ напалъ на Финнбога Сигурдъ, Бреттинговъ сынъ, такъ какъ раньше того онъ былъ безоруженъ. Копье попало въ ногу и проткнуло ее насквозь: большая была рана. Финнбогъ надвинулся щитомъ на Сигурда и прижалъ его къ мерзлой землѣ. Тутъ выступилъ Гримъ съ огромнымъ топоричемъ и думалъ Финнбогу голову срубить, да разсѣкъ только щитъ на кусочки, и въ землю ударъ угодила. Финнбогъ ударилъ Грима по плечу и отсѣкъ ему голову по самымъ плечамъ. Вотъ выступаютъ впередъ Ториръ и Гримъ, сыновья Ингяловы; просятъ они товарищей нападать немилосердно. Тогда сказалъ Финнбогъ Рафну: „Теперь ступай въ Эйръ къ Асбиорну, такъ какъ знаешь, что передать ему". Живо повернулся Рафнъ и побѣжалъ, какъ только ноги его несли.

Напали на Финнбога, но онъ защищался ловко и смѣло; говорить, что пали оба сына Ингяла. Вотъ десять чело-вѣкъ ломятся на Финнбога, но онъ отбиваетъ себя необычайно ловко и смѣло.

Теперь нужно о Рафнѣ сказать: пришелъ онъ въ Эйръ и повѣдалъ Асбиорну о томъ, что случилось; Асбиорнъ быстро снарядился и

поѣхалъ съ шестью людьми туда, гдѣ сражались. Случилось такъ, что Финнбогъ всталъ у камня и оборонялся мечемъ: три человѣка напали на него и всѣ сильно пораненные. Какъ только увидѣли они Асбиорна, пустились спасаться и побѣжали прочь. Сильно истощился Финнбогъ какъ отъ ранъ, такъ и отъ усталости: убилъ онъ двѣнадцать человѣкъ, трое же спаслись сильно пораненными. Съ той поры тотъ камень прозванъ „Камень Финнбога“.

Послѣ этого Асбиорнъ повезъ Финнбога въ Эйръ и сталъ гнѣвить его.

Разошелся слухъ объ этомъ нобонищѣ, и удивительною казалась людямъ защита Финнбога; очень хвалили ее, также и отвагу его. Говорили, что тѣ (пятнадцать человѣкъ) напали на него незаконно, а Финнбогъ ни въ чемъ не повиненъ, такъ что обвиненіямъ (суда) онъ не подвергся. Засимъ поѣхалъ Финнбогъ домой въ Льоваватнъ; тамъ пробыли они зиму въ большой милости; все спокойно, и ничего за это время не произошло.

Гл. 28-я. О Финнбогѣ.

Лѣтомъ на вѣчѣ пошелъ большой говоръ объ этомъ дѣлѣ. Эйольфъ изъ Модрувеллира, стоялъ за сыновей Бреттинговыхъ и Ингіаловыхъ; и много людей вмѣстѣ съ нимъ. Но Торгейръ, гдѣ, былъ противъ него, а также и всѣ друзья Финнбога. А такъ какъ эти друзья имѣли за собою немалую силу, и всѣмъ было извѣстно, что у Финнбога была поддержка у Гакона, ярла, свояка его, то Эйольфъ искъ проигралъ, и засѣданія (суда) не произошло. Казалось всѣмъ весьма вѣроятнымъ, что Финнбогъ не пощадитъ тѣхъ пріятелей, живя такъ близко отъ нихъ; что станетъ онъ убивать всякаго, кто лишь подвернется; по-этому, въ концѣ концовъ рѣшили, что Финнбогу не быть въ Нордлендинскомъ участкѣ иначе, какъ еслибъ ему пришлось туда ѣхать къ друзьямъ своимъ, по приглашенію. Скрѣпили то всѣ единогласно, дружнѣе, чѣмъ были по мыслямъ; прямо съ вѣча поѣхалъ Финнбогъ въ Видидалъ и купилъ землю въ Боргѣ. Хорошее то было помѣстье, прибыльное, съ доходами въ землѣ и на землѣ.

Какъ только воротились они домой, то сообщили извѣстіе Рагнагильдѣ: ей не полюбилось переѣзжать. Засимъ друзья (домочадцы) перевезлись хозяйствомъ, и не было недостатка въ знакахъ вниманія: люди хорошо приняли Финнбога; рѣшили, что онъ прекраснѣйшій человѣкъ, и многіе шли къ нему въ услуженіе и добро свое отдавали

ему на пользование. Показалось Финнбогу, что все это очень хорошо ¹⁾.

Жилъ въ Гофѣ, въ Вацдалѣ, Ингимундъ; былъ онъ властительнымъ начальникомъ ²⁾. На славу росли сыновья его и быстро шли въ ходъ. Одинъ изъ нихъ назывался Торнромъ, другой Торстейномъ, а третій Юкулемъ; всѣ трое были большой доблести. Они возмѣли злобу на Финнбога, такъ какъ не могли переносить того, что онъ былъ въ большей славѣ (чѣмъ они) и лучшимъ считался изъ всѣхъ достойнѣйшихъ, что были тамъ.

Гл. 29-я. Смерть Вородатаго ³⁾.

Былъ мужъ по имени Торвальдъ; звали его Вородатымъ. Такъ близко жилъ онъ отъ Борга, что промежду ничего не было, и называлось то мѣсто Гардгорномъ. Торвальдъ былъ старъ и нелюдимъ; считали его недобрымъ человѣкомъ и оборотнемъ ⁴⁾. Не по душѣ приходился

¹⁾ Нельзя не замѣтить большого сходства въ разказѣ объ этомъ первомъ выселеніи Финнбога со вторичнымъ переселеніемъ его изъ Борга въ Трекилли-свикъ (гл. 38-я). Засада Вреттинговыхъ сыновей (гл. 27-я) тоже очень похожа на послѣдующія засады Ингимундовичей; поэтому, мы указали въ предисловіи, что тутъ могло быть раздвоеніе разказовъ объ эпизодѣ столкновеній Финнбога съ Юкулемъ и его родней,—раздвоеніе, которое, при нѣкоторой замѣнѣ именъ, послужило поводомъ къ сложению самостоятельнаго эпизода, внесеннаго писцомъ на ряду съ другими вариантами одного разказа, какъ главы 39-я и 40-я. Здѣсь—разказъ о враждѣ Финнбога съ Вреттинговичами служитъ мотивированіемъ переезда Финнбога въ Боргъ, принадлежность котораго Финнбогу, какъ нами было указано, нѣкоторыми оспаривается.

²⁾ *Hofdingi*. Мауреръ считаетъ этотъ терминъ общимъ эпитетомъ, безъ спеціальнаго обозначенія рода власти. Въ такимъ «безчлѣвнымъ», по его выраженію, опредѣленіямъ людей, пользующихся извѣстнымъ вліяніемъ, принадлежатъ: *tíkismadr*, дословно — человѣкъ власти, *formadr*, *fyrirmadr*, *yfirmadr* — предводитель, встрѣчающіеся часто въ нашей сагѣ (см. *К. Мауреръ*, *Island*, стр. 43).

³⁾ *Modskegg*: *skegg*—борода; *madr*—animosus, — *modugr* — сильный, мощный (см. слов. *Möbiusa*), слѣдовательно, сильная, густая борода.

⁴⁾ *Eigi einhamr*—человѣкъ не одного вида, оборотень. Повѣріе о томъ, что нѣкоторые люди обладаютъ свойствомъ мѣнять, по желанію, свой образъ, превращаясь въ различныя животныя, было очень древнимъ. Процессъ превращенія передавался выраженіемъ: *at skipta höfum* или *at hamaz*: видоизмѣненные люди—*hamfgr*, *hamfagr*, а, вообще, тѣ, которые „мѣли не одинъ видъ“—*eigi einhamir menn*. По древнѣйшему повѣрью, оборотнями назывались только тѣ лица, которыя на самомъ дѣлѣ будто бы превращались въ волковъ, птицъ и т. п., но повѣрье этихъ эпитетомъ выражалась лишь извѣстная нравственная характеристика че-

онъ Финнбогу, и думалъ онъ какъ-нибудь спровадить его въ путь (отдѣлаться отъ него),—уже потому прежде всего, что трудно было переносить его, и что очень ужъ былъ онъ отвратителенъ; всѣмъ было непріятно его присутствіе.

Проходитъ время съ тѣхъ поръ, какъ Финнбогъ основался хозяйствомъ въ Боргѣ, и такъ долго, что одному сыну его минуло пять зимъ¹⁾, а другому три зимы. Оба они были надежными молодцами; Альфъ былъ очень строптивъ, но Гунибюрнъ—очень кротокъ. Всегдашнимъ удовольствіемъ у нихъ было бѣгать въ Гардгорнъ и тамъ потѣшаться надъ Торвальдомъ, всякія проказы ему учинять. (Торвальдъ) сердился и грозилъ, что прибьетъ ихъ; но чѣмъ хуже раздраживался онъ, тѣмъ больше это потѣшало ихъ. Рагнагильда часто отговаривала ихъ (такъ поступать), но все безъ проку.

Однажды пришли (Финнбоговы дѣти) въ Гардгорнъ: дверь была закрыта, но внутри находился Торвальдъ и изготовлялъ большія дубки. Альфъ грубо крикнулъ, что если Бородатый дома, то пусть онъ отворитъ дверь. Отвѣчаетъ (Торвальдъ), чтобъ они отнюдь не осмѣливались къ нему входить. Альфъ воскликнулъ: „Должно быть ты тамъ что-нибудь недоброе творишь; ты, говорятъ, худой человѣкъ, къ тому же и оборотень; ты—самъ чертъ²⁾, хоть и кажешься человѣкомъ!“ Не вытерпѣвъ этого (Торвальдъ), выбѣжалъ, схватилъ обонхъ мальчугановъ и такъ ударилъ объ камень, что мозгъ у нихъ засочился. Видитъ это Финнбогъ и спѣшитъ туда. Торвальдъ обернулся на встрѣчу ему и вотъ завязался бой—долгій и упорный. Видитъ Финнбогъ, что (Торвальдъ) на руки крѣпокъ и золъ, и усумнился онъ въ успѣхъ борьбы. Наконецъ, тѣмъ завершилось, что Бородатый упалъ, а Финнбогъ такъ ослабъ отъ борьбы, что не могъ даже мечъ достать, хоть и былъ онъ у него подъ рукою; тогда налегъ онъ (на

ловья, по аналогіи съ нѣкоторыми свойствами животныхъ—сварливость, жадность, злобность и т. п. Въ такомъ смыслѣ названъ и Торвальдъ оборотней. (см. *K. Maurer, Die Bek. d. Norw. St. u. Chr., Bd II*).

¹⁾ Удерживаемъ въ переводѣ счетъ времени по зимамъ, общій всѣмъ древнимъ Германцамъ. Название года—*ar* (нѣм.—*Jahr*) встрѣчается въ нашей сагѣ только одинъ разъ (гл. 40).

²⁾ *Tröll*—нечистая сила, какъ *illar vättir, ó vatter* и т. д. Трѣлли принадлежали къ числу второстепенныхъ божествъ сѣвернаго Олимпа, къ сонмищу котораго причисляется лишь одинъ злой богъ—*Локки*, и то первоначально не низшій злыхъ качествъ. Позднѣе онъ сталъ родоначальникомъ всѣхъ нечистыхъ духовъ на землѣ (см. *Maurer, Die Bek. u. t. d., стр. 13 и слѣд.*).

Торвальда) и перекусилъ ему горло. Съ той поры разказывалъ (Финнбогъ), что не бывало у него злѣйшаго врага, чѣмъ этотъ Бородатый. Покончивъ съ нимъ, Финнбогъ пошелъ домой и повѣдалъ Рагнагильдѣ о случившемся. Молвила она, что сбылось по ея предчувствію, когда выѣзжала она изъ Льозаватна. Послѣ того захворала она и всю зиму пролежала въ постелѣ; все то вкручинилась она, пока не умерла. Финнбогъ сильно затосковалъ послѣ ея смерти. Затѣмъ поѣхалъ онъ къ сѣверу въ Льозаватнъ и разказалъ Торгейру, другу своему, объ этомъ происшествіи.

Въ это лѣто пришелъ съ моря корабль съ вѣстью изъ Норвегіи, что Олафъ, конунгъ, прибылъ въ страну ¹⁾ и проповѣдуетъ истинную вѣру, а Гаконъ, ярль, умеръ. Когда объ этомъ разошлась молва, Финнбогъ собрался ѣхать и думалъ, что такъ всего лучше разгонитъ горе, которое онъ испытывалъ; Торгейръ отсовѣтовалъ ему отъѣздъ; предлагалъ онъ ему лучше жениться и положитьсь на его выборъ: „Хочу я, чтобы ты сосваталъ дочь Эйульфа изъ Модрувала, которая называется Гальфридой; тогда установится между вами полная дружба“. Финнбогъ согласился. На этомъ стали друзья собираться и поѣхали въ Модрувалъ; сосватали дочь Эйульфа Финнбогу; Эйульфъ охотно на то согласился, такъ какъ зналъ, что за видный мужъ былъ Финнбогъ надъ всѣми другими, и какой почетный путь онъ совершилъ къ Гакону, ярлу, а въ жены поялъ себѣ его любимѣйшую родственницу. Обрадовался этому Финнбогъ и назвалъ (Гальфриду) женою своею.

Затѣмъ стали готовиться къ пиршеству: быковъ закололи, брагу сварили и медъ размѣшали—людей угощали ²⁾. Пиръ прошелъ весело и на славу; друзьямъ были розданы дорогіе подарки, а послѣ пиршества Финнбогъ поѣхалъ къ востоку, въ Боргъ, въ Видидаль, вмѣстѣ съ женою своею. Возгорѣлись они любовью другъ къ другу; Гальфрида была прекраснѣйшая изъ женъ, сильная женщина. Какъ пробыли они съ полгода вмѣстѣ, родила она ребенка, который былъ

¹⁾ Олафъ Тригвассонъ, король Норвежскій (995—1000 гг.), самъ принялъ христіанство въ свою бытность въ Англіи и затѣмъ, вступивъ на норвежскій престолъ, водворилъ его и въ своемъ государствѣ.

²⁾ Герингъ считаетъ эту еразу остаткомъ старинной формулы для приглашенія въ гости, въ которой сохранена даже аллатерація: mjodr blandinn ok mjönnum bodit.

названъ Гуннбюрномъ; съ малолѣтства ужь былъ онъ прекрасенъ на видѣ.

Никогда не имѣлъ Финнбогъ менѣе двѣдцати челоуѣкъ¹⁾, и все храбрцовъ.

Глава 30-я.

Былъ мужъ по имени Торгримъ, который жилъ въ Больстадарглидѣ; Сигридой звалась жена его, а дочь — Торой. Была она дѣвушка хорошая и работящая; отецъ ея имѣлъ хорошей достатокъ. Разказываютъ, что Иокуль, Ингимундовъ сынъ, часто ѣздилъ въ Больстадарглидъ на бесѣду съ Торой: толковали, что онъ либо сосватаеть ее, либо возьметъ себѣ въ полюбовницы²⁾.

Былъ мужъ по имени Сигурдъ; жилъ онъ при Гнуфѣ, въ Ватнсагалѣ; жену его звали Вифридой; она приходилась близкою родней женѣ Финнбога. Былъ у нихъ сынъ по имени Торкель; онъ казался нѣсколько мѣшковатымъ, но изъ себя былъ красивъ и постоянно бывалъ въ Боргѣ; скоро стали его считать парнемъ сердечнымъ, судя по его обращенію; а тѣ братья, Ингимундовы сыновья, не иначе звали его какъ простофилей или грубияномъ. Финнбогъ былъ хорошъ съ нимъ и часто вступался за него, все ради жены своей.

Однажды Торкель повелъ рѣчь съ Финнбогомъ и сказалъ ему, что отецъ хочетъ его поженить: „Притомъ желалъ бы онъ, чтобы ты присовѣтовалъ-кого выбрать“. Отвѣчалъ Финнбогъ, что пусть будетъ такъ.

Лѣтомъ Финнбогъ повезъ съ собою Торкеля на вѣче; собралось тамъ много народу; тутъ свидѣлись и друзья — Финнбогъ съ Торгейромъ.

¹⁾ Число 12 является такимъ же излюбленнымъ на сѣверѣ, какъ и въ романскомъ эпосѣ — 12 пировъ Карла Великаго, 12 рыцарей круглаго стола и т. д. Глава сѣвернаго Олимпа — *Одинъ*, тоже окруженъ 12 асами, и въроятно, подъ вліяніемъ этихъ сказаній (можетъ быть, и подъ романскимъ вліяніемъ?) въ нашей сагѣ не разъ упоминается о числѣ спутниковъ Финнбога. По большей части подобныя еразы являются какъ бы неизвѣстными, безъ всякой связи съ содержаниемъ.

²⁾ *Tekin frilla-taki* — pro concubine abducta (см. слов. Мѣйуса). Хотя конкубинатъ и признавался исландскими обычаями на равнѣ съ обрученіемъ и законнымъ бракомъ по выкупу, но онъ происходилъ съ дѣвушками не свободными и рабынями, поэтому странно, что Иокулю приписывается здѣсь намѣреніе взять себѣ въ полюбовницы дѣвушку изъ рода довольно именитого, отецъ которой „имѣлъ хорошей достатокъ“. О бракѣ у древнихъ Исландцевъ см. *Weinhold, Altnord. Leben*, стр. 238—259.

Стали они между собою толковать, и разказалъ Финнбогъ объ этомъ человѣкѣ (то-есть, объ Торкелѣ) и то, что замыслили они. Спросилъ Торгейръ: кого думаютъ они сватать? Отвѣчалъ Финнбогъ, что думаютъ они просить (руки) у Торы, Торгримовой дочери, въ Вольстадаргидѣ. Говорить Торгейръ: „Сдается мнѣ, что Юкуль собирался такой же выборъ сдѣлать для себя“. Финнбогъ сказалъ, что болтаютъ о томъ, но несправедливо. Возговорилъ Торгейръ: „Не подобаетъ, другъ мой, поступать такъ—отдавать предпочтеніе пріятелямъ своимъ и друзьямъ въ ущербъ Ингимундовымъ сыновьямъ“. Отвѣчаетъ Финнбогъ: „Враждебно обошлись они со мною, и бѣды нѣтъ намъ попытаться“. Послѣ вѣча Финнбогъ поѣхалъ съ Торгейромъ къ сѣверу, на свиданіе съ Торгримомъ, и изложили ему дѣло. Торгримъ неохотно выслушалъ предложеніе: показалось ему, что мужъ (то-есть, Торкель) не изъ важныхъ, хоть и вдоволь было у него денежекъ ¹⁾. Но такъ какъ Торкель приходился близко сродни Модрувеллирскимъ и, казалось, имѣлъ большую поддержку въ Финнбогѣ, который былъ ему другомъ, то по совѣту Торгейра и съ согласія родичей дѣло было слажено: свадьба была назначена черезъ два лѣтніе мѣсяца въ Боргѣ. Послѣ того поѣхали они къ сѣверу, а Финнбогъ домой въ Боргъ и просилъ онъ Торкеля пребывать у него, пока не настанетъ время свадьбы, какъ предполагалось и было объявлено.

Были два мальчика, бездомные; одинъ изъ нихъ звался Торстейномъ, другой Біорномъ. Съ раннаго утра пустились они въ путь и не останавливались, пока не прибыли въ Гофъ, гдѣ разказали братьямъ (Ингимундовичамъ) объ случившемся. Молвилъ Юкуль: „Видно Торгримъ не желаетъ ни себѣ, ни дочери добра, что отдаетъ ее за такого простофилю и урода, каковъ Торкель“. Разошелся слухъ объ этой новости, и всѣ удивлялись тому, какъ удалось Торкелю такой выборъ сдѣлать.

Однажды поѣхалъ Юкуль къ сѣверу въ Вольстадаргидѣ, повидаться съ Торой, возлюбленною своею; принять онъ былъ хорошо. Юкуль завелъ рѣчь о томъ, чтобы посватать ее за себя, но (Тора) разказала, какъ было дѣло порѣшено. Тогда молвилъ Юкуль: „Хочешь ты поѣхать со мною домой, въ Гофъ? Теперь, что мы расстаемся съ тобою, сообщу я тебѣ, что не меньше добра получила бы ты (отъ

¹⁾ *Penningar*—мелкая монета, равняющаяся тридцатой части унціи серебра; послѣднихъ же въ сотнѣ (*Hundrad*) насчитывалось 120 (см. *Weinhold, Altn. L.* стр. 121).

меня), чѣмъ ожидаешь отъ Торкеля". Отвѣчала Тора: „Нечего и пытаться, такъ какъ нѣтъ надежды, что-бы дѣло разстроилось". Говорить ей Юкуль. „Затѣмъ скажу я тебѣ, что какъ бы ни нравилось тебѣ выходить за урода, ты скоро объ этомъ пожалѣешь, когда только я въ состояніи разсудить".

Какъ-то собрались Финнбогъ и Торкель ѣхать въ Гнупъ и получить оттуда все, что нужно было для приглашеній. Ѣдутъ они трое вмѣстѣ, а Рафнъ-Малышъ бѣжитъ передъ лошадьми; отправились они, какъ путь лежитъ, и (такъ все ѣхали) пока не прибыли въ Гнупъ. Тамъ всѣ очень обрадовались имъ. Рано утромъ вышелъ изъ Гофа пастухъ и увидѣлъ, что они ѣхали (мимо). Сказалъ онъ братьямъ Ингимудовичамъ, что Финнбогъ Сильный не безъ дерзости, что ѣдетъ у самой изгороди ихъ, а съ нимъ вмѣстѣ Торкель, женихъ-простофиля. Молвилъ Ториръ: „Отъ него скорѣе можно этого дожидаться (то-есть, такой дерзости), чѣмъ отъ тѣхъ людей, что здѣсь находятся". Въ тотъ день собрался Юкуль въ путь, вмѣстѣ съ другимъ человѣкомъ.

Глава 31-я.

Теперь надо разказать о томъ, какъ Финнбогъ и тѣ (то-есть, Торкель и Рафнъ) стали въ путь собираться при наступленіи дня. Взяли они съ собою все то, что имъ нужно было; Рафнъ погналъ передъ собою лошадей, навьюченныхъ всякимъ добромъ, а Финнбогъ съ Торкелемъ ѣхали сзади. Когда они подъѣхали къ Гофу, Рафнъ остановился. Финнбогъ спросилъ его: почему онъ не ѣдетъ? Говоритъ Рафнъ: „Вижу я, какъ изъ-за холма торчатъ копыя; счетомъ ихъ не меньше десяти. Такъ думаю я, что то люди ѣдутъ". Сказалъ ему Финнбогъ: „Съ тобою это часто бываетъ, что ты удивляешься, когда видишь людей. Намъ кажется, что то просто ребята забавляются". Когда подъѣхали они къ тому мѣсту (откуда копыя торчали), выскочилъ (изъ засады) Юкуль и съ нимъ десять человѣкъ. Финнбогъ по добру поздоровался съ нимъ и спросилъ: чего онъ хочетъ? Говоритъ Юкуль: „Можно сказать, что у меня нѣтъ дѣла до тебя (лично), какъ и то можетъ быть, что затѣмъ я и ѣду (чтобы только встрѣтиться съ тобой). Кажется, Торкель не мало досадилъ мнѣ: сосваталъ онъ себѣ ту дѣвушку, которой я хотѣлъ предложить свою защиту (то-есть, жениться на ней). Дерзокъ же былъ замыслъ его идти наперекоръ намъ, друзьямъ". Молвилъ Финнбогъ: „Хоть и кажется тебѣ Торкель, своякъ

мой, неособенно расторопнымъ, но посмѣлѣе будетъ онъ васъ храбрѣе, когда дѣло касается женщинъ". Юкуль намѣтилъ копьѣ въ Торкеля и прямо на него размахнулся. Тогда Финнбогъ выхватилъ мечъ и раздробилъ надвое копьѣ у него въ рукахъ. Соскочилъ Финнбогъ съ лошади и крикнулъ: „Попытайся-ка, Юкуль, сперва со мною сладить! Тѣмъ болѣе, что очень ужъ вы, Ватнедаловцы, любите справляться о томъ, на что я пригоденъ". Юкуль хватаетъ копьѣ, пускаетъ имъ въ Финнбога и надвое расколосъ копьѣ. Въ это время подоспѣли два человѣка, то были братья Ториръ и Торстейнъ. Въшались они тотчасъ (между сражающимися) и стали разнимать ихъ: казалось, они знали, въ чемъ дѣло. Тогда Юкуль раздумалъ то, что было замыслилъ; людей же набралъ онъ изъ сосѣднихъ поселеній.

Послѣ того, какъ всѣ разошлись, Финнбогъ поѣхалъ домой въ Боргъ, и начались приготовления къ пиршеству; пышно и на славу готовился пиръ. Однажды поѣхалъ Финнбогъ въ Гофъ и зоветъ Торрира и Торстейна къ себѣ на пиръ. Они отблагодарили его и сказали, что охотно желаютъ быть въ ладахъ съ нимъ, но Юкуль, говорить, тяжелъ нравомъ и крутъ: „Либо ужъ всѣмъ ѣхать, либо никому изъ насъ". Послѣ этого Финнбогъ поѣхалъ домой. Немного погодя прѣзжаютъ Ториръ и Торстейнъ въ Боргъ, къ Финнбогу, и говорятъ ему, что останутся дома во время пиршества. Молвилъ Финнбогъ: „Разумно разсудили вы", и подарилъ Торстейпу мечъ на диво оуправленный и, какъ подарокъ, изъ цѣннѣйшихъ, а Ториру золотое кольцо, вѣсомъ въ одинъ ёръ; то, говорятъ, былъ подарокъ отъ Гагона, яра, свояка его. Братья очень отблагодарили Финнбога и поѣхали домой; Юкуль все подсмѣивался надъ братьями своими. Рассказываютъ, что въ Боргѣ состоялось пиршество; ничего особеннаго не произошло: весело прошелъ пиръ; подъ конецъ его Финнбогъ говорить, что Торкель долженъ у него зиму пробыть. Торкель сказалъ, что онъ полагаетъ, что Тора захочетъ ѣхать съ нимъ домой. Молвила Тора: „Предпочитаю я остаться здѣсь, у Финнбога; для насъ всего лучше пользоваться охраной его какъ можно дольше, а тебя, отецъ мой, я навѣщу не много погодя".

Послѣ того стали гости разъѣзжаться; каждый почтенъ былъ, какъ слѣдуетъ, и получилъ хорошій подарокъ.

Глава 32-я.

Такъ случилось разъ, что Торкель спросилъ Тору: „Скоро ли ты думаешь навѣстить отца своего, какъ пообщала ему?" Отвѣчала она,

что рада была бы повидаться съ нимъ, но, говорить, чувствуетъ ей, что она не менѣе того должна войти и въ положеніе (своего мужа); правда, были бѣ они тамъ не менѣе дома, чѣмъ странствуя гдѣ-бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. Молвилъ Торкель: „Знаю я, что ты говоришь это все изъ-за пріятеля твоего Юкуля: не боюсь я его ни чуть и поѣду во чтобы то ни стало“. Рано утромъ Торкель былъ уже на ногахъ; спросилъ его Финнбогъ: что замислилъ онъ? Отвѣчаетъ Торкель, что собираются они, вмѣстѣ съ Торой, ѣхать на сѣверъ, въ Больстадарглицъ. Финнбогъ посовѣтовалъ не ѣхать: „Знаю я, что Тора, любезная моя, предоставитъ мнѣ совѣтъ дать“. Говоритъ Тора, что это правда. Торкель сказалъ, что онъ рѣшительно ѣдетъ, если только Финнбогъ не запретитъ того ему. Молвилъ Финнбогъ, что запрещать онъ не хочетъ: „Слышалъ я, что Юкуль поѣхалъ къ сѣверу, въ Скагафьордъ за какимъ-то дѣломъ. Не думаю, чтобы пути ваши встрѣтились“.

Послѣ того поѣхали оба (Торкель и Тора) съ востока, и съ ними былъ скороходъ ¹⁾. Ъдутъ они, пока не прибыли въ Глицъ; приняли ихъ тамъ очень хорошо.

Былъ мужъ по имени Тораринъ; онъ жилъ у Видимира, въ Скагафьордѣ; былъ онъ мужемъ властительнымъ и правилъ годордомъ ²⁾; сынъ его звался Вильмундомъ. Тораринъ приходился сродни гофскимъ молодцамъ и съ Юкулемъ былъ въ большой дружбѣ; всѣмъ же другимъ казался онъ очень худымъ человѣкомъ и большимъ гордецомъ. Въ ту пору находился Юкуль въ Видимирѣ; какъ пробылъ онъ тамъ не много, услышалъ онъ отъ прохожихъ людей, что Торкель и Тора, жена его, прибыли въ Больстадарглицъ. Не много спустя, сталъ онъ

¹⁾ *Hlaupandi sveina*—бѣгущій молодецъ. На лошадихъ ѣздили по преимуществу лишь свободнорожденные и знатные исландцы, и лошадь считалась самымъ благороднымъ животнымъ, другомъ боговъ и людей (*Weinhold*, стр. 46). Челядинцы же сопровождали въ путешествіи своихъ господъ пѣшкомъ; посѣловать имъ было не такъ трудно, такъ какъ быстрая ѣзда на скалистомъ островѣ была крайне затруднительна. Мы видѣли, что Раенъ тоже всюду сопутствуетъ Финнбога пѣшкомъ.

²⁾ *Godord*—вѣдомство года. Состояло оно изъ лицъ, родственныхъ владѣльцу какого-нибудь храма, временно-обязанныхъ ему за пользованіе землей и т. п., сосѣдей, не имѣвшихъ возможность или не желавшихъ соорудить свой храмъ, и не имѣло географическаго ограниченія: переходъ изъ одного годорда въ другой признавался вполне свободнымъ, и къ любому годорду могли примкнуть лица, жившія въ разныхъ частяхъ Исландіи.

въ путь собираться домой. Удивился тому Тораринъ, что такъ скоро собрался онъ; такъ поступать, говорить, очень странно и не по пріятельски. Отвѣчалъ Юкуль, что необходимо ему ѣхать. Тогда Тораринъ поѣхалъ съ нимъ виѣстѣ въ путь, на востокъ и (проводилъ его) до того двора, что зовется Вацглидомъ; оттуда воротился онъ назадъ. Ёдутъ тѣ втроемъ пока не доѣхали они до Вольстадарглида. Сталъ тогда уже день при вечерѣ; вотъ выходитъ одна женщина и кланяется Юкулю, такъ какъ часто видывала его. Спросилъ онъ: тутъ ли находится Торкель? Говоритъ она, что это правда. Молвилъ Юкуль: „Тогда должна ты попросить его выйти. Скажи, что я хочу видѣть его“. Такъ и сдѣлала она. Сидѣла чета въ горницѣ; народу дома было немного. У Торгрима, бонда, былъ пастухъ по имени Свартъ; онъ былъ мужемъ рослымъ и сильнымъ. Торгримъ попросилъ Торкеля быть на сторожѣ: взяли они оба оружье свое и вышли (на зовъ Юкула); въ эту пору Торгримъ уже былъ сильно въ лѣтахъ. Торкель привѣтствовалъ Юкула; молвилъ Юкуль: „Узнай-ка ты, каковъ мой поклонъ тебѣ!“ Намѣтилъ копьё въ него и замahнулся на него. Тутъ выбѣжалъ Свартъ, пастухъ; на головѣ его надѣтъ былъ шлемъ, большой и очень ветхій, а передъ собой онъ держалъ щитъ; не было у него съ собой иного метательнаго оружія, какъ только навозныя вилы, что вскинулъ онъ себѣ на плечи. Какъ только увидѣлъ Свартъ замысль Юкула, ударилъ онъ его вилами, и надвое расколосось копьё въ рукахъ Юкула. Послалъ его Юкуль къ самому дѣволу¹⁾. Молвилъ Свартъ: „Если ты сейчасъ же не уберешься, то я тебя вторично хвачу, да по уху“. Вотъ Торкель направилъ копьё въ Юкула; попалъ онъ въ нижнюю часть щита и пробилъ его насквозь; копьё вонзилось въ бедро Юкула: то была рана большаа. Товарищи Юкула наскочили на Торгрима; подбѣжалъ къ нему свади и Юкуль, ударилъ его мечемъ по головѣ; Торгримъ имѣлъ на головѣ шлемъ и не больше пробилъ его мечъ (Юкула), какъ будто мечъ деревяннымъ. Сильно изумился тому Юкуль, такъ какъ раньше не разъ испробовалъ онъ, что мечъ его хорошо рубить. Тогда Торкель напалъ на товарищѣй Юкула, а тѣ на него. Возговорилъ Торгримъ: „Не пора ли тебѣ, Юкуль, домой возвращаться? На сей разъ не будетъ твой путь почестенъ“. Увидѣлъ Юкуль, что и въ правду быть тому, такъ какъ онъ очень обезсилилъ отъ потери крови, а Свартъ

¹⁾ *Fara troela armasan*—отправиться къ вожаку нечистыхъ силъ, къ самому Сатанѣ или, по сѣвернымъ преданіямъ, къ Локки.

все стоитъ тутъ съ вѣлами своими, готовый поразить его. Очень постыднымъ показалось все это Юкулю, и потому вскоцилъ онъ на лошадь и пустился въ путь съ остальными товарищами; досадно было ему за свою поѣздку ¹⁾).

Возвращается Юкуль домой, и не мало времени прошло прежде чѣмъ онъ оправился. Разошлась молва объ этомъ происшествіи, и казалось, Юкулю плохо досталось.

Гл. 33-я. Прибытіе Верга-Собаки.

Вскорѣ затѣмъ пришелъ съ моря корабль къ востоку, въ Грутафьордъ, у острова Борда. Кормчій его звался Бергомъ, а прозваніе онъ былъ Бергъ-Собака. Онъ былъ мужъ изъ храбрѣйшихъ и красивъ собою; былъ онъ человѣкомъ женатымъ, и Даллой звали жену его. Красивѣйшею изъ женъ слыла она и роду была именитаго, на всякое дѣло сверстна. Бергъ приходился племянникомъ Финнбога-Сильнаго; мать его называлась Торни; это та самая, что увезъ Скидъ противъ воли отца ея, Асбиорна ²⁾. Какъ только Финнбогъ прослышалъ (о пріѣздѣ Верга), поѣхалъ онъ къ кораблю и радушно встрѣтилъ Верга, родственника своего. Просить онъ (гостей) къ себѣ; они соглашались и ѣдутъ на домъ, въ Боргъ. Гальфрида не такъ радостно приняла ихъ, но Финнбогъ былъ очень доволенъ и угощалъ на славу. Прошло нѣкоторое время и повели друзья разговоръ между собою: Финнбогъ просить Верга подольше пробыть у него, а корабль свой отослать; на томъ и порѣшили, чтобы найти человѣка для корабля. То былъ сродственникъ Даллы, мужъ по роду Гебридъ—оттуда были они оба.

Гл. 34-я. Женитьба Грима.

Былъ мужъ, по имени Гриммъ; онъ жилъ въ Торфастадѣ, былъ человѣкъ молодой и не женатый; отецъ его умеръ. Гримъ былъ роду именитаго и мужъ изъ храбрѣйшихъ; приходился онъ близко сродни Вефридѣ, женѣ Сигурда изъ Гнупа. Сосваталъ себѣ Гримъ

¹⁾ Верлауэ и Герингъ указываютъ на черты сходства между этой сценой Сварта съ Юкулемъ и вступомъ о Вурстѣ въ *Olafs. v. Truggvasonar* (FMS. X), такъ что перенесеніе разказа здѣсь вполне возможно.

²⁾ О похищеніи Торни Сядомъ разказывается въ первыхъ двухъ главахъ саги.

племянницу тѣхъ братьевъ изъ Гофа, и они порѣшили выдать ее за него зимою. Гримъ приходился сродни и Модрувельскимъ, поэтому онъ повзвалъ къ себѣ на свадьбу Финнбога и всѣхъ, кого тотъ пожелаетъ привести съ собою. Пришли звать его и Ториръ съ Торстейномъ, но Финнбогъ сказалъ, что онъ уже приглашенъ былъ раньше своякомъ ихъ, а за честь поблагодарилъ. Проходитъ время, и наступаетъ зима; погода становится ненастной и нагоняетъ бури. Въ тотъ самый день, какъ нужно было ѣхать по приглашенію, снарядились друзья Финнбогъ и Бергъ, и не было повода имъ дольше откладывать. За симъ отправились они въ путь. Шелъ Финнбогъ, пока не пришли они къ Ватсдаловой рѣкѣ; трудна была переправа черезъ нее: крупный ледъ шелъ (по ней), а съ береговъ совсѣмъ замерзло. (Путники) сложили вмѣстѣ оружіе свое и свѣсили плащи по самымъ пятамъ. Не промолвилъ Бергъ ни слова, но казалось ему невѣроятнымъ, чтобъ они могли на тотъ берегъ перебраться. Затѣмъ вошли они въ воду: Финнбогъ попросилъ Берга крѣпче держаться за него и поплылъ, пробираясь между льдинами. Переправились они черезъ рѣку, благодаря ловкости Финнбога, и затѣмъ продолжали путь, пока не прибыли въ Гофъ.

Гости всѣ уже были въ сборѣ: вошли они (то-есть, Финнбогъ съ Бергомъ); въ горницѣ были разведены большіе огни, около которыхъ сидѣли люди на скамейкахъ ¹⁾; были тамъ и всѣ братья (Ингимундови сыновья). Былъ мужъ по имени Коль; онъ состоялъ старостой ²⁾ въ Гофѣ; рослый былъ онъ мужъ, сильный и нрава крутаго. Финнбогъ съ Бергомъ направились къ огню, а Финнбогъ шелъ напередъ; когда они проходили мимо Юкуля, то онъ схватываетъ Берга за

¹⁾ Прежде въ исландскихъ жилищахъ не было печей съ трубами, но огонь разводился прямо на камняхъ, какъ въ нашихъ курныхъ избахъ. Камней было одинъ или нѣсколько, смотря по размѣрамъ комнаты, и располагались они по срединѣ ея, по бокамъ же стояли лавки. Мѣсто между двумя огнями считалось самымъ непочетнымъ, особенно если гостя сажали на него, предварительно не предложивъ ему переѣхать платье и не накормивъ (ср. Grimnismal, 10-я пѣсня поэтической Эдды). Впрочемъ, въ этомъ заключалась обида, нанесенная Юкулемъ Бергу, о чемъ разказывается ниже. О внутреннемъ устройствѣ домовъ у исландцевъ см. *Weinhold*, стр. 230—236.

²⁾ *Kadamaðr*—староста, также *forstiori*, *verstiori*, *heimamaðr*. Въ старосты, надсматривавшіе за работами, назначались лица, лично свободныя, служація по найму. Чаще всего ими были болѣе бѣдные родственники хозяина, какъ и въ данномъ случаѣ Коль, родственникъ Ингимунда.

руку, толкаетъ его и пихаетъ къ огнямъ (между огней?); приводитъ онъ къ нему Коля, чтобъ онъ поклоноталъ объ огнѣ или объ огняхъ (?); Коля тотчасъ схватилъ Берга и велѣлъ ему не отходить отъ него. Видитъ это Финнбогъ; хватаетъ онъ одною рукою плащъ промежду плечъ Берга, вытаскиваетъ ею все оружіе, а другою рукою упирается Юкулю въ плечи; прыгаетъ онъ черезъ него во всемъ облаченіи и перескочивъ, становится прямо на ноги. Всѣ изумились ловкости его. Тутъ вскочили братья, сыновья Ингимундовы, сняли съ Финнбога и съ Берга оружіе и мокрое платье и дали имъ свѣжую одежду; затѣмъ усадили ихъ на скамью Грима, жениха; сѣлъ Финнбогъ по одну руку его. Прошелъ пиръ при веселѣ, а подъ конецъ его были розданы дорогіе подарки. Ториръ подарилъ Финнбогу табунъ лошадей, такихъ, что во всемъ Ватнсдалѣ не было лучшихъ; а Торстейнъ далъ ему шлемъ и копье — все крайне цѣнные подарки. Финнбогъ ихъ очень благодарилъ. Какъ только люди были готовы, Бергъ-Собака пошелъ къ Колю и ударилъ его молотомъ по головѣ; тотъ такъ и растянулся. Тогда каждый бросился за своимъ оружіемъ, но такъ какъ много было вѣшалось промежду ссорившихся, то на этотъ разъ всѣ разошлись.

Лѣтомъ пришелъ съ моря корабль, тотъ самый, которымъ Бергъ владѣлъ; въ это же время Юкуль вызвалъ Финнбога на поединокъ, а Торстейнъ Берга-Собаку. Они приняли вызовъ и назначенъ былъ день, когда сойтись. Когда пришло тому время, говоритъ Далла тѣмъ друзьямъ, что ей совсѣмъ не по сердцу выжидать (исхода?): „Такую погоду я учиню, что ни вамъ, ни другому кому не выйти тогда со двора“. Финнбогъ просилъ ее не дѣлать этого; сраму, говорилъ,—тогда они на весь вѣкъ наживутъ, коли не пойдутъ по слову своему, и сочтутъ то за трусость съ ихъ стороны. Отвѣчала Далла, что не такъ это страшно, какъ ей мужа лишиться. И не было все это попусту сказано: такое поднялось ненастье, что трудно было различить — буря ли воесть, снѣгъ ли валить. Разказываютъ и то что Финнбогъ сильно досадовалъ на это, но порѣшили, что никто изъ тѣхъ не придетъ, и остались они дома. Погода бушевала три ночи, и когда прояснѣло, то люди увидѣли, что нигдѣ снѣга не замѣтно; также узналось, что Гофскіе (братья) пришли на поединокъ¹⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что Юкуль жестоко осмѣялъ Финнбога, какъ

¹⁾ *A motit*—дословно: для встрѣчи; техническое же выраженіе для поединка было—*holmganga* (см. *Weinhold*, стр. 299).

собрался онъ вмѣстѣ съ Бергомъ на бой выходить. Разошлась молва объ этомъ происшествіи; всѣ находили, что мало въ томъ чести Финнбогу и достоинству его великій уронъ. Самъ же Финнбогъ такъ объ этомъ горевалъ, что не могъ ни за что безъ злобы приняться: всего болѣе гнѣвался онъ на Даллу.

Проходитъ время; трое сыновей было у Финнбога, одного звали Гуннбюрномъ, другаго—Ториромъ, а третьяго—Эйульфомъ, и всѣ-то они были сильными людьми, изъ лучшихъ.

Лѣтомъ Бергъ снарядилъ свой корабль: рѣшили они сняться съ якоря; Финнбогъ велитъ товары ихъ отвезти на корабль. Въ эту пору у Финнбога гостили Торкель и Тора. Когда Бергъ собрался совсѣмъ, то поѣхалъ онъ въ путь вмѣстѣ съ Финнбогомъ; съ ними же ѣхалъ и Торкель, а Рафнъ-Малышъ велъ лошадь съ поклажей. Ъдутъ они, пока не прибыли къ востоку у мыса, что зовется Грутафьардовымъ мысомъ. Рафнъ былъ впереди; когда они стали огибать мысъ, онъ остановился поджидать ихъ. Финнбогъ спросилъ его: почему онъ не ѣдетъ? „Вѣтъ можетъ, замѣтилъ ты что-нибудь новаго?“ Говоритъ Рафнъ: „Лучше того: вижу я—прямо надъ нами изъ-за холма бѣгутъ двѣ лошади, и на нихъ надѣты сѣдла. Вотъ выскочило два человѣка вооруженные; они взяли лошадей и отвели за холмъ. Такъ думаю я, что васъ выжидаютъ, и должно быть, гораздо больше тамъ людей, чѣмъ сколько я ихъ видѣлъ. Мой совѣтъ свернуть на другую дорогу и съ ними не встрѣчаться“. Молвилъ Финнбогъ: „На вѣдь ли порадуются они встрѣчѣ со мною больше, чѣмъ я съ ними: отстоимъ мы себя по возможности. Не навлекать же на себя и въ этотъ разъ заранѣе кличку трусовъ, не то потеримъ мы неслыханный позоръ“. За симъ поѣхали они къ каменному утесу и тутъ увидали, кто стоялъ за холмомъ: то были Юкуль, Ингимундовъ сынъ, и Тораринъ, другъ его, Вильмундъ, сынъ Торарина, и Коль, староста. Всѣхъ было ихъ счетомъ двѣнадцать человѣкъ, и все изъ храбрѣйшихъ. Финнбогъ со своими, пока они еще не подошли, расшатавъ одинъ камень. Вотъ крикнулъ Юкуль: „Теперь время, Коль, припомнить ударъ молотомъ!“ Тогда Коль выбѣжалъ впередъ и метнулъ копьемъ въ Берга; попалъ онъ въ щитъ, такъ какъ Бергъ имъ прикрывался. Тутъ Юкуль метнулъ въ Берга и прямо въ шею, противъ горла. Видѣлъ это Финнбогъ, замахнулся мечемъ и раздробилъ копье надвое. Тораринъ напалъ на Торкеля, и вмѣстѣ съ нимъ еще два человѣка. Торкель защищался смѣло и отважно и палъ доблестно. Бергъ ударилъ Колю, проломивъ щитъ, въ грудь ему; такъ и повалился Коль

навзничъ, а затѣмъ Финнбогъ ударилъ его камнемъ въ голову такъ, что черепъ (Коля) разлетѣлся на мелкіе куски: тутъ же на мѣстѣ и умеръ Коля. Тогда Финнбогъ ударилъ Юкуля, да сквозь щитъ попалъ ему въ бедро; то была рана большая. Вильмундъ навалился на Берга, что только было силы, и вмѣстѣ съ нимъ еще два человѣка. Бергъ метнулъ въ одного изъ нихъ (копьемъ) и пронзилъ насквозь; тутъ другой зашелъ къ нему съ тылу. Бергъ обернулся и ударилъ его мечемъ другою рукой и разсѣкъ на двое. Тогда уже Вильмундъ палецъ на Берга. Видитъ Финнбогъ, что (Бергъ) безоруженъ, и поспѣшилъ къ нему, но Вильмундъ (уже) пронзилъ Берга мечемъ насквозь и обратно втащилъ мечъ. Взглянулъ Бергъ, усмѣхнулся и молвилъ: „Не та помощь тебѣ, другъ мой Финнбогъ, отъ меня, какую я желалъ оказать! Хорошо обходился ты со мною эту зиму“. Сбросилъ онъ плащъ съ себѣ и повалился наземь. Тогда Финнбогъ бросился на Вильмунда и срубилъ ему голову съ плечъ. Тутъ замахнулся (на Финнбога) Юкуль, а другою рукой отсѣкъ мечемъ голову Бергу. Финнбогъ метнулъ въ Юкуля такъ, что копые въ кости вонзилось. Сильно былъ израненъ и Рафнъ-Малышъ: онъ убилъ одного изъ спутниковъ Торарина, года. Плътъ человѣкъ напало на Финнбога; обѣими руками отбивался онъ и смѣло шелъ на встрѣчу имъ: впереди выступалъ Тораринъ; былъ онъ мужемъ полнымъ доблести и крѣпкимъ по силѣ. Финнбогъ бросилъ въ него камень и попалъ прямо въ щеку: Тораринъ тотчасъ же повалился; Финнбогъ ударилъ его и разрубилъ надвое; становился онъ человѣкоубійцей ¹⁾. Еще нѣкоторое время продолжали они сражаться, какъ вдругъ увидѣли ѣдутъ десять человѣкъ и очень спѣшатъ; то прибыли братья Юкуля; тотчасъ же вмѣшались они промежду сражающихся. Юкуль въ то время едва ужъ держался

¹⁾ *Mannskædr* — человѣко-губительнымъ. Обыкновенное же выраженіе у неландцевъ для обозначенія того настроенія ярости, которое охватывало сражающихся въ пылу битвы, было *berserkr*. Когда на такихъ людей находилъ стикъ *берсеркства*, они дѣлались неутомимыми и неуязвимыми въ бою, входили въ сильную ярость, кричали и грызлись, какъ звѣря; но какъ только проходило это настроеніе, они до того ослабѣвали, что должны были въ постель ложиться. Не все люди могли быть берсерками, — К. Мауреръ объясняетъ ихъ съ оборотнями, Свейнборнъ Эхильсонъ объясняетъ этимологию *berserkr*, отъ *bergr*—медвѣдь, отождествляя ихъ съ *bjarnhamir*—оборотень подъ видомъ медвѣдя, какъ *alfhamir* человѣкъ во образъ волка и т. д. (см. К. Maurer, Die bek. d. nord. st. z. Chr. bd. II). Въ нашей сагѣ Финнбогъ не разъ проявляетъ свойства, приписываемыя древнимъ берсеркамъ.

и весь былъ сильно пораненъ. Остановились всѣ пятеро, сильно израненные, но Финнбогъ только разсвирѣпѣлъ, ранъ же на немъ не было. Возговорилъ Ториръ: „Великое и напрасное побоище произошло здѣсь!“ Отвѣчалъ Финнбогъ: „Такъ досталось имъ, что мнѣ нечего и желать лучшаго. А знаю я также и то, что съ Юкулемъ мнѣ больше не пришлось бы встрѣчаться въ другой разъ, когда бы не ваше теперь заступничество“. Говоритъ Ториръ, что надо этому дѣлу конецъ положить; принялись они подавать помощь тѣмъ изъ людей, у которыхъ была еще надежда на жизнь. Финнбогъ отвезъ домой (тѣло) Берга, друга своего, и похоронилъ его вблизи отъ Борга; тамъ стоитъ курганъ его ⁴⁾.

Разошлась молва объ этомъ происшествіи, и всѣ находили, что бой былъ изъ жесточайшихъ, и что Финнбогъ на дѣлѣ показалъ тѣмъ, какъ онъ поступилъ, что онъ выдается надъ всѣми людьми. Далла очень горевала о супругѣ своемъ; просила она Финнбога отдать ей сына его Гуннбиорна (на воспитаніе); такъ думала она, что это ей послужитъ утѣшеніемъ имѣть при себѣ кого-нибудь изъ родни Берга. А такъ какъ Финнбогъ зналъ, что Далла была женщина властительная и богатая, также и то, что она получила глубокую рану и сильное горе перенесла, гостя у него, то онъ согласился на ея просьбу. Сдалъ ей Финнбогъ на руки Гуннбиорна, сына своего; ему тогда было шесть или семь зимъ. Также далъ Финнбогъ Даллѣ 15000 одѣялъ и 15 одеждъ, чтобы передать Барду, изъ Гренмо ⁵⁾. Послѣ этого Далла уѣхала; было у нея славное подворье; принялась она тотчасъ обшивать Гуннбиорна, наготовила ему платья самаго луч-

⁴⁾ Древнѣйшимъ способомъ хоронить мертвыхъ у скандинавовъ было (Altnord. Leben, стр. 488—498) сжиганіе трупа. Происходило оно съ большимъ торжествомъ, при чемъ возлагались на костеръ вмѣстѣ съ умершимъ его жена, рабы, любимая лошадь, оружье и т. п. Прахъ клался въ урну, которая либо просто зарывалась въ землю подъ камень, либо ставилась въ гробницу, надъ которою насыпался большой курганъ, обложенный камнями. Но рядомъ съ сжиганіемъ труповъ существовалъ обычай просто зарывать ихъ въ землю, подъ насыпью. Вейнгольдъ считаетъ, что онъ проникъ въ Норвегію лишь съ начала IX в.; въ Исландіи же онъ вошелъ въ употребленіе съ самаго начала ея заселенія германцами и почти совсѣмъ вытѣснилъ обычай сжиганія. Еще способомъ хоронить было — класть покойника въ лодку и пустить по морю на произволъ судьбы.

⁵⁾ Бардъ жилъ въ Норвегіи, въ Галогаландѣ; у него пріютился Финнбогъ послѣ того какъ потерялъ кораблекрушеніе и пробылъ тамъ съ годъ времени (главы 10-я и 11-я).

шаго и алаго цвѣта ¹⁾). За тѣмъ поѣхала Далла на сѣверъ въ Гренно и передала подарки Барду, бонду; Бардъ радостно встрѣтилъ мальчика (Гуннбіорна). Случилось такъ однажды, что Бардъ спросилъ Гуннбіорна: не хочетъ ли онъ побороться съ другимъ мальчикомъ. Гуннбіорнъ спросился у Даллы: затѣмъ вышли они съ тѣмъ мальчикомъ побороться и такъ до трехъ разъ; Бардъ нашелъ, что оба они равны силой и предложилъ прекратить (состязаніе). Но Гуннбіорнъ сказалъ, что онъ не хочетъ еще заканчивать: подхватилъ онъ мальчика снизу и прижалъ его съ такою силой, что переломилъ ему три ребра. Тогда молвилъ онъ, что теперь согласенъ прекратить борьбу. Говорить Бардъ, что не отстаетъ онъ отъ отца своего и подарилъ ему золотое кольцо, цѣною въ шесть ѳръ; Гуннбіорнъ въ будущемъ, говоритъ, много обѣщаетъ и станетъ онъ со временемъ молодцемъ изъ молодцевъ; тому мальчику, говоритъ, было пятнадцать зимъ, и не изъ слабыхъ онъ, а Гуннбіорну всего-то восемь зимъ. Послѣ этого Далла поѣхала съ Гуннбіорномъ въ путь и получила она прекрасные подарки. Росъ Гуннбіорнъ у Даллы, пока не минуло ему двѣнадцать зимъ; столь рослымъ и сильнымъ былъ онъ тогда, что казался много лучше другихъ людей.

Былъ викингъ по имени Раудъ; онъ посватался за Даллой, но Гуннбіорнъ сильно воспротивился браку, и Раудъ уѣхалъ въ великомъ гнѣвѣ.

Случилось такъ, что Далла снарядила корабль для Гуннбіорна, пустился онъ на поиски ²⁾ и всякаго превосходилъ въ бою; вступалъ онъ въ битву и съ викингами, когда кто изъ нихъ попадался ему. Къ концу лѣта Гуннбіорнъ повстрѣчался съ Раудомъ, викингомъ, около одного острова; тотчасъ же завязался бой между ними. Раудъ имѣлъ прекрасный корабль, крѣпкій и отлично оснащенный. Много было перебито людей съ той и другой стороны. Возговорилъ Гуннбіорнъ: „Не хочешь ли ты, Раудъ, испробовать силу мою?“ „А какого ты возраста мужъ?“ спросилъ Раудъ. Молвилъ Гуннбіорнъ:

¹⁾ *Skrud klaedi ok skarlat* — алый цвѣтъ былъ любимымъ у исландцевъ и употреблялся для самыхъ нарядныхъ одеждъ. Вейнгольдъ замѣчаетъ, что онъ былъ даже въ большемъ ходу, чѣмъ пурпуръ (Altn. L., стр. 158 и слѣд.).

²⁾ *Fara i hermad* — техническое выраженіе для обозначенія морскихъ экспедицій, и въ частномъ смыслѣ походовъ викинговъ. Гуннбіорнъ самъ, по видимому, становится викингомъ, но во враждѣ его къ послѣднимъ казался позднѣйшій взглядъ, клеймившій позоромъ прежде почетное имя викинга (см. *Depping, Histoire des expéditions maritimes des Normands*).

„Мнѣ двѣнадцать зимъ, но сдается мнѣ—не многимъ уступлю я тебѣ въ борьбѣ, а пожалуй, что и совсѣмъ нѣтъ. Но о томъ тебѣ судить будетъ“. За симъ стали они бороться упорно; Гуннбюрнъ силу берегъ и больше оборонялся; Раудъ же нападалъ изо всей мочи, пока не утомился; тогда приналегъ Гуннбюрнъ и повалилъ Рауда. Былъ у него на шеѣ ножикъ, который подарила ему Далла; такъ какъ оружья съ нимъ не было, онъ схватилъ этотъ ножикъ и отрѣзалъ имъ голову Рауду. Послѣ этого Гуннбюрнъ завладѣлъ славнымъ кораблемъ и всѣмъ тѣмъ добромъ, что было у Рауда; людей отпустилъ онъ съ миромъ и добра ихъ не трогалъ, такъ что всѣ называли его самымъ великодушнымъ юношей. Весной Гуннбюрнъ поѣхалъ къ воспитательницѣ¹⁾ своей Даллѣ и пробылъ тамъ зиму въ довольствѣ; не было ему недостатка ни въ добрѣ, ни въ ласковомъ обхожденіи.

Гл. 36-я. Финнбогъ принялъ христіанскую вѣру.

Повѣствуютъ, что когда стали проповѣдывать христіанство въ Исландіи, что для всѣхъ было великою радостью, то никто не принялъ его раньше и съ такою поспѣшностью, какъ Финнбогъ Сильный и Торгейръ, братъ матери его. Съ тѣхъ поръ сталъ онъ постоянно радѣть о томъ, чтобы вводить и укрѣплять (въ народѣ) то, что возвѣщали славные мужи; былъ Финнбогъ и самъ окрещенъ.

Разказываютъ, что послѣ смерти Берга-Собаки, Гальфрида родила ребенка; Финнбогъ назвалъ его по имени Берга, друга своего; больше всѣхъ сыновей своихъ полюбилъ онъ этого.

Былъ мужъ по имени Версъ, онъ жилъ въ Гваммѣ, въ Ватнсдалѣ; приходился онъ сродни²⁾ Гофскимъ мужамъ: они его поженили и надѣлили добромъ; раньше того былъ онъ у братьевъ, Ингимундовыхъ сыновей, мальчикомъ на побѣгушкахъ³⁾; теперь же онъ сталъ мужемъ почтеннымъ и законникомъ большимъ⁴⁾; этотъ мужъ постоянно

¹⁾ *Fostr*—*fostr-modir*—воспитательница, кормилица, приемная мать.

²⁾ *Skyldr*—собственно—обязанный къ чему, должникъ; но такъ какъ въ извѣстныхъ обязательствахъ къ богатымъ людямъ входили обыкновенно равные родственники и притомъ младшіе члены семьи всегда имѣли некоторые обязательства къ старшимъ, то *skyldr* употребляется и для обозначенія родства; *skyldusta fraendr*—ближайшіе родственники (см. словарь *Mébiusa*).

³⁾ *Hleypilltr*: *hleypa*—заставлять бѣгать, *pilltr*—мальчикъ.

⁴⁾ *Lagamaðr*—*lögmaðr* первоначальное значеніе—*legum peritus*; названіе *mikill lagamaðr* вѣроятно обозначаетъ здѣсь, что Версъ, ставъ независимымъ хозяиномъ, получилъ право принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ и на

подстрекалъ братьевъ (Ингимундовичей?) къ ссорамъ съ Финнбогомъ.

Токуль долгое время пролежалъ въ ранахъ, а потомъ выздоровѣлъ. Такъ случилось разъ, что Финнбогъ собрался въ Гнупъ — навѣстить Сигурда (отца Торкеля), а раньше, чѣмъ выѣхать въ путь, завернулъ онъ въ Гваммъ, къ Берсу и сказалъ ему: „Такъ говорили мнѣ, Берсъ, что много портишь ты правъ друзей своихъ и все подстрекаешь ихъ противъ меня. Хотя ты у нихъ и не въ большой чести, но какъ-нибудь ужъ проучу я тебя, чтобы не смѣлъ ты больше возмущать (ихъ)“. Говоритъ Берсъ: „Я тутъ не при чемъ; а только знаю я одно и скажу вамъ это, что никто вамъ не злѣйшій врагъ, чѣмъ я“. Финнбогъ соскочилъ съ лошади, подбѣжалъ къ Берсу и далъ ему пощечину, да такую сильную, что Берсъ такъ и растанулся павзничь. Говоритъ Финнбогъ, что не стоило на него и оружія поднимать, а въ другой разъ, общается, еще хуже того будетъ. Поѣхалъ Финнбогъ домой и зажилъ спокойно. Однажды поѣхали Финнбогъ съ Гальфридой къ сѣверу, въ Льозаватнъ. Торгейръ принялъ ихъ съ распростертыми объятіями ¹⁾ и очень радовался приходу ихъ Немного спустя приходитъ изъ Вика гонецъ: говоритъ онъ, что Асбіорнъ трудно боленъ и проситъ Торгейра пріѣхать къ нему: не зналъ онъ, что былъ тутъ и Финнбогъ. Тогда всѣ вмѣстѣ они поѣхали къ Асбіорну: очень имъ тамъ обрадовались; Асбіорнъ былъ совсѣмъ плохъ; сдѣлалъ онъ распоряженія, чтобы потомъ исполнили его волю: Финнбогу онъ наказалъ взять все его имущество, послѣ его смерти; это, говоритъ, послужитъ въ пользу ему. Попросилъ (Асбіорнъ) также и ему честь оказать: назвать по его имени одного изъ сыновей Финнбога; это, говоритъ, и мальчику счастье принесетъ. Послѣ этого привели къ Асбіорну священника, который доставилъ ему то, въ чемъ онъ болѣе всего нуждался. Затѣмъ болѣзнь стала все больше и больше осилывать Асбіорна, пока онъ не умеръ. Тогда повсаля тѣло его и не мало народу провожало. Когда выѣхали они въ Флатейярдалову долину, къ камню, что зовется Альманнакамбомъ ²⁾,

собраліяхъ голосъ его имѣлъ нѣкоторый вѣсъ, такъ какъ уважали въ немъ хорошаго знатока законовъ (см. ст. *K. Maurer*—Graagaz въ *Encycl. d. Wiss. und K.; Ersch* и *Gruber*, Вд. (XXVII). Можетъ быть, кроется въ этомъ эпитетѣ и нѣкоторая иронія, что, по видимому, выходитъ изъ слѣдующей затѣмъ ерамы.

¹⁾ *Vadum hōndum*—объими руками.

²⁾ *Almannakambur*—камень всѣхъ людей. Это названіе въ связи съ похоронною процессіей, останавливающейся у даннаго камня, звучитъ нѣкоторой яносказательностью. Можетъ-быть оно является вставкой христіанскаго писца.

а другой камень именовался Финнбоговымъ-камнемъ, то Торгейръ предложилъ сойти съ лошадей: стояла ясная и жаркая погода, и лошади, что везли погребальныя дроги ¹⁾, сильно утомились. Такъ и было сдѣлано. Тогда молвилъ Торгейръ Финнбогу: „Подобаеть, другъ мой, отпраздновать твой приѣздъ сюда къ сѣверу; поэтому хотимъ мы просить тебя: покажи намъ образчикъ силы твоей; здѣсь въ сборѣ всѣ твои родные и пріатели“. Финнбогъ спросилъ, чего больше хотятъ они: совершить ли ему что-нибудь, или въ борьбѣ испытать свои силы? Отвѣчалъ Торгейръ, что борьба не такъ любопытна. Тогда Финнбогъ сложилъ съ себя плащъ: рослый былъ онъ мужъ и красивъ собою; широкій въ плечахъ, а станъ съ перехватомъ; сложенъемъ своимъ и обильемъ кудрей всѣхъ людей превосходилъ онъ; съ каждымъ бывалъ привѣтливъ въ обхожденіи и любезенъ ²⁾; а подъ оружіемъ не было мужа отважнѣе Финнбога; еще то сважемъ мы, что мало было, а пожалуй и совсѣмъ никого, изъ тѣхъ, что образъ свой не мѣняютъ, кто бы превосходилъ его силой.

Вотъ подходитъ Финнбогъ къ одному камню, что былъ глубоко въ землю врытъ; пошатнулъ онъ его; казалось большинству людей, что не было возможности поднять этотъ камень, такъ былъ онъ великъ. Финнбогъ беретъ еще два камня; поднимаетъ онъ все это по грудь себѣ и такъ проноситъ на неблизкое разстояніе; затѣмъ бросаетъ онъ камни, да съ такою силой, что они врылись въ землю не меньше, чѣмъ на два локтя. Слышали мы, разказываютъ, — что теперь остались лишь небольшіе слѣды отъ большаго камня, а на виду только тѣ два, что Финнбогъ положилъ сверху. Торгейръ попросилъ его принять отъ нихъ благодарность: „Должно признать, что не бывало такого дѣянія въ Исландіи, съ тѣхъ поръ какъ въ ней люди живутъ, хоть ты и считаешь его пусташинымъ, и имя твое прославлено будетъ каждымъ“.

Послѣ этого снова двинулись они въ путь и не переставали идти, пока не пришли въ Лъозаватнъ; тутъ похоронили Асбіорна, какъ мужа именитаго, со всѣми почестями. Затѣмъ уговорили Торгерду (вдову Асбіорна), что-бы поселилась она въ Эйрѣ, подъ охраной Торгейра, брата своего. Послѣ этого снаряжился Финнбогъ со всѣми

¹⁾ *Undr daugunum*—отъ *ðgug* нѣм. *Wahre* (глоссы Геринга).

²⁾ *Kurteysi* (въ превосходи. степ. *kurteuzati*)—фр. *courtois*, слово очевидно заимствованное и проникшее на сѣверъ съ романскимъ вліаніемъ и рыцарскими разказами.

спутниками своими ѣхать домой; получили они хорошіе подарки и расстались вполне дружелюбно. Ѣдутъ они въ Эйяфьордъ; тамъ Гальфрида навѣстила родныхъ своихъ и друзей, и розданы были цѣнные подарки. За симъ Финнбогъ съ Гальфридой поѣхали къ востоку въ Видидалъ, и прибыли они домой въ Боргъ. Вся челядь имъ очень обрадовалась.

Въ эту же зиму Гальфрида родила ребенка, и назвали его Асбиорномъ; мальчикъ былъ съ большими задатками. Какъ только подросъ онъ немного, Финнбогъ послалъ его къ сѣверу, въ Эйръ, въ Флатейярдалъ, къ Торгердѣ, матери своей. Она выростила его, пожелала и стала Асбиорнъ мужемъ влстительнымъ. Отъ него большой родъ пошелъ сильныхъ мужей. У Финнбога съ Гальфридой еще сынъ родился, и дали они ему имя Торгейра, года. Такъ разказываютъ люди, что всего у нихъ было шесть сыновей; надежными они были мужами и изъ храбрѣйшихъ.

Гл. 37-я. О Гуннбиорнѣ.

Однажды, лѣтомъ, прибылъ корабль въ Грутафьордъ: одною половиною его владѣлъ Лодинъ, другою же—Гуннбиорнъ, Финнбоговъ сынъ. Тотчасъ же поѣхалъ Гуннбиорнъ домой въ Боргъ, и здѣсь всѣ ему очень обрадовались. Лодинъ поѣхалъ вмѣстѣ съ другимъ человѣкомъ въ Гофъ, гдѣ навѣстилъ Токуля. Всякаго краше былъ Гуннбиорнъ и ростомъ больше; онъ очень походилъ на своего отца; въ ту пору ему было пятнадцать зимъ. Разказываютъ, что въ Гваммѣ, у Верса, устраивались игрища, какъ и раньше бывало; тоже часто случались они и въ Гофѣ ¹⁾. Гуннбиорнъ всегда ѣзжалъ на игры въ Гваммъ; (на этотъ же разъ) Финнбогу не понравилось, что онъ хочетъ ѣхать одинъ; говорить онъ Гуннбиорну,—пусть онъ либо совсѣмъ не ѣдетъ, либо ужъ возметъ людей съ собою: „Версъ все тавтъ недоброе въ мысляхъ, и злобно высматриваетъ, когда приходитъ“. Насталъ день, и поѣхалъ Гуннбиорнъ съ востока въ Гваммъ на игрища и четыре челядинца съ

¹⁾ *Leikar*—игрища устраивались по преимуществу во время общественныхъ собраний, обыкновенно весьма многолюдныхъ; также въ большіе праздники, какъ въ *Jolfestg* (зимой) и т. п.—но затѣмъ бывали они у частныхъ людей, по подворьямъ, куда стекались сосѣди помѣряться силой или ловкостью. Объ играхъ и состязаніяхъ исландцевъ, см. *Weinhold*, стр. 290—314).

нимъ; прибыли они въ Гвамми; много собралось тамъ борцовъ¹⁾; прибылъ и Юкуль изъ Гофа, также и люди его. Пошли большіе толки о состязаніи въ борьбѣ, и предложилъ Юкуль: не хочеть ли Гуннбиорнъ съ нимъ силой поиѣриться? „Долженъ ты быть мужемъ сильнымъ, каковъ я отецъ твой“. Говоритъ Гуннбиорнъ, что силу свою онъ показать готовъ, но, говоритъ, годами не очень онъ возрастенъ. Тутъ молвилъ Берсъ: И впрямь вѣдь такъ: пусть поборятся Гуннбиорнъ съ Юкулемъ; долженъ онъ быть большимъ силачемъ, такъ какъ сынъ онъ Видидалова гѣда²⁾, и никто съ нимъ въ борьбѣ не поладитъ; тоже думать надо и объ Ватсдаловскихъ и таковъ же (силачъ?) Ингимундъ; сыновья же его отстоятъ себя отъ позора какъ своего, такъ и друзей своихъ³⁾. Затѣмъ принялись бойцы силой мѣряться: Гуннбиорнъ былъ поставленъ насупротивъ Юкуля; крѣпко схватились они и боролись упорно; Юкуль упалъ на колѣно;—тогда порѣшили, что нора разнять ихъ и признали ихъ равными (по силѣ). Юкуль на это не соглашается, и стали они вторично бороться. Тутъ Гуннбиорнъ упалъ на колѣно,—виѣшались промежду ихъ люди и просили борьбу прекратить. Молвилъ Юкуль, что перевѣсъ не рѣшенъ еще. Тогда въ третій разъ вступили они въ борьбу; тутъ поканчиваетъ (споръ) Гуннбиорнъ: подхватываетъ онъ Юкуля, прижимаетъ къ себѣ на грудь осаживаетъ его и за скамейку повалилъ⁴⁾. Юкуль и Берсъ побѣждали было за оружіемъ, но ихъ удержали. На томъ и покончена была игра; Гофскіе люди тотчасъ же въ путь снарядились, а также и Берсъ (съ ними). Финнбогъ сталъ домой собираться.

Хозяйка въ Гвамми звалась Ингибиоргой; была она женщина надежная, работающая и роду хорошаго; она всегда радушно принимала Гуннбиорна и прислуживала ему, когда онъ прѣзжалъ; посто-

¹⁾ *Leikmadr*—leie, spielmann (Möbius)—здѣсь очевидно идетъ дѣло не о шпиль махалъ въ узкомъ смыслѣ слова, — а о людяхъ, пришедшихъ — leik a, играть состязаться, бороться.

²⁾ Подъ Видидаловымъ гѣдомъ, очевидно, подразумевается здѣсь Финнбогъ; интересно, что это единственное мѣсто въ нашей сагѣ, гдѣ онъ именуется гѣдомъ.

³⁾ *Ok setr nidr innar vid gallinn mikit fall*—дословно: (Гуннбиорнъ) осаживаетъ внизъ туда объ скамейку великое паденіе, то-есть, онъ, приподнявъ сперва Юкуля себѣ по грудь, за тѣмъ съ силой опустилъ его и, прижавъ къ близъ стоящей скамейкѣ, повалилъ такъ, что Юкуль упалъ за нее. Вѣроятно, состязаніе происходило внутри жилища, а комнаты, какъ нами уже было указано, были обставлены длинными скамейками.

ляно велъ онъ съ нею долгія бесѣды. Вотъ пошла она къ Гуннбиорну и стала просить его не ѣхать по той же дорогѣ, по которой онъ пріѣхалъ: „Такъ думается мнѣ, что они подстроятъ тебѣ засаду“. Гуннбиорнъ отвѣчалъ, что не боится ихъ: „Поѣду я такъ, какъ дорога лежитъ, мимо Ватнсадала и Видидала, дальше ли, короче ли будетъ мой путь по Исландіи“.

Ѣдутъ они (то-есть, Гуннбиорнъ съ челядинцами) путемъ дорогой, пока не доѣхали до перекрестка: одна изъ дорогъ ведетъ къ западу въ Видидалъ; вотъ бѣгутъ по ней люди на встрѣчу имъ, а были то Іокуль съ девятью челоуѣками. Крикнулъ онъ Гуннбиорну спѣшиться: „Посмотримъ теперь, въ чемъ ты удалѣе — оружемъ ли справиться или бороться?“ Отвѣчалъ Гуннбиорнъ, что въ томъ и другомъ поне-много. Слѣзаетъ онъ съ лошади, за нимъ (спѣшались) и люди его. Іокуль тотчасъ же метнулъ въ щитъ его, но щитъ былъ крѣпкій и выдержалъ ударъ, Гуннбиорнъ выхватилъ мечъ, замахнулся имъ на Іокуля и разсѣкъ ему щитъ вполоть по рукоятку, Іокуля мечъ не поранилъ.

Теперь надо разказать о Финнбогѣ, какъ онъ остался дома, въ Боргѣ. Спросила его въ тотъ день Гальфрида: гдѣ Гуннбиорнъ? Финнбогъ отвѣчалъ ей, что онъ поѣхалъ на игрища. Молвила она: „Это просто невѣроятно — отпустить сына своего одного ѣхать прямо въ руки къ врагамъ, да еще къ такимъ наглецамъ, каковы недруги наши“. Говорить Финнбогъ, что и правду такъ (оно опасно); велитъ онъ Рафну привести его лошадь; такъ тотъ и сдѣлалъ. Поѣхалъ Финнбогъ, а Рафнъ бѣжалъ впереди. Ѣдетъ онъ съ востока, какъ путь лежитъ, пока не увидѣлъ сраженіе; а какъ подѣзжать онъ сталъ ближе, въ ту пору Гуннбиорнъ замахнулся на Берса, разсѣкъ ему щитъ и въ ногу поранилъ: то была рана большая. Тогда Іокуль ударилъ по щиту Гуннбиорна, но щитъ его былъ такой крѣпости, что не поддакъ ничуть удару, и копые отскочило (Іокулю же) въ ключицу. На этомъ подоспѣлъ Финнбогъ; метнулъ онъ въ Іокуля и прошибъ ему вполоть до костей. Молвилъ Финнбогъ: „Не пора ли тебѣ, Берсъ, пойти на меня, да отплатить за пощечину?“ Тутъ же ударилъ онъ Берса и съ такою силой, что мечъ отскочилъ отъ головы Берса и вонзился промежъ плечъ его челядинца, такъ что палецъ онъ безъ жизни. Послѣ этого разсвирѣпѣлъ Финнбогъ до того, что сталъ рубиться обѣими руками, и не раньше остановился онъ, какъ уложивъ пятерыхъ со товарищей Іокуля, а самъ Іокуль уже былъ не въ силахъ сражаться. Тогда возговорилъ Гуннбиорнъ Финнбогу: „Пора

прекратить намъ бой, ибо всё они теперь поражены и сбиты въ конецъ. Можно намъ и на томъ помириться, что Токуль всякій разъ выходилъ на васъ съ людьми, и всякій разъ оставлялъ ихъ на мѣстѣ; да и ему что-то ни разу не повдоровилось отъ встрѣчи съ вами. Станутъ говорить люди въ Норвегіи или въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ наиболѣе прославился ты доблестными дѣлами, что не велика честь для тебя разсыпать удары по Ватнсдалю, хотя бы ты и перебилъ здѣсь всѣхъ до одного недруговъ своихъ". Уступилъ Финнбогъ по просьбѣ Гуннбиорна, и они разошлись. Помимо Токуля оставались въ живыхъ еще четыре человѣка, и всѣ сильно пораненные.

Поѣхали родичи домой со своими людьми. Разошлась молва объ этомъ происшествіи; Токуля привезли домой сильно израненнаго, также и людей его.

Гл. 38-я. Финнбогъ выѣзжаетъ изъ Видидала.

Повѣствуютъ, что норвежскіе люди ¹⁾ сильно разгнѣвались на то, что Токуль устроилъ засаду Гуннбиорну; тотчасъ же выѣхали они изъ Гофа и проживали въ Гнугѣ, пока не миновалась зима. Тѣмъ лѣтомъ на общемъ вѣчѣ ²⁾ пошли толки о ихъ, (то-есть, Токуля?) проступкѣ видать люди, что просто нѣтъ проѣзда по той дорогѣ, все то они убійства чинять. Такъ полагали, что Финнбогъ не раньше отступится отъ того, чтобы враговъ своихъ уничтожить, какъ если обуздать его силой; а также объ упорствѣ Токуля думали, что и онъ не перестанетъ, сколько бы онъ людей ни изводилъ, пока не свяжутъ его договоромъ. Тогда было испробовано помирить ихъ; но Токуль не соглашался принять миръ, равно и Финнбогъ не шелъ на него: не было возможности свести ихъ вѣстѣ. А такъ какъ гофскіе вла-

¹⁾ То-есть, Лодия со своими товарищами.

²⁾ *Allthing*—обще-исландское вѣче, на которое стекалось все свободное население острова. Оно было установлено въ 930 г., по законамъ Ульфелотта, и было уничтожено лишь съ покореніемъ Исландіи норвежскимъ королемъ (1264 г.). *Allthing* собирался одинъ разъ въ году, именно лѣтомъ, около половины іюня, и продолжался четырнадцать дней; подъ него былъ отведенъ годордъ Торлейва, въ южной области Исландіи. Предсѣдательствовалъ *allthing*'омъ — *lögsgjafmaðr*, который избирался на три года. Для лицъ, обезпеченныхъ известнымъ имущественнымъ цензомъ, посѣщеніе этого вѣча было обязательнымъ; въ случаѣ неявки, они должны были платить откупъ (*thingfararkaup*), шедшій другимъ на пособіе при путевыхъ издержкахъ.

дѣльцы были богаты родней, Торгейръ же, дѣда Финнбога, умеръ, то было рѣшено совѣтомъ мужей, чтобы Финнбогъ выѣхалъ изъ Виддала; это потому, что всѣ увѣрились, что не иначе кончатся ссоры ихъ, какъ если одного изъ нихъ удалить. Гуннбиорнъ увѣщевалъ отца своего выѣхать; вездѣ, говоритъ, Финнбогу будетъ хорошо, куда бы онъ ни пришелъ. Отвѣчалъ Финнбогъ, что онъ не выѣдетъ: „Долженъ я за своими дѣтьми смотрѣть, сдѣлать ихъ людьми и силу въ нихъ укрѣплять“.

Такъ разказываютъ, что послѣ этого Финнбогъ (все-таки) продалъ Боргову землю; ѣдетъ онъ къ востоку въ Трекиллисвиъкъ; обстроился онъ тамъ и прекрасное подворье завелъ. Въ это же самое лѣто выѣхалъ и Гуннбиорнъ; много добра было у него; то, что далъ ему отецъ его. Въ ту пору Далла уже умерла и Гуннбиорнъ получилъ послѣ нея всѣ ея богатства; онъ женился и въ жены взялъ дѣвушку, что называлась Асой; была она роду именитаго. Сталъ Гуннбиорнъ мужемъ славнымъ; много лучше былъ онъ другихъ людей по своимъ дарованіямъ и есть много сагъ про него ¹⁾.

У Финнбога съ Гальфридой было семь сыновей: старшимъ изъ нихъ былъ Гуннбиорнъ, вторымъ—Эйульфъ, третьимъ—Ториръ, четвертымъ—Асбиорнъ; пятымъ—Бергъ, шестымъ—Торгейръ, седьмымъ—Торгримъ ²⁾. Всѣ то они были отличными людьми. Финнбогъ сдѣлался тамъ, къ востоку, мужемъ властительнымъ какъ онъ захочетъ, такъ всѣ стоятъ или садятся; очень ему тамъ нравилось.

Ториръ, Финнбеговъ сынъ, все пребывалъ у модрувельскихъ пріятелей своихъ; слышали мы, будто былъ онъ вмѣстѣ съ Эйульфомъ Хромогонимъ въ битвѣ Мельраккагальской ³⁾; рослый былъ онъ мужъ

¹⁾ Если сравнить ту роль, которую играетъ въ нашей сагѣ Гуннбиорнъ, въ сопоставленіи съ другими второстепенными лицами саги, то есть основаніе предполагать, что дѣйствительно были саги о немъ, хотя они до насъ и не дошли. Тогда какъ о другихъ дѣйствующихъ лицахъ, кромѣ Финнбога, говорится лишь вскользь и въ связи съ событіями жизни нашего героя,—разказъ о Гуннбиорнѣ представляется какъ бы самостоятельнымъ выводомъ, лишь приближеннымъ къ циклу сказаній о Финнбогѣ.

²⁾ Порядокъ дѣтей Финнбога здѣсь нѣсколько перепутанъ: старшимъ дѣйствительно былъ Гуннбиорнъ, но вторымъ Ториръ, третьимъ Эйульфъ (гл. 34-я), за тѣмъ шли: Бергъ, Асбиорнъ и Торгейръ (гл. 36-я); объ рожденіи Торгрима въ сагѣ ничего не говорится. Отъ первой жены своей Финнбогъ имѣлъ еще двухъ сыновей—Альва и Гуннбиорна, убитыхъ Торвальдомъ (гл. 29-я).

³⁾ «Весьма возможно», замѣчаетъ Гернигъ стр. XXXV,—«что битва эта тождественна со сраженіемъ при *Kakalaholl*, описываемомъ въ 24-й главѣ *Ljosvet*»

и сильный. Всѣмъ сыновьямъ своимъ Финнбогъ устроилъ отличное положеніе, ибо онъ былъ богаче другихъ людей и лучшія сокровища имѣлъ; изъ самымъ нарядныхъ былъ онъ и по платью. Рафнъ-Малышъ оставался при Финнбогѣ до самой смерти своей, и также все былъ онъ проворенъ, зрячъ и прозорливъ.

Большимъ хозяиномъ былъ Финнбогъ; часто разсылалъ онъ людей по морю на рыбный ловъ; а ѣхать было такъ не далеко, что можно было рыбу прямо съ корабля на берегъ выкидывать.

Сталъ Финнбогъ въ лѣта входить, и былъ онъ старцемъ самымъ почтеннымъ; много народу поселилось въ сосѣдствѣ у него: до трехъ съ половиной десятковъ дворовъ выстроилось тамъ и всѣ то они были большіе и прекрасныя; очень много народу тамъ было ¹⁾. Сталъ Финнбогъ начальникомъ и правителемъ надъ всѣмъ этимъ людомъ и былъ онъ всѣми любимъ. Провалъ онъ дворъ свой, тамъ гдѣ жилъ, Финнбога стадомъ: то было большое и прекрасное жилище. Много церковей выстроилъ Финнбогъ въ подворьяхъ своемъ и призвалъ священниковъ; обходился онъ хорошо и съ честью со всѣми, кто обращался къ нему.

Ф. Баттонкенъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ninga saga» Предположеніе это очень вѣроятно, хотя въ числѣ сражающихся на сторонѣ Эйульва мы не нашли имени Торра. Но близкое отношеніе его къ Модрувелскимъ подтверждается другимъ мѣстомъ Ljosvetn. v. Именно, въ главѣ 28-й говорится, что когда Эйульвъ, Гудмундовъ сынъ, владѣлецъ Модрувеллира, собрался ѣхать въ Флатейярдалъ, онъ взялъ съ собою Торстейна Сильнаго и «Торрира, сына Финнбота Сильнаго, своего домодача (heimamadr)». См. Ljosvetning v. in Islenzkar fornögur heftaug. von Guðbr. Thorlaksson. 1879.

¹⁾ I vikini—въ сосѣдствѣ. Въ Исландіи существовалъ такъ-называемый обычай сосѣдства, по которому люди лично свободныя и независимыя, но не имѣвшіе земли, являлись къ какому-либо вѣщиточному владѣльцу, при чемъ получали отъ него право селиться и пользоваться землей за извѣстными обязательствами. Эти люди назывались gríðmenn—гріднями, челядниками, и не составляли собственно дружины, какъ въ Норвегіи, все-таки являлись союзниками и помощниками своего хозяина или начальника, хотя были ему лишь косвенно подчинены.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕОЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХІ.

1885.

ЮЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1885.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	1
Ө. И. Успенскій. Слѣды апокалиптическихъ книгъ въ Византіи	1
Ө. Д. Ватюшковъ. Сага о Финнбогѣ	63

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Н. П. Кондаковъ. Русскій лицевой Апокалипсисъ	110
А. И. Соболевскій. Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ Виленскомъ центральномъ архивѣ и Виленской публичной библиотекѣ. Вильно. 1884	142
Н. П. Д—въ. Прошлое Петербурга	145
Н. П. Барсовъ. По поводу рецензіи А. И. Соболевскаго на „Очерки русской исторической географіи“	162
— Наша учебная литература (разборъ 10 книгъ)	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: I. С.-Петербургскій историко-филологическій институтъ въ 1884—1885 году	1
II. Университетъ св. Владиміра въ 1884 году	11

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

И. Новосадскій. Къ вопросу о культѣ Изиды въ Греціи	337
Вл. Шкорниль. Фракийскій городъ Верія	339
И. Новосадскій. Критскія надписи	347
А. Пукаревъ. Вакханки. Трагедія Еврипида	352

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

И. А. Любимовъ. Декартъ. Разсужденіе о методѣ дабы хорошо направлять свой разумъ и отыскивать научныя истины	1

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 1-го іюля).

САГА О ФИННБОГѢ ¹⁾.

III.

Мы разобрали ту часть Финнбоговой саги, которая, какъ намъ кажется, составляетъ ея основу. По приложенному переводу главъ 23-й—39-й можно было видѣть характеръ изложенія: простой, отрывистый и съ весьма незначительною примѣсью баснословной окраски. Объясненіе поднявшейся бури тѣмъ, что Далла наколдовала; прозвище Торвальда оборотнемъ и нѣсколько преувеличенная сила и отвага Финнбога—вотъ все, что есть въ этихъ главахъ сказочнаго. Стремленіе къ правдивости сказывается во всякомъ эпизодѣ: „мы слышали“, „такъ передавали намъ“, „до насъ дошелъ слухъ“ являются обычными вступительными фразами. Тѣмъ не менѣе замѣтна нѣкоторая неровность изложенія: въ эпизодѣ съ Уксомъ есть недосказанности; разкандикъ точно колеблется: или память ему измѣняется, или онъ не могъ раззнать дѣло обстоятельнѣе. Принятіе христіанства является извнѣ привязаннымъ, такъ какъ Асбіорну, въ пору его введенія на островѣ, должно было быть уже за сто лѣтъ. Притомъ, тутъ же на похоронахъ устраиваются игрища (воспоминаніе языческихъ обрядовъ), но какъ-то странно: въ видѣ развлеченія въ то время, когда погребальная процессія остановилась передохнуть. Не смотря на все это, приведенныя главы вполне подходят по характеру къ тѣмъ древнѣйшимъ исландскимъ сагамъ, которыя принято называть историческими.

Рѣзко отличается отъ нихъ вся первая часть саги, главы 1-я—23-я, которая представляется въ общемъ какимъ-то богатырскимъ сказа-

¹⁾ *Окончаніе.* См. «евральскую книжку Журн. Мин. Нар. Просв. за текущій годъ».

ніемъ. Историческаго въ ней врядъ ли что есть, а отдѣльные эпизоды могутъ быть сближены то съ мифологическими преданіями (гл. 7-я), то съ разказами изъ другихъ сагъ (гл. 13-я), на что указывалъ ужъ Герингъ; иные просто присочинены. Разбирать каждый эпизодъ въ отдѣльности врядъ ли представило большой интересъ, но высказавъ предположеніе, что сага уже въ значительной степени сложилась въ устномъ преданіи, прежде чѣмъ дошла до рукъ записывателя, мы стараемся уловить схему, по которой паростали приращенія. Нѣкоторые эпические мотивы выступаютъ, какъ намъ кажется, довольно ясно; мы отмѣтимъ ихъ сперва въ этой части, прилагая всгдѣ затѣмъ и переводъ ея; потомъ укажемъ общіе мотивы и въ послѣдней части саги, гл. 39-я—43-я. Причина же, почему первичные разказы о Финнбогѣ, какъ объ историческомъ лицѣ, и его ссорахъ съ сосѣдями вышли изъ рамокъ мѣстныхъ преданій и толковъ на общественныхъ собраніяхъ и подверглись литературной разработкѣ, зависитъ, какъ намъ кажется, отъ того, что личность самаго Финнбога легко поддавалась обобщенію: поселяясь то тамъ, то здѣсь, нигдѣ долго не уживаясь, но вездѣ оставляя память о себѣ, какъ объ отважномъ и сильномъ противникѣ, онъ невольно становился предметомъ толковъ въ разныхъ частяхъ Исландіи, между тѣмъ какъ его кочеванія легко сбивали точность извѣстій объ его семьѣ, родныхъ, его генеалогію и время его жизни. Тогда какъ близкими къ дѣйствительности оставались лишь нѣкоторые разказы, послужившіе основой раньше разсмотрѣнныхъ нами главъ Финнбоговой саги, именемъ Финнбога овладѣвала народная фантазія, и пробѣлы его прошлой жизни стали восполняться болѣе или менѣе правдоподобными измышленіями. Наконецъ, интересовать стала не столько историческая личность Финнбога, сколько извѣстныя черты характера, качества, доблести, которыхъ онъ являлся олицетвореніемъ. Это тотъ интересный и трудно-уловимый моментъ въ историко-литературныхъ явленіяхъ, когда дѣйствительная личность перестаетъ быть историческою, въ фактическомъ смыслѣ слова, а обобщаясь въ идеальныхъ чертахъ, становится типомъ или народнымъ героемъ. Такимъ лицомъ является въ нашей сагѣ Финнбогъ, и потому мы назвали эту сагу героическою, въ отличіе отъ другаго рода сагъ—областныхъ, родовыхъ, историческихъ и т. п., гдѣ главное вниманіе сосредоточивается на воспоминаніи того или другаго событія, на исторіи области, генеалогіи и т. д.

Прежде всего Финнбогъ примкнулъ къ циклу сказаній объ Торгейрѣ, Льосветнингскомъ гѣдѣ, являющемся своего рода эпическимъ собра-

тельнымъ лицомъ въ старо-сѣверной литературѣ. Личность Торгейра— одинъ изъ самыхъ интересныхъ типовъ, выводимыхъ сагами, и потому можетъ быть не лишнимъ сказать о ней нѣсколько словъ. Въ 985 г. Торгейръ, гдѣ Льосветнингскій, одинъ изъ знатныхъ и вліятельныхъ жителей сѣверной Исландіи, былъ избранъ предсѣдателемъ (lögsögumadr) на общо-исландскомъ вѣчѣ (allthing) и пребывалъ въ этой должности шестнадцать лѣтъ. То было смутное время въ Исландіи: усиливающаяся партія родовитыхъ людей, замкнутая ограниченностью числа лицъ, допускаемыхъ въ гдѣ, получила рѣшающее значеніе на всѣ общественныя дѣла. Несправедливости, предвзятость рѣшеній, притѣсненія этой партіи вызвали всеобщее недовольство. Все болѣе и болѣе сознавалась непригодность законовъ Ульфлиотта, утвержденныхъ въ 930 г., и потребность преобразованій настойчиво сказывалась. Исландская община раздѣлилась на партіи, между которыми не рѣдко происходили довольно кровавыя столкновенія. Во главѣ реформаціонной партіи стоялъ Ньяль, и медленно готовился переворотъ, совершившійся въ 1004 г., по который принесъ желанные плоды только частью. Въ эту пору Торгейръ, пользовавшійся извѣстнымъ вліаніемъ благодаря занимаемому имъ посту, старался по возможности сдерживать враждующія стороны и мѣшать открытымъ столкновеніямъ. Но волненіе между умами возбуждалось еще другимъ вопросомъ—именно религіознымъ. Пренія миеологическія вѣрованія и преданія, которыми главнымъ образомъ поддерживалось республиканское устройство Исландіи, такъ какъ съ ними тѣсно была связана всякая общественная должность, въ значительной степени успѣли распататься. Христіанство дѣлало быстрые успѣхи на островѣ; но если часть жителей его принимала новую вѣру, другіе стали безразлично относиться къ вопросамъ религіи, третьи, въ силу реакціи, особенно упорно привязались къ древнимъ традиціямъ. Последняя партія приняла характеръ національнаго движенія въ соблюденіи вѣрности завѣтамъ старины. Между тѣмъ король Норвежскій, Олафъ Тригвассонъ, самъ недавно принявшій христіанство, посылалъ однихъ за другими миссіонеровъ, чтобы обратить островитянъ къ Христовой вѣрѣ. Последняя миссія, во главѣ которой были два исландскіе уроженцы—Гицуръ и Гьяльти, была встрѣчена на островѣ особенно недоброжелательно: на пути къ альтингу миссіонеры были остановлены толпой вооруженныхъ язычниковъ. Чтобы избѣжать кровопролитнаго столкновенія, рѣшились обратиться къ человѣку, всѣми уважаемому, могущественному и славному Торгейру; ему довѣрили обсудить вопросъ и

представить свое мнѣніе на общественномъ собраніи. Торгейръ почувствовалъ, что прежняя религія не можетъ бороться съ новымъ ученіемъ Христа, и будучи самъ язычникомъ, изъ сознанія важности общаго дѣла, желанія водворить спокойствіе и миръ на островѣ, предложилъ признать христіанство господствующею религіею въ Исландіи. Только выговорено было прежнимъ язычникамъ право исповѣдывать по желанію свою вѣру, запрещены всякія мѣры насильствія и преслѣдованія, а также сохранены нѣкоторые обычаи. Исландцы подчинились этому рѣшенію, и тѣмъ выказалось, какъ велико было вліяніе Торгейра. Мы не знаемъ его дальнѣйшей судьбы, но имя его перешло во многія саги, стало достояніемъ общественной молвы; и вездѣ изображается онъ одинаковыми чертами—кроткій, миролюбивый, справедливый, умиряющій раздоры и водворяющій порядокъ и доброе согласіе ¹⁾. Этотъ-то человекъ и данъ въ нашей сагѣ въ дяди и покровители Финнбогу, хотя родство ихъ *de facto* подвержено сильному сомнѣнію, а въ покровители его, какъ нами было указано, онъ уже потому не подходилъ, что былъ значительно моложе нашего героя; но Торгейръ здѣсь не историческое лицо, а лишь этическое, вокругъ котораго группировался циклъ сказаній.

Теперь обратимся къ рассмотрѣнію того, какъ складывались разказы о первоначальномъ дѣтствѣ и юности Финнбога. Мальчику еще до рожденія угрожаетъ гибель, и по приказанію его отца, разгнѣвашагося на его мать за непослушаніе, онъ долженъ быть выброшенъ на голодную смерть, едва появится на свѣтъ. Случайно спасенный, онъ долгое время живетъ въ загонѣ, на чужихъ рукахъ, но съ раннихъ поръ уже выказываетъ необычайную силу и доблесть. Вотъ является у него мощный покровитель, который принимаетъ большое участіе въ счастливо одаренномъ, но еще не признанномъ маленькомъ богатырѣ. За симъ герой растетъ не по днямъ, а по часамъ. Какъ бы посвященіе въ богатыри получаетъ онъ отъ Финнбога (старшаго); который, умирая, завѣщаетъ ему свое имя, оружіе и предсказываетъ громкую славу въ будущемъ. Теперь онъ уже признанъ отцомъ своимъ, но жажда подвиговъ и приключеній заставляеть его покинуть отеческій домъ и ѣхать въ дальнія страны: „Твоя поѣздка“, говоритъ юношѣ Торгейръ, — „напередъ опредѣлена судьбой“ (гл. 1—15).

¹⁾ Главный источникъ объ дѣятельности Торгейра—*Kristnisaga*, также *Njals-saga*; затѣмъ вошелъ онъ и во многія другія саги. Объ немъ см. у *K. Maurer*—*Die Bekehrung des Norwegischen Stammes dem Christenthum*; его же—*Island*; затѣмъ, *Klaehn*—*Island (Geschichte)* въ *Encycl. Ersch und Gruber* Bd. XXXI.

Этотъ мотивъ преслѣдованія героя невольно вызываетъ наближенія съ нѣмецкими сказаніями о Вольфъ-Дидрихъ и Гугъ-Дидрихъ. Въ нихъ тоже герой первоначально обреченъ на гибель, спасенъ случайно, живетъ въ неизвѣстности своего настоящаго происхожденія и выдается только лишь по необычайнымъ дарованіямъ своимъ. Торгейръ, Сирпа, Финнбогъ Старшій являются такими же покровителями и руководителями молодого героя, какъ Берхтунгъ, Птоломей, Гильдебрантъ въ нѣмецкихъ сказаніяхъ. Схема разказа до сихъ поръ представляетъ мало отличій.

Вотъ Финнбогъ отправился въ путь, въ погоню за громкими подвигами, и потерпѣвъ на пути кораблекрушеніе и много всякихъ бѣдствій, добирается до Галогаланды. Здѣсь совершаетъ онъ свой подвигъ съ медвѣдемъ, а затѣмъ является пѣскольно ступеневанный въ разказѣ эпизодъ съ Альфомъ. Намъ кажется, что объясненіе ему мы найдемъ въ дальнѣйшемъ развитіи разказа: герою надо жениться, но сватовство его должно быть сопряжено съ извѣстными препятствіями; ской и изворотливостью долженъ онъ взять себѣ въ жены красавицу, слава о которой далеко разошлась. Естественно, отецъ невѣсты долженъ стать къ нему во враждебныя отношенія. Можетъ быть, это мѣсто, не выясняющее намъ сначала причины, побудившей Финнбога ѣхать въ домъ Альфа, дошло до насъ въ неполномъ видѣ. Дѣйствительно, не зная, по видимому, раньше о существованіи дочери у послѣдняго, онъ сразу является къ нему въ домъ похищать красавицу. Тутъ есть недосказанность. Тѣмъ не менѣе основной мотивъ ясно обрисовывается при дальнѣйшемъ развитіи разказа: убивъ Альфа и хитростью похитивъ свою будущую жену, Финнбогъ является тайнымъ врагомъ Гакона, ярла, ближайшаго родственника его невѣсты, при дворѣ котораго онъ поселяется. Но Финнбогъ пренебрегаетъ опасностью; весело и открыто живетъ онъ съ толпой двѣнадцати нѣрныхъ служителей; множество подвиговъ совершаетъ онъ, и однимъ изъ нихъ между прочимъ является поѣздка въ Грикландію; наконецъ, поженившись на красавицѣ, руки которой онъ такъ добивался, благодаря чему и совершалъ свои подвиги, покрывъ имя свое славой, онъ возвращается въ Исландію (гл. 15-я—23-я).

Мотивъ добыванія невѣсты и похищенія ея, служащій основой этой второй части разказа, также весьма распространенный въ эпической литературѣ. Многія частности жизни Финнбога при дворѣ Гакона очень близко напоминаютъ извѣстные эпизоды изъ сказаній о королѣ Ротарѣ, сѣверн. *Didrekssaga*, объ Ортинтѣ и такъ далѣе.

Интересно и число спутниковъ Финнбога (гл. 16-я, 19-я, 20-я, 29-я). Оно является какъ-то извѣстнѣе прицѣпленнымъ; говорится просто: „никогда Финнбогъ не имѣлъ менѣе двѣнадцати спутниковъ“; но откуда взялись они, и почему именно двѣнадцать — это остается не выясненнымъ и невольно заставляетъ предполагать, что оно является отголоскомъ эпическихъ или мифологическихъ сказаній, въ которыхъ число 12 весьма обычно. Чтобы не идти далеко, укажемъ хоть на 12 азовъ, окружающихъ главу сѣвернаго Олимпа—Одина. Высадка Финнбога въ Грикландію, сперва никогдѣ, также напоминаетъ пребываніе Ротаря, подъ именемъ Дидриха, при дворѣ Византійскаго императора, съ Аспремономъ и его двѣнадцатью великанами. Но Ротарь домогается руки дочери императора Константина, между тѣмъ какъ невѣста Финнбога на далекомъ сѣверѣ, при дворѣ Гакона. Если видѣть въ конунгѣ Юнгѣ Византійскаго императора Иоанна Цинисію, какъ то дѣлаетъ Сумъ ¹⁾, то его отношеніе къ сватовству Финнбога все-таки лишь косвенное: Финнбогъ сватаетъ Рагнагильду у Гакона; Гаконъ, подвергнувъ его двумъ искусамъ, отсылаетъ на послѣдокъ къ Юну, у котораго служить его бывший дружишникъ Берсъ, задолжавшій ему; такимъ образомъ отъ успѣха въ выполненіи порученія у Юна зависитъ косвенно успѣхъ сватовства Финнбога. Все это очень натянуто, да и основной мотивъ не высказанъ явно: Финнбогъ проситъ только, чтобы Рагнагильду не выдавали замужъ, пока „будутъ доходить слухи, что онъ еще живъ“. Эту часть саги, главы съ 15-й по 23-й, мы назвали бы самою слабою и во всякомъ случаѣ позднѣе присочиненною: противъ сношеній скандинавовъ съ Константинополемъ въ X—XI вв. категорично высказался В. Г. Васильевскій. Но въ концѣ XIII и въ началѣ XIV в., время, къ которому

¹⁾ Верлауъ объясняетъ Грикландію не Греціей, а вообще страной, лежащею къ юго-востоку отъ Норвегіи, то-есть, Россіей; въ связи съ этимъ у него Юнгъ—русскій князь или начальникъ надъ дружиной, служившій при византійскомъ дворѣ (см. *Antiquités Russes d'après les monuments histor. des Islandais et des anciens Scandinaves*, изд. *Kaifu*). Но входимъ въ разборъ этой догадки, которая все-таки не объясняетъ эпизода поѣздки Финнбога и не можетъ служить доказательствомъ ея подлинности, какъ историческаго факта, ибо о какомъ русскомъ князѣ Юнгѣ идетъ рѣчь? Верлауъ отбрасываетъ толкованіе Сума главнымъ образомъ лишь на несоответствіи хронологическихъ данныхъ: Гаконъ, ярль, правилъ Гагогаландой съ 978 г. по 999, Иоаннъ же царствовалъ съ 969 г. по 976. Но выше мы указывали на еще большую спутанность хронологіи по отношенію къ самому Финнбогу и его ближайшимъ родственникамъ.

относится наша сага, эти отношенія уже установились. Весьма возможно, что они послужили поводомъ заставить и Финнбога совершить свою поѣзду, при чемъ имя Иона было вставлено для большей правдоподобности, такъ какъ Иоаннъ Цимискій тоже жилъ въ концѣ X в., какъ и Финнбогъ, Гаконъ, Торгейръ и другія лица саги. Два или три года несоотвѣтствія его царствованія съ правленіемъ ярла Гакона, не могли остановить записывателя или слагателя саги, не разъ уже погрѣшавшаго противъ хронологіи. Любопытно въ этомъ эпизодѣ требованіе конунга Иона, чтобы Финнбогъ принялъ христіанство. „Если вы пошлете на сѣверъ проповѣдниковъ христіанства“, отвѣчаетъ Финнбогъ, — „то немощіе раньше меня примутъ эту вѣру, и обещаюсь я способствовать ея распространенію“. Мы видѣли въ гл. 36-й, что Финнбогъ сдержалъ слово, но тамъ уже конунгъ Ионъ не упоминается больше, и не говорится, что проповѣдники христіанства были имъ присланы. Если исландцы въ дѣйствительности приняли христіанство отъ Римской церкви, то все-таки съ значительными отступленіями: священники вступали въ бракъ, богослужебныя книги были рано переведены на туземный языкъ и такъ далѣе. Въ своеобразномъ устройствѣ Исландской церкви видать отчасти вліяніе ирландскихъ миссіонеровъ, частью объясняется оно отдаленнымъ положеніемъ острова отъ Рима. Зависимость отъ послѣдняго во всякомъ случаѣ не могла быть сильна, когда мы видимъ, что въ XIII в. починъ къ обращенію островитанъ въ христіанство могъ приписываться конунгу Грикландіи.

Послѣ возвращенія Финнбога на родину начинается исторія его дѣятельности въ Исландіи, которую мы предпослали его сказочнымъ похожденіямъ. Сблизивъ схему, по которой слагается разказъ о дѣтствѣ и юности Финнбога, съ мотивами эпическихъ сказаній сѣверныхъ и западныхъ германцевъ, мы не входимъ въ разборъ вопроса, какія именно произведенія повліяли на сравнительно болѣе позднюю редакцію саги о Финнбогѣ. Единственный выводъ, который мы пока дѣлаемъ изъ этого сближенія,—тотъ, что было бы рискованно до вѣрится мѣстнымъ приуроченіямъ, къ которымъ примыкаетъ тотъ или другой эпизодъ саги. Finnbogakambur, Finnbogastoin, Almannakambur, Sleggjufall, даже Finnbogastadr могли получить свои наименованія вслѣдствіе сложившихся разказовъ, а не обусловили послѣдніе. Именно общность схемы говорить въ пользу первенства литературной разработки. Относительно замка Борга, по свидѣтельству Олавсена и

ный человекъ, — Но у насъ всего въ избыткѣ и нѣтъ недостатка въ добротѣ. Отвѣчалъ Асбиорнъ: „Я рѣшилъ еще тогда, когда ты отдала дочь вашу, Торни, на руки Скиду, норвежку, безъ моего позволенія, что не стану больше выкармливать дѣтей за тѣмъ, чтобы ты расхваливала ихъ вопреки моей воли. Если ты не воступишь такъ, какъ я тебя наказалъ, то не одобровать тебѣ, равно какъ и всѣмъ тѣмъ, которые ослушиваются, моего приказанія и не дѣлать такъ, какъ я велю“. Послѣ этого поѣхалъ Асбиорнъ на вѣче. Немного спустя родился Торгерда мальчикъ; то былъ большой, здоровый и красивый ребенокъ. Всѣ расхваливали его, кто только видѣлъ, и слуги, и служанки. Думалось и Торгердѣ, что ребенокъ выискалъ бы прелесть, и сильно полюбила бы она его, но все-таки приказала она увести его, такъ какъ знала нравъ своего мужа, что не доводитъ до добра идти на перекоръ его слову.

Призвала она людей, передала имъ ребенка и велѣла его увести, какъ было приказано. Люди вынесли ребенка за ограду дома и положили между двумя камнями, а сверху прикрыли большимъ гладкимъ осколкомъ скалы и, сунувъ въ ротъ мальчику кусокъ сала, отошли.

Глава 8-я.

Былъ мужъ, по имени Гестъ; онъ жилъ въ томъ мѣстѣ, что зовется „у Тонта“; жена его называлась Сирпой. Она востовала Торгерду много лѣтъ тому навадь, когда та была еще ребенкомъ. Торгерда очень любила Сирпу и вала ее съ собою въ Эйръ, когда была выдана за мужъ. Была Сирпа очень свѣдущая во всемъ томъ, что она должна была дѣлать; всякаго вѣтря безобразіе была она на видъ. Присматривался къ ней Асбиорнъ, и показалось ему, что она слишкомъ много работы наваливаетъ на Торгерду¹⁾; поэтому онъ отпустилъ Сирпу и выдалъ ее за Геста. Имѣла она скудное имущество, а раньше ничего иного не было, какъ то, что подарила ей Торгерда. Не много имѣлъ Гестъ; бабья власть заправляла имъ, такъ какъ былъ онъ бѣднякъ, никуда не пригодный человекъ.

¹⁾ Эта фраза характеризуетъ отношенія, бывшія между исландскими женами и прислужницами ихъ, гдѣ на долю хозяйки выпадало не меньше работы, чѣмъ служанкамъ ея, а въ данномъ случаѣ даже больше. Сирпа, вѣроятно, была рожденная въ домъ рыбака (fostra, fostrmenn, fostrir) и какъ таковая считалась почти членомъ семьи (ср. *Weinhold*, стр. 432 и слѣд.).

ильни и лет:
 иже тогда к
 иду, безъ г
 за гдѣ г
 не постыи
 иже какъ
 не дѣше
 и бѣе. ин
 и затори
 со видѣ
 и кинет
 иривни
 не дини
 и вѣтѣ
 огрѣ
 ин (сѣе
 иже г

Разказываютъ, что въ тотъ самый день когда Торгерда родила, Сирпа послала своего хояина добыть моху ¹⁾, такъ какъ онъ много дѣлалъ для своей кормилицы ²⁾ изъ того, что могло той понадобиться. Случилось въ тотъ день, что онъ побѣжалъ около ограды и луга; вотъ услышалъ онъ плачь ребенка. Гестъ принялся раскидывать камень за камнемъ, пока не отыскалъ ребенка; тогда онъ взял его и показался ему мальчикъ прекраснымъ; онъ кладетъ его къ себѣ въ полу и бѣжитъ домой къ Сирпѣ, какъ только можетъ скорѣе, не забывая уже о томъ, зачѣмъ былъ посланъ. Спросила его Сирпа, къ чему онъ идетъ такъ поспѣшно. Гестъ отвѣчалъ, что онъ нашелъ ребенка, только что рожденнаго: „Никогда не видалъ я столь прекраснаго“. Сирпа попросила показать ей его и, взглянувъ, подумала, что узнаеть, какого онъ роду. Затѣмъ попросила она Геста взять ихъ шубы и внести въ горницу. „Улигусь я, и пусть такъ будетъ, какъ будто мы имѣли этотъ ребенокъ“. Гестъ сказалъ, что этому никто не повѣритъ: „Этотъ мальчикъ гораздо пригожѣ на видѣ, чѣмъ было бы наше дитя“. Сирпа велѣла ему замолчать и не смѣть говорить иное, чѣмъ то, что она хочетъ. Затѣмъ послала она его въ Эйръ попросить Торгерду дать все то, что нужно ей было; Гестъ тотчасъ отправился.

Г л . 4-я Гестъ пришелъ въ Эйръ.

иже
 иже
 иже
 иже
 иже
 иже
 иже
 иже
 иже
 иже
 иже
 иже
 иже

Пришелъ Гестъ въ Эйръ и сказалъ Торгердѣ, что Сирпа, кормилица, ея, родила ребенка и, говоритъ: „Нѣту ни пищи, ни одежды“. Торгерда очень удивилась этому и подумала, что кормилица ея уже на столько престарѣла, что не должно бы ей дѣтей имѣть; не промолвила она объ этомъ ни слова, но приказала отослать все, что той нужно было.

¹⁾ *Linngrass*—особый родъ моху, употреблявшійся иъ пищу на ряду съ другими кореньями и считавшійся очень питательнымъ.

²⁾ Кормилицей, воспитательницей или опекуницей (*fostra*) Геста называеиъ здѣсь очевидно жена его, съ нѣкоторою насмѣшкой надъ неспособностью самого Геста заботиться о своемъ пропитаніи — «ибо бабья власть заправляла имъ». Бадняги, вообще, были въ большомъ презрѣніи у исландцевъ, такъ какъ считалось, что только неспособные, лишенные энергій и трудолюбія люди составляли классъ баднякъ. Но разореннымъ по какому-нибудь независящему отъ нихъ случаю—отъ пожаровъ, падежа скота и т. п., община оказывала всегда помощь и давала возможность снова стать на ноги. (См. *К. Маурера, Клена и Вейн-гольда*).

Сирна была крѣпкая, сильная женщина и не хотѣла, чтобы другія ей прислуживали; беретъ она отъ всякихъ дѣтскихъ платьевъ, какія были; а много лучше были они, чѣмъ какія ей надобились. Взяла она все, что взять можно было, и зажила скромно.

Разошлась молва о томъ, что ребенокъ Асбиорна и Торгерды былъ выкинутъ, и всѣмъ показалось это неслышаннымъ дѣломъ для такихъ богатыхъ и могущественныхъ людей; также и то, что Сирна родила, казалось не вѣроятнымъ людямъ, знавшимъ ея возрастъ.

Асбиорнъ воротился домой съ вѣча, и ему было передано обо всемъ случившемся; онъ пропустилъ это мимо (ушей), и доброе согласіе установилось между тѣми супругами.

Разказываютъ, что Гестъ и Сирна выкармливали дитя; такъ быстро росло оно, что едва глазамъ вѣрилось. Ребенокъ былъ такъ красивъ и пригожъ, что всѣ думали: не могъ онъ быть изъ рода Геста. Вотъ спросилъ Гестъ у Сирны: „А какъ долженъ ребенокъ этотъ назваться?“ Отвѣчала она, что справедливо ему именоваться Урдаркоттомъ ¹⁾, такъ какъ онъ былъ найденъ въ каменныхъ.

Со дня на день росъ мальчикъ. Сирна сдѣлала ему шерстяные, порты и гетту ²⁾. Онъ подвязывалъ ее къ портамъ, а въ рукахъ держалъ клюку и такъ бѣгалъ день деньской.

Былъ Урдаркоттъ большой помощи своимъ неступамъ во всемъ, въ чемъ только могъ: крѣпко полюбили они его. Когда ему было три зимы, то не меньше былъ онъ тѣхъ, которымъ седьмая зима шла. Урдаркоттъ часто бѣгалъ на морской берегъ, и рыбаки ласково съ

¹⁾ *Urdarkauttr*, дикая кошка. Такъ объясняетъ это прозвище Е. Мауреръ въ своей рецензіи на изданіе Г. Геринга (*Jenaer litter. Zeitschr.* 1879, № 10). Собственно *Urd* значить скалистое, каменистое мѣсто; *urdar-madr* — *aspreticola* i. e. *exul* (см. словарь Мёбуса).

²⁾ *Hetta*—шляпа, только не въ нашемъ смыслѣ слова. Вейнгольдъ сближаетъ *hetta* съ *kapi*—одеждой, покрывавшею все тѣло и имѣвшей известное приспособленіе для прикрытія головы въ видѣ капюшона (*hettr*), и какъ бы забрало для лица (*grima*). *Hetta* была только проще, чѣмъ *kapi*, и служила нижнимъ платьемъ; покровъ для головы составлялъ ее главную принадлежность. Концы гетты подвязывались между ногъ, къ портамъ. Такимъ образомъ *hetta* представляется въ родѣ большого башмака съ очень длинными и широкими концами. При неудобствѣ перевода этого слова шляпой, мы принуждены были удерживать исландскій терминъ. *Brekr* — порты (брюки?), покрывали только пространство отъ бедръ до коленъ; ниже *brekr* надвигались *hosa*—штаны, вѣрнее—гетры; наконецъ шла башмаки, *skofot*; ни тѣхъ, ни другихъ нашъ Урдаркоттъ не носилъ.

нимъ обращались и радовались ему; имѣлъ онъ всегда хорошее подспорье дома у воспитательницы своей; часто приходилъ онъ въ Эйръ, но тамъ былъ не любимъ изъ-за служанокъ Торгерды: ударилъ ли онъ ихъ, или палкой своей зацѣпилъ за ноги, только онѣ не долюбивали его и бранили; постоянно жаловались онѣ Торгердѣ, но она мало ихъ слушала, говорила, что ему нужна еще пиинка ея, Сирпа (то-есть, слишкомъ онъ малъ, чтобы съ него взыскать за шалости), и наказывала съ нимъ ласково обращаться. Никогда не попадался онъ на глаза Асбиорну, чтобы этотъ дозволилъ себѣ замѣтить его и относиться къ нему ни хорошо, ни худо. Но другіе всѣ удивлялись ему, если былъ онъ сыномъ этихъ Геста съ Сирпой: столь уродливы были они оба, онъ же рослъ, красивъ и силенъ. Часто просила Сирпа, чтобы не ходилъ Урдаркоттъ въ Эйръ: „Чуетъ мое сердце, что тамъ дождусь себѣ я какого-нибудь горя; но проку нѣтъ мнѣ запрещать тебѣ“. Урдаркоттъ говорилъ, что ничего такого не будетъ.

Проходитъ такъ время, пока не минуло ему шесть зимъ, и былъ онъ тогда не менѣе тѣхъ, которымъ было 12 зимъ и не слабѣе ихъ.

Гл. 5-я. Урдаркоттъ поймалъ рыбу.

Разказываютъ, что однажды Урдаркоттъ побѣждалъ, по обыкновению, на берегъ моря къ рыбакамъ. Много тамъ было собравшихся, а нѣкоторые отгреблись: ловъ былъ удачный, и они бросали рыбу съ корабля. Вотъ поймали они рыбу въ четыре локти большую и хорошую; они кинули ее на берегъ и сказали: „Дружище Урдаркоттъ, возьми и стащи эту рыбу“. Онъ спросилъ: „Хотите ли вы отдать мнѣ рыбу, если я протащу ее“? „Они сказали, что онъ вполне заслужить имѣтъ ее, если проявитъ такую ловкость, — и всѣ подтвердили это. Урдаркоттъ былъ въ тотъ день въ своихъ шерстяныхъ портахъ и кожахъ¹⁾, а на ногахъ не имѣлъ ничего: босмъ бѣгалъ онъ ежедневно; вокругъ себя онъ постоянно обматывалъ веревку (вмѣсто пояса?) и одѣвалъ свою гетту. Вбѣгаетъ онъ въ воду (у берега) и зацѣпляетъ за рыбу однимъ концомъ веревки, другой же (конецъ) онъ держитъ у себя на плечахъ; сильно понатужился онъ

¹⁾ *Skinnstakr*—*Pelz-jorpe* (*Möbius*), родъ мѣховой куртки, доходившей до бедеръ и безъ покрова для головы. *Stakr* былъ мѣховой (*skinnstakr*), изъ кожи морской собаки (*selskinnstakr*), или изъ шерстяной матеріи (*vöruvadarstakr*). См. *Веймольда*, стр. 170.

и то пойдетъ, то остановится; всё смотрятъ и смѣются надъ нимъ. Не такъ долго возился онъ съ этимъ, какъ слѣдовало бы ждать. Все лучше и лучше дѣло идетъ у него, пока онъ не вытянулъ добычу (на берегъ). Было тамъ круто, куда онъ выбрался; тогда подбѣжали рыбаки, отняли у него рыбу и не хотѣли продолжать споръ съ нимъ, но Урдаркотту это не полюбилось; отправился онъ и пожаловался сыновьямъ Бреттинга, прося ихъ помочь ему (въ горѣ). Тотчасъ же пошли они (вмѣстѣ) къ рыбакамъ и просили выпустить рыбу и продолжать споръ съ Урдаркоттомъ. Всё находили, что онъ и такъ молодцомъ справился, на удивленіе. Однако на томъ порѣшили, чтобъ Урдаркоттъ опять былъ допущенъ къ рыбѣ, и сильно онъ тому обрадовался. Снова принялся онъ за нее и притащилъ домой на лужайку, къ Сирпѣ, воспитательницѣ своей. Очень были они довольны. Разошлась молва объ мальчикѣ, и много рѣчей было объ сынѣ Геста и Сирны. Всѣ удивлялись тому, какъ могли они имѣть такого славнаго сына, какимъ казался этотъ молодецъ. Не мало имъ любовались и допытывались объ родѣ его; но Гестъ съ Сирной старательно оберегали его, какъ только могли лучше.

Гл. 6-я. Приглашеніе въ гости Торгейра.

Такъ разказываютъ, что была большая дружба между Асбіорномъ и Торгейромъ, гдомъ, и родственная пріязнь; они устраивали другъ другу пиршества и обмѣнивались хорошими подарками. Однажды осенью случилось такъ, что Асбіорнъ пригласилъ къ себѣ Торгейра, своего шурина, и онъ прибылъ со множествомъ людей; Асбіорнъ принялъ его очень радушно: пиръ былъ на славу. Урдаркоттъ не имѣлъ привычекъ своей являться въ Эйръ: каждый день прибѣгалъ онъ туда, а въ этотъ день угодилъ какъ разъ къ тому времени, когда они (то-есть, гости) сѣли за пиръ. Не удержать его ни тѣмъ, и принимается онъ бороться со служанками: онъ сопротивлялся ему и вчетверомъ напали на него; произошелъ большой шумъ. Урдаркоттъ втащилъ ихъ въ горницу, и тутъ пошла расправа. Забавлялись люди, глядя на свалку ихъ. Тѣмъ кончилось дѣло, что Урдаркоттъ повыгналъ ихъ всѣхъ и сильно прибилъ. Когда совершилъ онъ свой подвигъ, всталъ онъ на полъ въ одеждѣ своей: то были его козухъ и клюка, которую онъ постоянно въ рукахъ держалъ. Торгейръ овинулъ его долгимъ взглядомъ и затѣмъ сказалъ Асбіорну: „Кто этотъ мальчикъ, который пришелъ сюда?“ Отвѣчалъ

Асбиорнъ: „Кажется, это сынъ Геста и Сирпы изъ Топта“. Возговорилъ Торгейръ: „Это не вѣроятно и не можетъ быть“. Тогда подзываетъ онъ къ себѣ Урдаркотта; тотчасъ подошелъ онъ къ нему и усѣлся на палку, что торчала передъ нимъ.

Молвилъ Торгейръ: „Кто ты таковъ, мальчикъ въ кожухѣ?“ Отвѣчалъ тотъ: „Зовутъ меня Урдаркоттомъ, а сынъ я Геста и Сирпы, тѣхъ, что въ Топтѣ живутъ“. Спрашиваетъ Торгейръ: „Какого ты возраста мужъ, Урдаркоттъ?“ Сказалъ онъ, что ему 12 зимъ возраста. Молвилъ Торгейръ: „Рослый же ты мальчикъ, сильный и сложенъ такъ, какъ никто другой; не видывалъ я княжескаго сына, который могъ бы равняться съ тобою во всемъ“. Тутъ заговорилъ Асбиорнъ, хозяинъ: „Не сказалъ бы ты, любезный шуринъ, повидаль Геста и Сирпу, родителю его, что похожи они на книжокъ, такъ какъ никогда не видывалъ я такихъ свиней, какъ они оба. Удивительно, что ты тутъ толкуешь, будто ни съ кѣмъ не сравнится Урдаркоттъ: вижу я, потому приглянулся тебѣ онъ, что на видъ смазливъ“. Сильно осерчалъ Торгейръ и сказалъ: „Я думаю, что могу говорить здѣсь кое о чемъ, а по моему разсужденію, не тебѣ подобаешь указывать, о чемъ рѣчь вести“. Спросилъ Торгейръ Урдаркотта: „Не пойдешь ли ты за Гестомъ съ Сирпой? Скажи имъ, что я хочу видѣть ихъ“. Онъ отвѣчалъ, что не поидеть: „Знаю я, что ты хлопочешь о томъ, какъ бы дать мнѣ другаго отца и мать; за это не будутъ они (то-есть, теперешніе мои родители) тебѣ очень благодарны, да наконецъ и я не знаю, лучше ли будетъ для меня другихъ отца и мать имѣть, чѣмъ этихъ. Кажется, это было больше изъ вѣжливости сказано. Засимъ былъ посланъ человекъ за ними (то-есть, Гестомъ съ Сирпой), но они не хотѣли ѣхать. „Сбывается такъ“, говоритъ Сирпа,— „какъ давно уже чуялось мнѣ, что навлечетъ несчастье Урдаркоттъ тѣмъ, что каждый день бѣгаетъ туда, въ Эйръ; ужь когда-нибудь да случится, что онъ тамъ въ бѣду попадетъ“.

Передали Торгейру, что они не хотятъ ѣхать. „Сказалъ Торгейръ: „Сдѣлай по моей просьбѣ, чтобы они прибыли сюда, и я дамъ тебѣ все, что ты ни попросишь“. Отвѣчалъ Урдаркоттъ: „Не стану я дѣлать того, пока не общаешься ты, что не будетъ имъ отъ встрѣчи съ тобою ничего худаго, когда придутъ они“. Общавъ Торгейръ хорошо обоидтись съ ними. За симъ пошелъ Урдаркоттъ домой и попросилъ Гесту съ Сирпой ѣхать съ нимъ: „Общаюсь я вамъ, что пока я въ живыхъ, не будетъ у васъ недостатка въ добрѣ, если только давалъ я когда-либо лучшей совѣтъ, чѣмъ теперь“.

Сказала Сирпа: „Нечего тутъ перекоряться, пусть выйдетъ изъ этого наилучшее, хотя намъ и сдается противное; надо отправляться“. Когда прибыли они въ Эйръ, сѣли они передъ Торгейромъ на стулъ, а между ними помѣстился Урдаркоттъ. Тогда молвилъ Торгейръ: „Сдается мнѣ, Сирпа, что Урдаркоттъ не вашъ сынъ; теперь еще не поздно признаться: скажи же, какъ добыла ты его, и получишь отъ меня благодарность и милость, иначе плохо придется,—и это правда“. Отвѣчаетъ Сирпа: „Такъ странно случилось оно, что лучше всю правду сказать, и послѣ того, какъ что было“. За симъ повѣдали они о томъ, какъ дѣло было и внимательно слушали всѣ, которые тутъ были. Молвилъ Торгейръ: „Думаю я, что ты правду сказала“. Спросилъ онъ Торгерду: много ли времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ у нея ребенокъ родился? Сказала она, что тому уже двѣнадцать зимъ. Спрашиваетъ Торгейръ: приказала ли она выкинуть его? „Это правда“, отвѣчала она. „Почему ты это сдѣлала?“ Торгерда говоритъ, что не осмѣлилась она супротивъ гнѣва и суровости хозяина своего, Асбиорна: то было его приказаніе. „Сама я такъ крѣпко любила мальчика, что съ радостью выкормила бы его“. Молвилъ Торгейръ Асбиорну: „Станешь ли ты, деверь мой, отказывать этому мальчику—признать въ немъ сына своего, взять къ себѣ въ домъ и обходиться съ нимъ, какъ съ роднымъ чадомъ?“ Отвѣчалъ Асбиорнъ: „Того не вѣдаю я, кто онъ такой, но могу кормить его наравнѣ съ другими людьми, если это тебѣ нравится“. „Если поступишь ты съ нимъ не по отцовски и не будешь давать ему то, что онъ захочетъ, то на этомъ разойдется наша дружба, такъ какъ не могу я не видѣть, что скоро онъ превзойдетъ равно твоихъ друзей, какъ и моихъ. Сирпѣ съ мужемъ нужно дать восемьдесятъ-восемь головъ скота за то, что они выростили Урдаркотта; я заплачу половину и ты половину; пусть будетъ имъ затѣмъ всякая честь и благополучіе“. Отправились Гестъ съ Сирпой домой, и все обошлось благополучно: Урдаркоттъ теперь живетъ въ Эйрѣ; одѣтъ онъ заново, и спято съ него то, что раньше на немъ было; лучшее платье дано ему, и казалось, не видно было юности столь красиваго и всѣмъ пригожаго, какъ онъ. Всѣ находили, что Торгейръ вдоволь наградила тѣхъ (Геста съ Сирпой) почестью и дарами. Послѣ этого поѣхалъ Торгейръ домой вмѣстѣ съ спутниками своими; разстались родственники дружелюбно. Урдаркоттъ теперь дома въ Эйрѣ; Асбиорнъ съ нимъ мало бываетъ, но обходится хорошо; мать же его даетъ ему все, что бы тотъ ни пожелалъ, и это отъ большой любви. Пріучается онъ те-

перь ко всякимъ искусствамъ, какія только можетъ доблестный мужъ знать.

Такъ прошло немного времени съ того полугодія.

Глава 7-я.

Повѣствуютъ о томъ, что весной поѣхалъ Асбиорнъ на вѣче, по обыкновенію. Говорятъ, что со стадомъ ходилъ быкъ трехгодовалый и необыкновенной силы; съ трудомъ могли служанки донести молоко изъ-за него; ко всѣмъ былъ онъ свирѣпъ. Однажды утромъ съ крикомъ вбѣжали служанки и повѣдали, что быкъ опрокинулъ все молоко. „Стоишь ты тутъ, лѣнтяй Урдаркоттъ, а пѣту ни одного мужчины кромѣ тебя, хоть бы пособилъ немного“. Стали они его всячески бранить и понукать. Урдаркоттъ сказалъ: „Тѣмъ лучше, что быкъ вамъ бѣды натворилъ и не справится вамъ съ нимъ, потому что вы все поносите меня. Служанки подбѣжали къ нему и сказали: „Пойди, милый Урдаркоттъ, пособи намъ“. Хвалили они его всячески; тогда молвилъ онъ: „Гораздо лучше и приличнѣе просить меня, я теперь я отправлюсь, конечно“. Встаетъ онъ и идетъ туда, гдѣ стоялъ скотъ. Какъ только увидѣлъ его быкъ, бросился на него; а былъ онъ съ большими рогами и думалъ подкинуть его на нихъ; но Урдаркоттъ схватился обѣими руками за рога, и такъ упорно начали они бороться, что земля взрылась подъ ними. Такъ удачно дѣйствовалъ Урдаркоттъ, что пригнулъ быку голову, завернулъ ее за спину, и на двое переломилась шейная кость; затѣмъ отошелъ онъ; а служанки обступили быка. Асбиорнъ воротился домой, и ему было повѣдано объ этомъ; онъ мало на то обратилъ вниманія. Всѣмъ казалось, что это необычайное проявленіе силы для мужа двѣнадцати зимъ. Вѣсть объ этомъ расходилась отъ человѣка къ человѣку вдаль и вблизи ¹⁾.

Съ каждымъ днемъ становился Урдаркоттъ молчаливѣе; мало на что смотрѣлъ онъ; носился онъ со своею работою денно и ночью.

¹⁾ Въ прозаической Эддѣ, въ главѣ „*Thorr dregt Midgardsorminn*“ разсказывается, какъ богъ Торъ, отправившись вмѣстѣ съ великаномъ Имвромъ на рыбный ловъ, достаетъ себя приманку на удочку, сорвавъ голову близъ стоящему быку такимъ же способомъ, какъ то сдѣлалъ двѣнадцатилѣтній Урдаркоттъ (См. *Apalaesta norrœna, von Th. Möbius*). Герингъ предполагаетъ, что этотъ мифъ повліялъ на данный эпизодъ нашей саги.

Асбиорнъ началъ къ нему лучше и лучше относиться, по мѣрѣ того какъ видѣлъ, что онъ видѣляется надъ другими людьми.

Проходитъ полугодіе, и всѣ поживаютъ спокойно.

Глава 8-я.

Какъ-то осенью, повадился Урдаркоттъ выходить каждыи вечеръ, когда стемнѣтъ, и не раньше возвращался, какъ когда уже давно наступала ночь. Не вѣдали люди, что онъ дѣлаетъ. Разъ воротился онъ, когда Асбиорнъ уже легъ въ постель, и вся челядь его улеглась. Подошелъ Урдаркоттъ къ постели и спросилъ: „Спать ли отецъ мой?“ Отвѣчалъ тотъ, что нѣтъ: „Но что тебѣ нужно?“ Урдаркоттъ сказалъ: „Вотъ семь вечеровъ, какъ я выходилъ изъ дому, и всякій разъ видѣлъ одно и то же зрѣлище: не знаю я, что это такое. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы ты вышелъ и разглядѣлъ это, такъ какъ мужъ ты опытный“. Асбиорнъ всталъ и вышелъ съ нимъ. Молвилъ Урдаркоттъ: „Вижу я какой-то свѣтъ на морѣ, такъ далеко, какъ только могу я видѣть. Сдается мнѣ, что это во всякомъ случаѣ огни. Что скажешь ты на это?“ Говоритъ Асбиорнъ: „Что это можетъ быть“. „Я не знаю“, говоритъ Урдаркоттъ, — „такъ какъ я молодъ и мало понять могу, но слыхалъ я отъ людей, что тѣ, кому плохо приходится на морѣ, зажигаютъ призывные огни, и видно ихъ издалека. Съ перваго вечера слѣдовало бы разглядѣть это и пособить въ несчастіи“. Асбиорнъ говоритъ, что очень возможно было такому случиться: „Но какъ думаешь ты подѣхать туда?“ Отвѣчалъ онъ: „Хочу я, чтобы ты далъ мнѣ свою лодку и людей; я поѣду раззнать, что тамъ такое“. Асбиорнъ сказалъ, что пусть будетъ такъ. Урдаркоттъ тотчасъ же сталъ снаряжаться; принесъ онъ въ лодку все то, что, казалось ему, должно наиболѣе пригодиться; трое слугъ поѣхало, а онъ былъ четвертымъ. Отгребли они отъ Скяльфанта, а Урдаркоттъ рулемъ правилъ. Когда они прогребли нѣкоторое время, Урдаркоттъ сказалъ: „Теперь за вами очередь править, а я на весла сяду: посмотримъ, какъ-то мы поѣдемъ“. Такъ и было сдѣлано: одинъ всталъ на корму, а Урдаркоттъ взялся за весла. Тогда замѣтили они (сотоварищи), что лодка у него гораздо скорѣе идетъ, чѣмъ у нихъ у троиухъ: гребъ онъ долго и много проѣхалъ. Тогда сказалъ Урдаркоттъ: „Теперь погребите вы, а я буду править“. Такъ и сдѣлали: принялись они грести, а Урдаркоттъ править“. Когда они еще немного прогребли, вскочилъ одинъ изъ нихъ и ска-

заль: „Коли трудимся мы такъ усердно, что цѣлую ночь гребемъ, то много намъ достанется на обратный путь (а приходится возвращаться), такъ какъ сдастся мнѣ, мы видимъ предъ собою лишь мертваго кита“. Урдаркоттъ сказалъ, что онъ не думаетъ, чтобы то былъ китъ: „Не слѣдъ намъ переставать грести“. Когда приблизились они, то разглядѣли, что то было купеческое судно, глубоко погрузившееся въ воду. Причалили они къ кормѣ и втащили цѣпь на бортъ; затѣмъ вошли они на корабль. Видятъ они, что былъ разведенъ прививный огонь, и много дерева сожжено. Казалось, можно было догадаться, что тяжелымъ пришелся имъ (то-есть, незнакомцамъ) прѣвдъ. Урдаркоттъ взялъ за голову одного человѣка и увидѣлъ, что онъ былъ мертвъ: всѣ люди на кораблѣ оказались мертвыми. Урдаркоттъ прошелъ по всему судну и на палубѣ увидѣлъ раскинутъ шелковый шатеръ, а въ шатрѣ стоитъ хорошо убранныя постель. Подходить къ ней Урдаркоттъ и находитъ человѣка, который лежалъ въ постели: узнаетъ онъ, что мужъ этотъ живъ еще. Тогда спрашиваетъ онъ: „Живъ ли ты, добрый человѣкъ?“ Тотъ отвѣчалъ, что это правда. Молвилъ Урдаркоттъ: „Какъ зовутъ тебя, и откуда вы? Кажется намъ, вы съ моря прибыли, хотя и неблагополучно вамъ путь обошелся“. Сказалъ мужъ: „Зовутъ меня Финнбогомъ, а Вардомъ отца моего; норвежець онъ по рожденію. Но кто этотъ мужъ, который насъ разыскалъ“. „Называюсь я Урдаркоттомъ“. „Странное это имя“, сказалъ Финнбогъ. Тогда Урдаркоттъ спросилъ: „Остался ли на кораблѣ кто-нибудь въ живыхъ, кромѣ тебя?“ „Было девять человѣкъ въ живыхъ, когда я пошелъ спать“, отвѣчалъ онъ. Урдаркоттъ освѣдомился, отъ чего больше они потерпѣли? Говоритъ Финнбогъ, что прежде всего пришлось имъ потерпѣть отъ бури, а затѣмъ и отъ жажды, и отъ голода. „Много лишеній выпало намъ на пути: сломался руль, и корабль наполнился водой съ килевой стороны“. Урдаркоттъ приказалъ вынести съ корабля людей, которые были еще въ живыхъ: ихъ было столько, сколько сказалъ Финнбогъ. Не было недостатка ни въ молокѣ, ни въ другомъ чемъ, чтобы возвратить ихъ къ жизни, такъ какъ Урдаркоттъ напередъ предвидѣлъ, что понадобится имъ. Вотъ сказалъ онъ: „Теперь, Финнбогъ, ты долженъ дать мнѣ ключи, чтобы я досталъ лучшія сокровища, какія тутъ есть“. Такъ и слѣдано было: Урдаркоттъ захоптался такъ, что бѣгалъ взадъ и впередъ по кораблю; онъ выбиралъ то, что казалось ему цѣннѣе и относилъ въ лодку—сколько могла она вмѣстить. Когда все было готово, они отгрѣбли и ровно держа-

лись одного направленія, пока не прибыли домой, въ Эйръ. Вышелъ на встрѣчу имъ Асбјорнъ и ласково привѣтствовалъ; видитъ онъ, что повѣзка прошла не даромъ; онъ приказалъ оказать имъ всякую помощь и перенести во дворъ. Финнбогъ поѣхалъ въ Эйръ и еще два человѣка съ нимъ. Урдаркоттъ просиживалъ дни и ночи, ухаживая за нимъ. Говорятъ, что всѣ люди, которые были на кораблѣ, умерли, кромѣ одного Финнбога; онъ выздоровѣлъ и былъ мужъ славный, рослый и сильный; имѣлъ онъ прекрасное оружіе — мечъ, щитъ, шлемъ и панцирь. Онъ былъ кормчимъ и завладѣлъ всѣмъ имуществомъ послѣ корабельщиковъ. Пробылъ онъ здѣсь зиму въ хорошемъ почетѣ. Урдаркоттъ во всемъ его слушался; они продали товары около Флатейрдала и къ сѣверу отъ Кннна.

Проходить зима, и ничего новаго не произошло за это полугодіе.

Глава 9-я.

Былъ мужъ по имени Рафнъ; онъ былъ человѣкъ еще молодой, родственникъ Асбјорну и изъ домочадцевъ его. Рафнъ былъ очень проворенъ и никогда на лошадь не садился, куда бы ни отправлялся. Разказываютъ, что Финнбогъ съ Урдаркоттомъ собрались весной уѣхать изъ дому: рѣшили они отправиться вмѣстѣ къ сѣверу, около Даля; ѣхали они оба, а Рафнъ-малышъ бѣжалъ впереди. Къ вечеру прибыли они въ Лъозаватнъ: Торгейръ принялъ ихъ съ распростертыми объятіями¹⁾ и просилъ оставаться у него, сколько имъ пожелается. Много бесѣдовали они между собою и были очень довольны и веселы, Торгейръ намелъ, что Финнбогъ былъ мужъ прекрасный, ꙗко всему пригодный.

На слѣдующій день справились они довольно поздно; Торгейръ поѣхалъ съ ними вверхъ по Дьюпѣ; къ вечеру прибыли всѣ, и съ Финнбогомъ, въ Фелль. Тамъ жилъ тогда Драумафиннъ, сынъ Торгейра; умный былъ онъ человѣкъ и свѣдущій. Онъ не былъ единокровнымъ братомъ другаго сына Торгейра, а по матери считался фиппомъ: Лейкни было имя матери его. Драумафиннъ принялъ ихъ очень радушно. Вели они разумную бесѣду объ разныхъ вещахъ. На утро попросилъ Финнбогъ выѣхать пораньше: „Пробудемъ мы у васъ дольше, когда будемъ возвращаться, такъ какъ ты очень

¹⁾ *Yid badum höndum* — обѣими руками.

миѣ понравился, финнъ мудрый". „Не велики были теперь на васъ издержки, а еще того менѣе будутъ, когда поѣдете обратно" ¹⁾). Затѣмъ выѣхали они изъ Фелля; когда они проѣхали немного, Финнбогъ сказалъ: „Миѣ сильно неможется". Взглянулъ на него Урдаркоттъ и сказалъ: „Сойдемъ съ коней, потому что—вижу я—ты очень блѣднешь; быть можетъ, оно пройдетъ тогда". Такъ и было сдѣлано: пустили лошадей пастись. Спустя нѣкоторое время Финнбогъ предложилъ ѣхать, говоря, что ему полегчало. Выѣхали они у холма и подѣхали къ большому камню; тогда сказалъ Финнбогъ: „Расположимся здѣсь; можетъ быть, тутъ произойдетъ нѣкоторое событіе въ нашей поѣздкѣ". Сошли съ лошадей и раскинули подъ камнемъ шатеръ. Урдаркоттъ сѣлъ и на колѣни себѣ положилъ голову Финнбога; тогда сказалъ онъ (то-есть, Финнбогъ): „Кажется, одной участи обречены были всѣ наши товарищи: ни кому изъ насъ въ живыхъ не воротиться въ Норвегію; но ты, Урдаркоттъ, хорошо обошелся со мною и всѣми нашими; стануть объ этомъ люди разказывать въ моей землѣ, что счастье благоприятствовало тебѣ въ этой встрѣчѣ. Изъ того, что я не въ состояніи отблагодарить тебя, отъ этого ничуть не должно умалить то, чтѣ есть. Вотъ оружіе, которое далъ миѣ отецъ мой: я увѣренъ, что ты не найдешь лучшаго, когда бы объѣхалъ всю Норвегію и смежныя съ нею земли. Хочу я подарить тебѣ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ сокровища, которыя ты нашелъ на кораблѣ: это все, чтѣ я имѣлъ, и чѣмъ по праву завладѣлъ послѣ смерти корабельщиковъ. Также хочу я передать тебѣ и свое имя, и хотъ я и не вѣщунъ, но предвижу, что будетъ имя твое славно, пока на свѣтѣ живутъ люди. Для меня и для друзей моихъ нѣтъ больше чести, какъ то, чтобы перенялъ имя мое такой славный мужъ, какимъ, я долженъ думать, ты станешь, такъ какъ не долго миѣ думать осталось". Урдаркоттъ горячо поблагодарилъ его за этотъ подарокъ; не долго посидѣлъ онъ надъ нимъ, какъ тотъ уже и умеръ.—Финнбогъ (то-есть, бывший Урдаркоттъ) послалъ Рафна въ Фелль: прибылъ финнъ и похоронили они тѣло подъ камнемъ, который съ той поры и сталъ именоваться

¹⁾ Можетъ быть, въ этой фразѣ, которую слѣдуетъ приписать Драумфинну, кроется своего рода предсказаніе смерти Финнбога, который дѣйствительно уже не возвращается болѣе на обратномъ пути къ гостепріимному хозяину; вслѣдствіе сего „надержки" послѣдняго на приемъ гостей должны были уменьшиться. Финнамъ вообще приписывалась, по повѣрію скандинавовъ, большая мудрость и даръ предвидѣнія, иногда прямо называются они чародѣями и кудесниками.

камнемъ-Финнбога. Затѣмъ поѣхали они домой въ Фелль. Финнъ сказалъ, что сбылось все по его предчувствію: „Видѣлъ я, что хотя человѣкъ этотъ былъ и прекраснымъ и изученъя полнаго, но уже на исходѣ дней своихъ“. Финнбогъ пробылъ съ другомъ своимъ финномъ нѣсколько ночей, затѣмъ поѣхали они въ Льозаватнъ и рассказали Торгейру, другу своему, о случившемся, и какую честь принялъ Финнбогъ (Урдаркоттъ). Торгейръ очень порадовался этому; онъ сказалъ, что давно предсказывалъ ему, что онъ выдвинется надъ другими людьми. Посиживаютъ себѣ друзья вполне довольные и веселые; Торгейръ за одно отказалъ Финнбогу и свое имущество, какое у него было. Затѣмъ поѣхали они всѣ вмѣстѣ въ Эйръ.

Стала тогда расходиться вѣсть отъ одного человѣка къ другому, какой выдающійся надъ другими людьми Финнбогъ. Асбиорнъ и Торгерда нашли удобный случай распространить о томъ, какъ благоприятствуетъ ему счастье во всемъ, что касается почести и отличій.

Поѣхалъ Торгейръ домой, а Финнбогъ остался дома, въ Эйръ, съ родителями своими, въ большой холѣ.

Глава 10-я.

Въ это же лѣто прибѣжалъ съ моря корабль; на немъ былъ кормчимъ Бардъ, норвежскій уроженецъ. Корабль этотъ присталъ у Кваррарейя ¹⁾; Бардъ, кормчій, отправился въ Льозаватнъ и тутъ свидѣлся съ Торгейромъ, гѣдомъ.

Тѣмъ временемъ правилъ Норвегіей Гаконъ, ярлъ; могущество его и власть были чрезвычайны.

Бардъ провелъ зиму у Торгейра; тутъ же постоянно находился и Финнбогъ, такъ какъ дружба его съ Торгейромъ была очень тѣсная. Весной Финнбогъ сказалъ Торгейру, другу своему, что онъ хочетъ уѣхать на лѣто вмѣстѣ съ Бардомъ, кормчимъ. Возговорилъ Торгейръ: „Хотя насъ очень радуетъ пребываніе твое, другъ мой, но бесполезно было бы отговаривать тебя, такъ какъ поѣздка твоя напередъ опредѣлена (судьбой). Кажется мнѣ, твои друзья много наговорили тебѣ о злобѣ людей и вѣроломствѣ, но ты вездѣ останешься прекраснѣйшимъ человѣкомъ, куда бы ни случилось тебѣ придти“. Затѣмъ поѣхали они въ Эйръ, рассказали дѣло Асбиорну;

¹⁾ *A Kvarrarei, у острова Кварра.*

молвилъ онъ: „Было бы гораздо желательнѣе, чтобы Финнбогъ оставался дома съ нами; но такъ какъ ему хочется рѣшить отъѣздъ, то не пойду я ему наперекоръ“. Они устроили Финнбогу путь вѣстѣ съ Бардомъ, кормчимъ; сталъ онъ кормчимъ надъ половиной корабля. Когда все было готово, поѣхали Асбјорнъ и Торгейръ къ кораблю, который отведенъ былъ Финнбогу; взялъ онъ съ собою немного добра. Родичи разстались очень дружелюбно, затѣмъ поднять былъ якорь, и корабль поплылъ въ море.

Когда они проплавали нѣсколько дней, попутный вѣтеръ стихъ; корабль сбился съ пути, и не извѣстно было, куда онъ плыветъ. Наступала осень, и море становилось грознымъ. Вдругъ погнало ихъ съ моря на берегъ: день тогда уже былъ на склонѣ, и ничего нельзя было разглядѣть, кромѣ скалъ и огромныхъ волнъ, съ шумомъ бьющихся о нихъ. Такъ какъ вѣтеръ въ прибрежьи дулъ очень сильно, то онъ погналъ корабль (на скалы) и разбилъ его въ дребезги. Всѣ люди погибли, только Финнбогу удалось выбраться на берегъ, съ оружіемъ своимъ и кожаной сумой. То былъ лишь небольшой мысокъ, и ничего вокругъ не увидѣлъ Финнбогъ, кромѣ скалъ и холмовъ. Прошелъ онъ немного вдоль утеса до того мѣста, гдѣ, казалось, онъ расщеплялся: тамъ сверху сбѣгалъ ручей. Финнбогъ попытался тутъ взобраться на утесъ, и этого достигъ онъ по своей ловкости. Было совсѣмъ темно отъ ночи и вдоволь морозило, и вѣтеръ дулъ: все платье обмерзло на Финнбогъ; сильный снѣгъ валилъ. Закипулъ онъ себя за плечи котомку и пошелъ (въ глубь страны).

Когда онъ отошелъ немного, то почувалъ запахъ дыма, а немного спустя онъ подошелъ къ жилию: то былъ большой и прекрасный дворъ. Финнбогъ сложилъ съ себя котомку и подошелъ къ двери; слышитъ онъ, внутри не мало народу: сидятъ они у огня. Онъ постучался въ дверь; мужъ (хозяинъ) заговорилъ и попросилъ, чтобы одинъ изъ молодыхъ пошелъ къ дверямъ. Они отвѣчали, что нечего вниманія обращать на это, такъ какъ такой стукъ каждую ночь бываетъ. Финнбогъ вторично постучался и на этотъ разъ гораздо слышнѣе. Мужъ попросилъ отворить дверь, но молодые отвѣчали, что не сдѣлаютъ этого, такъ какъ печистый каждую ночь стучится. Финнбогъ въ третій разъ постучался и такъ сильно, что всѣ вздрогнули. Хозяинъ вскочилъ и сказалъ, что видно ужъ очень они перадивы, что не хотятъ къ воротамъ пойти; люди отвѣчали, что вѣрно тамъ кто-нибудь, который гораздо лучше бы дѣлалъ, еслибы сидѣлъ дома въ такую непогоду, какая теперь. Тогда бондъ взялъ самъ то-

поръ въ руки и пошелъ къ дверямъ. Онъ поклонился гостю и освѣдомился объ имени его. Отвѣчалъ тотъ: „Зовутъ меня Финнбогомъ, а сынъ я Асбиорна и по роду мужъ исландскій“. Говоритъ бондъ: „Давно ли прибылъ ты въ эту страну?“ „Вечеромъ прибылъ я сюда“, сказалъ Финнбогъ. „Должно быть доступъ тебѣ былъ не легокъ!“ Финнбогъ разказалъ, что корабль разбился, и все погбло — люди и добро: „Одинъ я добрался до земли. Но куда это загнало насъ?“ Бондъ сказалъ: „Вы пристали къ Норвегін, болѣе къ сѣверу, у Галогаланды, а дворъ этотъ, въ который ты пришелъ, именуется Гренмо“. Тогда Финнбогъ освѣдомился, какъ зовутъ самого бонда. „Называюсь я Вардомъ“, отвѣчалъ тотъ. „Не ты ли правитель Галогаланды?“ Онъ сказалъ, что это правда. Тогда спросилъ бондъ: „Какого возраста ты мужъ, Финнбогъ?“ „Мнѣ теперь пятнадцать зимъ“. Молвилъ бондъ: „Никогда не видывалъ я такого мужа шестнадцати зимъ. По росту и по наружности судя, ты долженъ быть очень отважнымъ человѣкомъ. Но развѣ отецъ твой исландецъ?“ „Нѣтъ“, сказалъ Финнбогъ, — „онъ родомъ отсюда изъ Галогаланды“. „Не сынъ ли ты Асбиорна Гунибиорнова сына, Деттиасса?“ „Такъ и есть“. Заговорили объ волкѣ, а онъ ужь и тутъ, сказалъ бондъ ¹⁾. „Предлагаю теперь взойдти и здѣсь провести ночь“. Такъ и сдѣлалъ Финнбогъ. Снято было съ него оружіе и платье, и дали ему сухую одежду. Весь людъ очень былъ радъ ему.

Раннимъ утромъ Вардъ уже былъ на ногахъ и разбудилъ Финнбога: „Можетъ быть, что-нибудь изъ имущества вашего пригнало (къ берегу)“. Финнбогъ всталъ, и пошли они къ морю; случилось такъ, какъ говорилъ Вардъ, и большинство добра ихъ пригнало на землю. Вардъ приказалъ все снести къ себѣ домой и беречь, какъ свое: не мало тутъ было добра. Вардъ просилъ Финнбога оставаться у него столько, сколько ему пожелается. Провелъ онъ тамъ зиму: обходились съ нимъ хорошо, и не имѣлъ онъ заботъ. Вардъ былъ къ нему очень привѣтливъ; много тамъ было народу и жилось весело. Финнбогъ имѣлъ хорошей достатокъ и ни въ чемъ не нуждался; такъ какъ онъ былъ кормчимъ, то завладѣлъ всѣмъ имуществомъ послѣ своихъ корабельщиковъ, по обычаю того времени.

¹⁾ *Thadan er mer ulfs van er ek eyrn seg*—Оттуда и волка мнѣ ждать, какъ я заговорю объ немъ. Въ англійскомъ языкѣ существуетъ подобная поговорка: When you speak from a wolf he schows you his teeh.

Гл. 11-я Финнбогъ переломилъ спину медвѣдя.

Тюю зимой въ Галогалаудѣ случилось происшествіе, такое, что могло нерѣдко случаться: появился медвѣдь и сталъ разорять скотину жителей; ни въ какомъ мѣстѣ не причинялъ онъ столько убыли, какъ въ Грешмо. Случилось такъ, что Бардъ созвалъ вѣче; онъ объявилъ медвѣдя подъ судомъ, и назначилъ цѣну за его голову ¹⁾. Послѣ этого люди постоянно охотились за нимъ; сильно былъ онъ не любимъ и становился съ каждымъ днемъ все злѣе: людей убивалъ наравнѣ со скотиной.

Разказываютъ, что Бардъ имѣлъ помѣстья, и далеко было разстояніе между дворомъ его и помѣстьями; тамъ-то предложилъ онъ домогаться назначенной награды, тою зимой. Ему оно было тѣмъ убыточнѣе, что медвѣдь постоянно лежалъ (находился) тамъ. Всѣ остерегались идти за наградой; хотя случаевъ тому представлялось не мало.

Однажды вечеромъ сказалъ Бардъ людямъ своимъ, чтобы они готовились идти на медвѣдя: каждый съ оружіемъ по своимъ силамъ. „Такъ какъ утромъ мы пойдемъ на медвѣдя“. Добыли себѣ, кто топоръ, кто копье, и все, по возможности, было приготовлено для боя. Рано утромъ люди были на ногахъ, и каждый молодецъ со своимъ оружіемъ.

Теперь надо объ Финнбогѣ сказать. Еще раньше, съ вечера, когда всѣ спали, всталъ онъ и взялъ свое оружіе; идетъ онъ по слѣдамъ, которые ведутъ его къ берлогѣ. Такова была отвага его, что шелъ онъ, пятаясь, и держался слѣдовъ, пока не достигъ берлоги. Видитъ онъ, лежитъ тамъ медвѣдь, снявъ подъ себя барана, и высасываетъ его кровь. Тогда возговорилъ Финнбогъ: „Подымайся-ка ты, медвѣдина, и выходи со мной побороться; это лучше будетъ, чѣмъ лежать на этомъ барашкѣ“. Медвѣдь подпался, посмотрѣлъ на него и улегся наземь. Возговорилъ Финнбогъ: „Если тебѣ кажется, что я

¹⁾ Интересное указаніе на древнія повѣрія, по которымъ животнымъ приписывались человѣческія свойства, при чемъ онъ признавались такими же ответственными существами, какъ и люди. Ниже мы увидимъ, что Финнбогъ, вступая въ бой съ медвѣдемъ, ведетъ съ нимъ раньше бесѣду, а о медвѣдѣ Гакона, ярла, прямо говорится, что онъ понималъ людскую рѣчь. Изъ всѣхъ животныхъ медвѣдь пользовался наибольшею популярностью на сѣверѣ, и разказы о немъ до сихъ поръ держатся въ народѣ (ср. *Jon Arnsson—Islenzker tyots og afutyril*).

слишкомъ вооруженъ, то можно этому горю пособить". Спалъ онъ съ себя шлемъ, отбросилъ щитъ и сказалъ: „Вставай же теперь, если осмѣливаешься“. Медвѣдь усѣлся и покачалъ головой; затѣмъ онъ опять улегся. Тогда сказалъ Финнбогъ: „Вижу я, что ты хочешь, чтобы мы оба были при равномъ оружїи“. Отбросилъ онъ отъ себя мечъ и сказалъ: „Пусть будетъ такъ, какъ ты хочешь; вставай только, если сердце у тебя, какъ и слѣдуетъ ждать, лучше (отважнѣе), чѣмъ въ этомъ звѣрькѣ, что изъ самыхъ трусливыхъ“. Поднялся медвѣдь; дыбомъ взъерошилась на немъ шерсть, и громко заревѣлъ онъ; бросился онъ на Финнбога и занесъ уже лапу, чтобы ударить его, но пока замалхивался онъ для этого, Финнбогъ ударилъ его снизу. Упорно боролись они, и вся земля подъ ними взрылась. Жаркій былъ бой, а тѣмъ кончился, что Финнбогъ повалилъ медвѣдя навзничъ и передомилъ ему спину; посадилъ онъ его по прежнему, затѣмъ взялъ оружїе свое и пошелъ домой. Очень усталъ онъ послѣ этого, легъ въ постель и сдѣлалъ видъ, какъ будто онъ все спалъ. Немного позднѣе поднялся Бардъ и снарядился въ путь, какъ выше было сказано. Освѣдомился онъ, желаетъ ли Финнбогъ идти съ ними? Тотъ отвѣчалъ, что очень охотно. Затѣмъ отправились они и пришли къ берлогу. Видятъ они, что медвѣдь лежитъ тамъ, а подъ нивомъ у него барашекъ. Тогда Бардъ предложилъ спутникамъ своимъ домогаться награды и напасть на медвѣдя. Никто изъ нихъ не рѣшался даже близко подойти. Возговорилъ Бардъ: „Не знаю я, чѣмъ это такъ страшенъ медвѣдь, такъ какъ, сдастся мнѣ, онъ даже и не шевелится. Такъ какъ я объявилъ его виновнымъ, то справедливо, чтобы я первый и пошелъ на него. Послѣ этого, Бардъ отважно кинулся впередъ; вдругъ видятъ онъ, что медвѣдь-то мертвый. Тогда всѣ стали тѣсниться во кругъ, и давка была не малая (собственно: не было недостатка въ приступѣ). Видитъ Бардъ, что кто-то поранилъ медвѣдя; всмотрѣлся онъ и нашелъ у него спину переломанною. Возговорилъ Бардъ: „Неслыханная это отвага и смѣлый подвигъ; ни одинъ галголандецъ такого не совершалъ. Должно быть это ты сдѣлалъ, Финнбогъ?“ Финнбогъ подтвердилъ и просилъ считать правдой, когда бы онъ пожелалъ. „Ни я, ни другіе не стану въ этомъ сомнѣваться“, сказалъ Бардъ.— „Но какимъ образомъ совершилъ ты это?—“ Это все равно, сказалъ Финнбогъ, — „ни ты, ни сынъ твой такъ не поступать“. „Правда, что не легко достать людей на такое дѣло“, сказалъ Бардъ. „Теперь я удерживаю награду, какъ будто самъ совершилъ подвигъ“. Послѣ этого содрали они шкуру съ медвѣдя и поѣхали домой.

Время идетъ, и ничего новаго не произошло. Бардъ со дня на день все ласковѣе становился къ Финнбогу. Когда наступила весна, стали въ Галогаландѣ снаряжаться для плаванія по морю, какъ къ сѣверу, такъ и къ югу. Финнбогъ принялъ за обыкновеніе отправляться на гору каждый день послѣ обѣда; оттуда наблюдалъ онъ за приготовленіями къ отплытію: казалось, большое удовольствіе доставляло ему смотрѣть на красивые корабли въ разныхъ видахъ.

Гл. 12-я. Финнбогъ встрѣтилъ Альфа.

Случилось однажды, что Финнбогъ шелъ съ горы; онъ увидѣлъ что какой-то человекъ гребетъ съ юга на большой лодкѣ; былъ этотъ мужъ высокаго роста и суроваго вида; на немъ былъ падѣтъ красный плащъ и широкій серебрянный поясъ обхватывалъ его станъ; волосы его, густые и прекрасные, лежали въ беспорядкѣ, спадая ниже плечъ. Онъ гребъ такъ сильно, что, казалось, лодка летѣла подъ нимъ. Финнбогъ окликнулъ его; тогда онъ подѣхалъ ближе. Финнбогъ спросилъ: какъ его зовутъ? Тотъ пересталъ грести и отвѣтилъ, что зовутъ его Альфомъ, а прозванъ онъ „косматый“. „Откуда ты?“ спросилъ Финнбогъ. Альфъ отвѣчалъ, что онъ правитъ островомъ, по имени Сандей, и находится въ свойствѣ съ ярломъ, на племянницѣ котораго Ингиборгъ онъ женатъ: „Не стану я больше слова по морю тратить, такъ что я даже не успалъ въ замѣнъ, кто таковъ этотъ мужъ, который такъ любопытствуетъ“. Финнбогъ назвалъ себя по имени и отчеству. Возговорилъ Альфъ: „Не ты ли убилъ медвѣдя лѣсовъ галогаландцевъ?“ „Это, правда“ отвѣтилъ Финнбогъ. „Какъ сдѣлалъ ты это?“ спросилъ Альфъ. „Это все равно“, отвѣтилъ Финнбогъ, — „такъ какъ ты не станешь такъ убивать“. „Какой Асбиорнъ твой отецъ?“ „Сынъ Гуниборна, родомъ норвежецъ“. „Онъ былъ прозванъ Деттасомъ?“ „Это правда!“ „Тогда не удивительно, что ты вышелъ столь отважнымъ. Но сколько тебѣ зимъ отъ роду?“ „Миѣ семнадцать зимъ“. „Будь тебѣ другіе семнадцать зимъ (въ придачу), ты не былъ бы больше и сильяѣе, чѣмъ теперь“. „Не тебѣ судить о томъ, какимъ я тогда буду, такъ какъ ты умрешь ранѣе того времени. Но куда ты ѣдешь?“

Альфъ сказалъ, что ему нужно на сѣверъ, у Морка, ѣхать за получвою. Финнбогъ спросилъ: „Зачѣмъ ты ѣдешь совершенно одинъ?“ „Миѣ не нужно большаго количества людей для этого“. „Скоро воротиться ты съ сѣвера?“ „Черезъ полмѣсяца, а можетъ быть, и того ранѣе“.

„Не возьмешь ли ты меня съ собою, когда поѣдешь съ сѣвера обратно“.
 „Сдается мнѣ, что ты могъ бы хорошо прогрести и самъ по себѣ; я тебя захвачу когда пройду съ сѣвера. Но зачѣмъ тебѣ нужно на югъ?“ „Мнѣ нужно повидать Гакона, ярла, для того я и выѣхалъ изъ Исландіи“. „Тебѣ предстоитъ почетный путь. Долженъ ты быть большимъ искусникомъ, къ тому пригоденъ родъ твой (чему способствуетъ твое происхожденіе); на этотъ разъ мы расстаемся“.

Альфъ пожелалъ Финнбогу благополучія и такъ каждый другому.

Поѣхалъ Альфъ на сѣверъ, а Финнбогъ воротился домой и сказалъ Барду объ ихъ уговорѣ—что онъ собирается на югъ съ Альфомъ.

Бардъ сказалъ: „Зналъ бы я это заранѣе, то отсовѣтовалъ бы; боюсь я, чтобы не вышло чего худаго, такъ какъ Альфъ ненадежный человекъ и полный вѣроломства; большая поддержка ему та, что своякъ онъ—ярлу и изъ дружишниковъ его; поэтому принуждены люди переносить его великую злобу“. Финнбогъ сказалъ, что, конечно, это очень важно (быть въ родствѣ съ ярломъ). „Позаботься, Бардъ, о моемъ имуществѣ и наблюдай за нимъ такъ, какъ хочешь“.

Время идетъ, и такъ до срока—Альфу быть съ сѣвера.

Гл. 13-я. Смерть Альфа Косматаго.

Въ тотъ день, въ который назначилъ Альфъ, что воротится онъ съ сѣвера, Финнбогъ сталъ снаряжаться изъ Гренмо. Взялъ онъ съ собою котомку свою и тѣ припасы, что, казалось, ему всего нужнѣе.

Но долго прождали они (Финнбогъ съ Бардомъ), какъ Альфъ уже гребъ съ сѣвера, и лодка его стала очень на виду. Альфъ вѣрно сдержалъ свое слово и причалилъ тамъ (къ берегу) кормой. Они поздоровались, какъ слѣдуетъ; затѣмъ Финнбогъ вошелъ въ лодку; показалось Альфу, что она очень погрузилась (въ воду), и сказалъ онъ: „Вижу я по твоей котомкѣ, что не въ серебрѣ (деньгахъ) нуждаешься будешь ты, для благополучія, когда прибудешь къ Гакону, ярлу“. Послѣ этого дружески разошелся Финнбогъ съ Бардомъ и поѣхалъ онъ съ Альфомъ къ югу, куда путь лежалъ. Когда Альфъ немного прогрелъ, онъ предложилъ Финнбогу взяться за весла: такъ и сдѣлалъ онъ, а Альфъ сталъ на корму и правилъ. Финнбогъ гребъ такъ (сильно), что Альфу казалось, что лодка стояла спокойно, когда онъ (раньше) самъ гребъ. Много бесѣдовали они между собою. Финнбогъ спросилъ: „А будемъ ли мы дома, въ Сандей, къ вечеру?“ Альфъ

отвѣчалъ: „На срединѣ пути лежитъ островъ. Туда прибываю я обыкновенно къ ночи, когда ѣзжу съ сѣвера, а домой поспѣваю я на другое утро къ ранней закускѣ“¹⁾. Спросилъ Финнбогъ: „Какъ скоро тебѣ ѣхать на югъ, за получкою?“ — „Пробуду я нѣкоторое время дома“, отвѣтилъ Альфъ. Вотъ подъѣхали они къ острову: тамъ была большая пещера отъ свалившихся (папавинихъ) обломковъ скаль. Альфъ сказалъ: „Сбережемъ себѣ труда по возможности и не станемъ лодки вытаскивать; ступай ты на носъ, а я пойду на корму: такъ мы введемъ лодку въ пещеру“. Такъ они и сдѣлали и наладили хорошо. Затѣмъ подѣлились они работой промежъ себя: Финнбогъ разводилъ огонь, а Альфъ воду таскалъ. У Финнбога тихо шло дѣло, и дерево плохо разгоралось; усердно занялся онъ костромъ и съ силой раздувалъ его; вдругъ слышитъ онъ за собою свистъ (летающаго орудія); быстро перескочилъ онъ по ту сторону костра; то подкрался къ нему Альфъ, думалъ онъ живо совладать съ Финнбогомъ. Вскочилъ тотъ и обхватилъ Альфа: дюжий молодецъ былъ онъ по силѣ; долго боролись они; огонь тогда разгорѣлся и освѣщалъ всю пещеру. Финнбогъ внутри ея разглядѣлъ какой-то камень, былъ онъ сверху заостренъ какъ яйцо. Вотъ захотѣлъ Альфъ подобраться къ нему; Финнбогъ этому не противился, а когда они подошли къ камню, Финнбогъ перескочилъ его и съ силою прижалъ Альфа: переломилъ ему спину объ камень. Такъ Альфъ покончилъ тутъ жизнь безславно, какъ того и заслуживалъ²⁾.

¹⁾ *Til tagverðardrykkju*—утренняя ѣда и питье. Исландцы трапезовали всего два раза въ день — утромъ (въ христіанскую пору послѣ обѣда) и вечеромъ, какъ только замигались огни. Сутки же раздѣлялись на 8 частей, по три часа каждая: 1) съ 4¹/₂ — 7¹/₂ часовъ, время перваго завтрака, 2) съ 7¹/₂ — 10¹/₂ — *ðndverðar dagr*, 3) съ 10¹/₂—1¹/₂, *middegi*, 4) 1¹/₂—4¹/₂ *efritur dag*, 5) 4¹/₂—7¹/₂ *quöld* 6) 7¹/₂—10¹/₂—*ðndverðnott* 7) 10¹/₂—1¹/₂ *midnotti*, 8) 1¹/₂—4¹/₂—*þriðjungr lifr noctti*.

²⁾ Убіеніе Альфа Финнбогомъ очень напоминаетъ эпизодъ съ Оуундомъ (Opundr) изъ *Hallfredarsaga*. Герингъ считаетъ заимствование возможнымъ. Для сравненія приведемъ вкратцѣ содержаніе послѣдней (см. изд. *T. Möbius—Fornþingur, Hallfr. s., cap. 6, стр. 99—101*). Гальередъ, скальдъ короля Олава, похвалъ къ яру Сигвальду, которому онъ посвятилъ похвальное стихотвореніе. На обратномъ пути, къ нему напрашивается въ спутники нѣкто *Audgisl*, недавно прибывшій изъ Англіи. Похвали они виѣсть, а когда выѣхали изъ владѣній Сигвальда, то повстрѣчались съ Оуундомъ, который тоже присоодинился къ нимъ. Подѣлываютъ они къ постоянному двору; молвилъ Гальередъ: «Раздѣлимъ между собою работу: ты, Оуундъ, руби дрова, такъ какъ у тебя топоръ есть; пусть *Audgisl* равно-

Гл. 14-я. Финнбогъ прибылъ къ ярлу.

Послѣ этого Финнбогъ расположился и проспалъ ночь въ полномъ спокойствіи. На утро была ему забота вытащить лодку; беретъ онъ оружіе свое — затѣмъ направляетъ лодку къ югу, какъ только могъ быстрѣе. Не приостанавливался онъ, пока не прибылъ къ Сандею рано утромъ. Когда онъ прибылъ туда, въ Сандей, вышли къ нему на встрѣчу люди, такъ какъ узнали лодку и думали, что то пріѣхалъ Альфъ. Финнбогъ пошелъ къ нимъ на встрѣчу. Поздоровались они и спросили: какія извѣстія? Отвѣчалъ онъ, что ему нечего сообщать. „Гдѣ Ингибюрга?“ спросилъ Финнбогъ. Они сказали, что она въ терему. Финнбогъ попросилъ провести его туда. Когда онъ явился къ Ингибюргѣ, она привѣтствовала его и спросила: кто онъ такой? Финнбогъ назвалъ себя по имени и отчеству. Ингибюрга спросила: не онъ ли убилъ медвѣдя въ Галогаландѣ? „Это правда“, сказалъ Финнбогъ. „Какъ поступилъ ты, чтобы справиться съ нимъ?“ спросила она. „Это тебѣ все равно, отвѣчалъ Финнбогъ,—такъ какъ твой сынъ не станетъ такъ убивать (охотиться)“. Молвила Ингибюрга: „Не Асбюръ ли Деттасъ твой отецъ?“ Финнбогъ сказалъ, что это правда. Такъ заговорила она: „Не удивительно, что ты такой доблестный мужъ; но съ кѣмъ пріѣхалъ ты съ сѣвера?“ „Ѣхалъ я съ сѣвера вмѣстѣ съ Альфомъ, твоимъ хозяиномъ“. — „А гдѣ вы разстались?“ „Къ сѣверу отсюда, на томъ островѣ, къ которому онъ обыкновенно пристаетъ,

дѣтъ огонь, а я за водой пойду». Онундъ замѣтилъ, что пристойнѣе всего дрова рубить на дворѣ; ибо могутъ они и другимъ пригодиться, съ чѣмъ всѣ согласились. Аудгизль предпочелъ за водой идти, а Гальереду предоставилъ огонь разводить. У послѣдняго дѣло плохо подвигалось, и онъ занялся усиленно своею работою, сбросивъ съ себя даже плащъ, а ножъ висѣвшій на немъ, откинулъ удобствъ ради назадъ. Вотъ вернулся съ ношей дровъ Онундъ; тотчасъ же напалъ онъ на Гальереда, но не удачно, ибо ударъ топора осѣкся объ ножъ Гальереда, висѣвшій у него за спиной. Гальерעדъ обхватилъ Онунда за ноги и сталъ молиться: «Христосъ праведный (собственно — бѣлый: hvíta), помоги мнѣ, если только ты поместишь такъ могучь, какъ говорить о тебѣ король Олафъ; не дай этому человѣку одержать верхъ надо мною». Справившись съ Онундомъ, «съ Божьяго благословенія и на счастье короля Олафа», Гальерעדъ спросилъ его: «Убилъ ты Аудгизля?» «Это правда», отвѣчалъ Онундъ. Гальерעדъ однако не тотчасъ лишилъ его жизни, а провараулилъ всю ночь, пока утромъ не убѣдился, что Аудгизль действительно убитъ Онундомъ изъ корыстныхъ цѣлей, и что на него самого онъ покушался изъ таковыхъ же побужденій. Тогда Гальерעדъ зарѣзалъ Онунда и обо всемъ случившемся сложилъ пѣсню.

когда проѣзжаетъ мимо. Альфъ отказался плыть сюда и хотѣлъ прямо проѣхать на свиданіе съ Гакономъ, ярломъ. Онъ послалъ меня за своею дочерью Рагнагильдой; и вотъ доказательство: просилась она туда часто, но никогда не удавалось ей это, а теперь говоритъ онъ, пусть она поѣдетъ". „Знаю я, что это правда“, сказала Ингибюрга, — „по странному мнѣ кажется, что онъ послалъ совершенно незнакомаго человѣка для такого порученія. Теперь надо тебѣ вынить и поѣсть, а потомъ узнаешь ты объ этомъ дѣлѣ“. Финнбогъ такъ и сдѣлалъ, а Ингибюрга пошла поговорить съ дочерью и спросила ее: хочетъ ли она ѣхать съ этимъ человѣкомъ? Она изъявила согласіе. Тогда Ингибюрга снарядила свою дочь, какъ можно лучше; дала ей серебра и золота и всякихъ драгоценностей, какія у пей были; когда все было готово, Ингибюрга проводила ихъ до лодки. Подхватилъ Финнбогъ Рагнагильду къ себѣ на руки и перенесъ ее на лодку. Тогда сказала Ингибюрга: „Кажется, Финнбогъ, ты подѣхалъ обманомъ и ложью: въ такомъ случаѣ остерегайся обидѣть дѣвушку, въ чемъ бы то ни было. Если же ты поступишь дурно, или худое замыслишь, то будешь за то платиться всю жизнь, до смерти“. Финнбогъ отчалилъ; тогда сказала Рагнагильда: „По какому случаю говоришь ты, Финнбогъ, разстался съ тобою мой отецъ?“ „Такъ разстались мы“, отвѣчалъ онъ, „что отецъ твой умеръ“. „Нечего мнѣ больше и спрашивать“, воскликнула Рагнагильда. — „Отвези меня обратно на мой островъ, будь столь милостивъ“. Но Финнбогъ отвѣчалъ: „Я тебя увезу для того, чтобы ты со мной ѣхала“. Дѣвушка принялась плакать. Финнбогъ сказалъ ей: „Будь весела (утѣшься), такъ какъ я тебѣ не учиню ничего худаго; будетъ, по возможности, мое поведеніе иное“. Затѣмъ они подѣхали къ острову, и Финнбогъ нагрузилъ лодку добромъ, о которомъ было сказано выше; теперь дѣвушка повеселѣла. Затѣмъ, когда все было готово, Финнбогъ опять сталъ грести къ югу. Какъ только прибыли они къ пристани, Финнбогу не было недостатка въ людяхъ для того, что ему нужно было; раздастъ онъ сокровища обѣими руками; не прерывалъ онъ путь свой, пока не прибылъ въ Гладеръ, гдѣ правилъ ярлъ. Входитъ во дворъ Финнбогъ вмѣстѣ съ Рагнагильдой и идетъ къ терему племянницъ ярла, Ульфгильды и Ингибюрги. Тамъ приняла Рагнагильду съ распростертыми объятіями; онѣ спросили: кто этотъ мужъ который выдается надъ другими людьми? Финнбогъ сказалъ о себѣ. „Большое же довѣріе оказалъ тебѣ Альфъ тѣмъ, что передалъ тебѣ на руки свою дочь; должно быть ты хорошій человѣкъ“. Финн-

богъ отвѣчалъ: „Такъ обходился я съ дѣвушкой, какъ онъ довѣрился мнѣ“ (то-есть, я постарался оправдать его довѣріе въ обращеніи съ Ингвйборгой). Послѣ этого онъ пожелалъ имъ всякаго благополучія, и онѣ тѣмъ же отвѣтили ему.

Финнбогъ напаялъ себѣ подворье и перенесъ туда все, что имѣлъ; много людей держалъ онъ при себѣ.

Гл. 15-я. О Финнбогѣ.

Однажды предсталъ Финнбогъ передъ ярломъ и по добру поздоровался съ нимъ; ярлъ принялъ поклонъ его и спросилъ: Кто этотъ мужъ, столь рослый и прекрасный? „Финнбогомъ называюсь я“, отвѣчалъ онъ,— „а сынъ я Асбйорна Деттиаса, котораго многіе знаютъ здѣсь въ Норвегіи; по матери же я исландецъ и Торгеёръ, Льосветнингскій гѣдъ, мнѣ доводится дядей“. Сказалъ ярлъ: „У тебя славный родъ; известна мнѣ родня твоя; не всякій въ состояніи равняться съ нею. Ты зиму пробылъ въ Галогаландѣ?“ „Это правда“, сказалъ Финнбогъ. „Ты убилъ медвѣдя?“ Финнбогъ сказалъ, что это подлинно вѣрно. „Какимъ образомъ совладалъ ты съ нимъ безъ оружія?“ спросилъ ярлъ. „Нѣтъ проку вамъ знать это и не придется вамъ такъ убивать другаго медвѣдя“. Возговорилъ ярлъ: „Съ кѣмъ ѣхалъ ты съ сѣвера?“ Ѣхалъ я съ сѣвера виѣстѣ съ Альфомъ-Косматымъ, шуриномъ вашимъ“. „Гдѣ вы разстались?“ „Онъ остался на одномъ островѣ“. „Зачѣмъ онъ остался тамъ?“ „Я убилъ его“, отвѣтилъ Финнбогъ.

Ярлъ побагровѣлъ, какъ кровь, и сказалъ: „Неужели ты смерти не боишься, что послѣ такого поступка осмѣлился явиться ко мнѣ? Развѣ не знаешь ты, что не было мнѣ на свѣтѣ челоуѣка милѣе, чѣмъ Альфъ, шуринокъ мой и дружинникъ“ (*). „Я его убилъ потому“, сказалъ Финнбогъ,— „что мнѣ поводъ тому былъ достаточный, такъ какъ онъ самъ хотѣлъ извести меня. А знаю я также и то, что не-

*) *Hirdmadr*—дружинникъ. Такъ именовались тѣ члены дружины, которые стояли всего ближе къ вождю и пользовались наибольшимъ почетомъ. За *hirdmenn* шли *gestir* и наконецъ *huskarlar*; послѣдніе часто бывали временно-наемными союзниками, которые набирались передъ походомъ. Чтобы получить званіе *hirdmadr*, нужно было сперва прослужить нѣкоторое время въ дружинѣ и заслужить довѣріе и уваженіе вождя. Мы увидимъ, что Финнбогъ, даже послѣ того какъ онъ снискалъ расположеніе ярла и проявилъ свое мужество во многихъ искусахъ, не сразу становится его *hirdmadr*омъ, а лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (см. гл. 17-я).

бывало худшаго злодѣя около насъ, въ Норвегіи, чѣмъ какимъ былъ Альфъ. Къ вамъ же на свиданіе поѣхалъ я потому, что хотѣлъ предложить себя на службу вамъ въ сопутники на мѣсто Альфа. Только злодѣйствъ, которыхъ онъ не преминавалъ совершать, не стану я дѣлать; но ко служенію и доблестной защитѣ я гожусь не хуже большинства вашихъ людей“.

Возговорилъ Гаконъ, ярль: „Скажутъ всѣ, что у меня самаго злодѣйскія руки, если ты уйдешь отъ меня живымъ и невредимымъ. По сему признаываемъ мы строго наказать тебя, — хотя бы ты и мало провинился, или даже совсѣмъ пѣтъ. Пусть называли вѣкоторые Альфа порочнымъ и дурнымъ человѣкомъ, но знай ты, что никто въ свѣтѣ не приходился мнѣ больше по мысли, чѣмъ онъ, и не былъ мнѣ всѣмъ милѣ“.

Финнбогъ сказалъ: „Не долженъ я скрыть отъ васъ то, что я еще въ добавокъ сдѣлалъ: я увезъ изъ Сапдейя Рагнагильду, дочь Альфа, родственницу вашу; прибыла она сюда подъ вашу власть“.

Воскликнулъ ярль: „Не видывалъ я, да и не слыхивалъ (доселѣ) объ такомъ плутѣ, какъ ты! Или ты просто безумецъ, или гораздо больше ума въ тебѣ, чѣмъ мы полагали. Было бы теперь слишкомъ благодушно такъ скоро казнить тебя: побережемъ себѣ забаву и удовольствіе въ малыхъ дѣлахъ попытать тебя“. Послѣ этого отправился Финнбогъ ко двору своему; принялся онъ пить и весело проводилъ время со своими людьми.

Гл. 16-я. Смерть Синяго человѣка ¹⁾.

Настало время, что ярль созвалъ вѣче. Приказалъ онъ вынести сѣдалище посредию поляны, затѣмъ призвалъ Финнбога передъ собой. Когда онъ пришелъ туда, то ярль сказалъ: „Вотъ молодецъ, Финнбогъ, съ которымъ ты долженъ побороться. Не долженъ ты щадить его, такъ какъ и онъ тебя не пожалѣетъ“. Увидѣлъ Финнбогъ, что за стуломъ ярла стоитъ какой-то Синій-человѣкъ, и подумалъ, что никогда не видывалъ онъ такового. За симъ принялись они бороться, и было состязаніе упорно и ожесточенно. Пришлось Финн-

¹⁾ *Bla-madr*—синій человѣкъ, (вѣопъ?). Страна, гдѣ жили эти люди именовалась *Blaland hit mikla*. Синіе люди являлись существами надѣленными необычайною силой и сверхъестественными свойствами. Упоминаніе о нихъ встрѣчается во многихъ сагахъ—*Hrðmundars, kjalnesingas. etc.*

богу убѣдиться въ томъ, что Синій-человѣкъ силачезъ былъ не малымъ. Лежалъ на полянѣ камень очень большой: объ этотъ-то камень хотѣлъ Синій-человѣкъ ушибить Финнбога; тотъ далъ себѣ приволочь, а когда они подошли, онъ отскочилъ и завернулъ Синему-человѣку въ тылъ: придавилъ ему Финнбогъ спину о камень и переломилъ ее на двое. Тогда возговорилъ ярль: „Знай Финнбогъ, что ты становишься опаснымъ для моихъ людей“. Отвѣчалъ Финнбогъ: „Думаю я, господине, что многіе назвали бы (скорѣе) этого—чертомъ, нежели человекомъ“. Ярль приказалъ Финнбогу уйдти: „Не смѣй ты мнѣ на глаза показываться раньше, чѣмъ я пришло за тобой“. Ушелъ Финнбогъ; онъ велъ себя хорошо и благородно; никогда не имѣлъ онъ около себя менѣе двѣнадцати человекъ; не было ни одного человекъ въ дружинѣ ярля, который не получилъ бы отъ Финнбога подарка, отъ чего слава быль (онъ) далеко и почитася. Большое богатство находилось въ рукахъ у него; это было то, что привезъ съ собою Альфъ, когда ѣхалъ съ сѣвера: сказали ярлу, что было оно очень велико и еще больше, чѣмъ обыкновенно бываетъ.

Ярль повидалъ Рагнагильду, родственницу свою, и ласково привѣтствовалъ ее. Она сказала, что Финнбогъ обошелся съ нею хорошо и съ большимъ достоинствомъ. Обѣ родственницы ярля и Рагнагильда просили для Финнбога мира и милости; говорили онѣ, что хотя онъ поступилъ дурно, но къ тому обстоятельства вынудили его. Ярль былъ въ сильномъ гнѣвѣ и не соглашался въ угоду Финнбога повѣрить, что онъ былъ принужденъ совершить дурное дѣло.

Прошло нѣсколько недѣль съ того времени, о которомъ мы рѣчь вели.

Гл. 17-я. Убіеніе медвѣдя.

Однажды призвалъ къ себѣ ярль Финнбога, и когда тотъ пришелъ къ нему, сказалъ: „Нечего тебѣ больше людей моихъ портить въ угоду мнѣ. Теперь попытайся-ко ты въ плаваньи съ моею животною ¹⁾. Не стану я скрывать отъ тебя, что угрѣнъ въ томъ, что звѣрь этотъ долженъ убить тебя. Если же случится маловѣроятное, что ты осилишь звѣря, то придется думать объ тебѣ больше, чѣмъ объ остальныхъ людяхъ“. Показалось это (подобный искусъ) всѣмъ вѣрною гибелью, и жалѣли Финнбога равно слуги

¹⁾ *Alidyr*—ручной звѣрь (въ данномъ случаѣ медвѣдь).

и служанки. Медвѣдь былъ рослый и сильный, понималъ онъ людскую рѣчь. Ярль пошелъ къ морю со всѣми дружинниками своими. Вотъ сталъ Финнбогъ готовиться къ плаванью. Когда онъ бросился съ берега, ярль приказалъ медвѣдю догонять его; но этотъ улегся къ ногамъ его и не хотѣлъ идти. Ярль сталъ подстрекать медвѣдя и убѣждалъ его не падать (Финнбога); тогда кипулся (медвѣдь) вслѣдъ за Финнбогомъ. Можно было видѣть тамъ смѣлую и продолжительную игру, упорное состязаніе. Вотъ замѣтилъ Финнбогъ, какъ и слѣдовало ожидать, что утомился онъ не менѣе медвѣдя. Видитъ онъ, что мало проку ему безразсудно кинуться впередъ. Висѣлъ у него на шеѣ ножикъ, который подарила ему мать его; говорила она, что это въ знакъ памяти, и просила беречь, такъ какъ послужить онъ ему охраной. Подошло время, что оба (пловца) на мгновение опустились, тогда Финнбогъ схватился одною рукой за ножъ, а другою за шкуру медвѣдя подъ мышками; вонзилъ онъ ножъ въ него, какъ только могъ (глубже), затѣмъ содралъ кожу съ раны; хлынула кровь у звѣря, и быстро стали у него силы слабѣть, кончилось дѣло тѣмъ, что Финнбогъ убилъ медвѣдя. Тогда разыгрался Финнбогъ на разные лады, что только подъ силу человѣку, и сталъ онъ искусство свое казать въ плаваніи; очень радовались тому люди. Затѣмъ направился Финнбогъ къ берегу и предсталъ передъ Гаконномъ, ярломъ. Тогда спросилъ его ярль: „Ты убилъ медвѣдя?“ Финнбогъ сказалъ, что это правда. „Великій же ты мужъ послѣ того, и мало похожъ на остальныхъ людей, которые приходили при мнѣ изъ Исландіи. Да будетъ это извѣстно всѣмъ, что тѣ проступки, которые ты совершилъ противъ меня или противъ кого бы то ни было въ Норвегіи, тебѣ отпускаются, и это потому, что никто не совершитъ передъ мною подобнаго подвига, чтобы не заслужить того же. Поступай ко мнѣ на мѣсто Альфа и служи мнѣ вѣрой и правдой, какъ ты предлагалъ раньше“. Финнбогъ возблагодарилъ ярла за это слово, и всѣ люди тому весьма порадовались; говорили, что мало найдется мужей 17 зимъ, которыхъ было бы такъ дорого приобрести, какъ Финнбога. Отправился онъ вмѣстѣ съ дружинниками въ хоромы.

Ярль очень полюбилъ Финнбога, и къ Іолу ¹⁾ былъ онъ сдѣланъ

¹⁾ *At Iolum*, *Iol*—праздникъ передъ зимнимъ поворотомъ солнца, считавшійся на сѣверѣ однимъ изъ важнѣйшихъ. «Самый терминъ *Iol*», говоритъ Вейнгольдъ,—«принадлежитъ къ древнѣйшимъ временамъ», и смыслъ его уже для насъ утраченъ. Празднованіе Іола падало на 14-е декабря и продолжалось три дня;

дружишникомъ. Никто не былъ любезнѣе ярлу, чѣмъ Финнбогъ. Пробылъ онъ зиму у Гакона, ярла, въ хорошемъ обхожденіи.

Гл. 18-я. О Финнбогѣ..

Весной послѣ того, разговорились ярлъ съ Финнбогомъ. Ярлъ спросилъ его, что онъ предполагаетъ дѣлать на лѣто? „Должно быть, захочешь ты поѣхать въ Исландію. Развѣзжаетесь вы всего чаще. Какъ только войдете въ милость и дружбу съ княземъ, тотчасъ же и собираетесь въ путь“¹⁾. Финнбогъ сказалъ, что совсѣмъ у него и на умѣ не было такъ скоро разстаться съ Гаконемъ, ярломъ. „Такъ какъ желаешь ты быть съ нами“, молвилъ Гаконъ,—„то я придумалъ для тебя посольство: былъ мужъ, по имени Берсъ; а родомъ онъ отсюда изъ Норвегіи; онъ былъ дружишникомъ моимъ, и богатымъ купцомъ. Такъ шло дѣло до тѣхъ поръ, пока не лишился онъ всего своего имущества и потерялъ все добро свое. Тогда попросилъ онъ меня дать ему въ займы сколько нибудь и я ссудилъ его двѣнадцатью марками пережженными²⁾. Послѣ этого уѣхалъ Берсъ - Бѣлый

позднѣе, со времени короля Гакона, срокъ былъ удлинненъ на 10 дней. Послѣ принятія христіанства, Юль былъ замѣненъ святками, въ которыхъ перешли многіе изъ связанныхъ съ нимъ языческихъ обычаевъ.

¹⁾ Для поясненія этой фразы приводимъ слѣдующую выписку изъ Маурера (Island, стр. 120—121): «Издавна вошелъ въ обычай у молодыхъ исландцевъ, даже самыхъ знатныхъ родовъ, отправляться на службу ко дворамъ королей и ярловъ сѣвера и запада. Если бывало, что такіе искатели приключеній иногда доходили до Константинополя, гдѣ вступали въ число варяговъ, то само собою разувѣется, что наибольшее число ихъ отправлялось въ Норвегію, какъ страну, болѣе близкую къ Исландіи по мѣстоположенію и, кромѣ того, связанную съ нею узами родства и общаго происхожденія. Многіе изъ этихъ исландскихъ служилыхъ людей Норвежскаго короля оставались въ Норвегіи на всю свою жизнь; однако, другіе и все-таки большинство возвращались со временемъ домой, въ Исландію; но даже изъ своего отечества продолжали поддерживать со своимъ бывшимъ господиномъ прежнія отношенія. Мауреръ приводитъ далѣе нѣсколько примѣровъ взаимныхъ одолженій, которыя оказывали другъ другу норвежскій ярлъ и исландскій выходецъ. Въ данной же фразѣ ярла Гакона отиѣчается, что эти выходцы старались главнымъ образомъ заручиться покровительствомъ могущественнаго лица, и мало заботились, чтобы быть ему дѣйствительно полезными.

²⁾ *Mer brendar*—марки пережженные (ср. сербск. „жежено злато“) по стоимости ниже, чѣмъ марки изъ чистаго серебра (*merkir skiru gulli*). Отношеніе тѣхъ и другихъ по Вейгагольду, равнялось отношенію—2: 1.

и вотъ уже семь зимъ какъ онъ не возвращался болѣе сюда. Теперь дошли до меня слухи, будто онъ поселился въ Грикландію, и тамъ службу несетъ онъ конунгу, по имени Іону, князю именитому. Сдѣлался Берсъ дружинникомъ Іона, конунга, и въ большой милости у него. Вотъ я хочу я послать тебя за (моимъ) добромъ: пусть возвращать его мнѣ въ полтора раза больше, а не то такъ голову его (то-есть, Берса). Хотя и считаютъ меня могущественнымъ и далеко славнымъ, но въ чужихъ земляхъ я не богатъ друзьями изъ княжескаго рода, потому ли, что я кажусь жестокимъ или отъ того, что родъ мой не довольно знатенъ. Того не могу я знать, какъ приметъ Іонъ твое ходатайство о моемъ дѣлѣ. Выбирай изъ людей, кого хочешь, и въ путь снаряжайся наилучшимъ образомъ". Финнбогъ такъ сдѣлалъ: онъ снарядилъ себѣ хорошій корабль и выбралъ изъ спутниковъ ярла тѣхъ, которые казались ему лучшими воинами. Когда все было готово, Финнбогъ отправился къ ярлу и сказалъ: „Хочу я попросить васъ объ одной вещи“. „Объ чемъ это?“ спросилъ ярлъ. „А объ томъ хочу я просить, чтобы вы, господине, оставили здѣсь при себѣ родственницу вашу Рагнадильду въ хорошемъ обхожденіи, и не отсылали бы ее домой въ Сандей. Пусть она не выходитъ замужъ, пока будутъ до васъ слухи доходить, что я живъ“. Ярлъ сказалъ, что это ему можно обѣщать: „Быть можетъ, это еще тогда у тебя на умѣ было, когда ты увелъ ее изъ Сандея“. Далъ ярлъ Финнбогу въ подарокъ золотое кольцо, дѣной въ марку и плащъ, прекрасный подарокъ. Затѣмъ были розданы дары каждому сообразно его достоинству.

Гл. 19-я. Глава о Финнбогѣ.

Послѣ этого выѣхалъ Финнбогъ въ море. Путь ихъ прошелъ благополучно и прибыли они въ Грикландію. Финнбогъ высадился незамышленно и поселился не далеко отъ палатъ конунга. Заняли они торговлю съ мѣстными жителями. Въ ту пору Грикландія была уже христіанскою землей. Финнбогъ разузналъ, что Берсъ былъ въ ладахъ съ конунгомъ. Однажды собрался Финнбогъ на свиданіе съ конунгомъ: взялъ онъ оружіе свое и справился откровенно. Предсталъ онъ вмѣстѣ съ двѣнадцатью людьми передъ конунгомъ. Финнбогъ поклонился ему; конунгъ принялъ привѣтствіе его и спросилъ: кто онъ такой? Финнбогъ разказалъ объ себѣ; сказалъ, что родомъ онъ изъ Норвегіи и изъ Исландіи. Говорить ему конунгъ: „Сильный ты че-

ловѣтъ и, должно быть, въ своей землѣ ты не въ маломъ почетѣ, По въ кого вѣришь ты?" „Я вѣрю въ самого себя“. „Какого ты возрасту мужъ?" спросилъ конунгъ. „Мнѣ теперъ 18 зимъ“. „Такъ кажется мнѣ, что многіе изъ тѣхъ, которые вѣрятъ въ то же, во чтò и ты, имѣютъ меньше оснований для своей вѣры" ¹⁾. „Но чтò привело тебя сюда?" „Меня послалъ ярль, по имени Гаконъ, который въ Норвегіи править, а я дружинникъ его. У него есть добро за тѣмъ человѣкомъ, что зовется Берсомъ и (состоитъ) вашимъ дружинникомъ". Разказалъ онъ конунгу все, какъ было. Молвилъ конунгъ: „Слышалъ я объ ярлѣ Гаконѣ и всегда лишь одно худое; никогда ничего хорошаго. Станнымъ кажется мнѣ, чтобъ онъ сталъ требовать чело- вѣка, котораго я захочу держать (при себѣ). Однако, такъ какъ ты, Финнбогъ, долгимъ путемъ отыскивалъ насъ, и много славнѣе ты другихъ людей, которые при мнѣ приходили съ сѣвера, то справедливо, чтобъ я повскалъ для тебя какой-нибудь исходъ, который могъ бы тебѣ поправиться. Пока пробудьте здѣсь зиму и занимайтесь торговлей съ моими людьми".

Финнбогъ поблагодарилъ конунга за это слово и отправился домой, въ свои хоромы. Такъ провели они зиму благополучно.

Гл. 20-я. Испытаніе силы Финнбога

Весною Финнбогъ предсталъ передъ конунгомъ; говорить онъ, что хочетъ узнать объ своемъ дѣлѣ. Ионъ, конунгъ, сказалъ: „Пусть будетъ такъ". Затѣмъ созвалъ онъ вѣче; пришелъ туда Берсъ-Бѣл- ный и много другихъ людей. Тогда возговорилъ конунгъ: „Есть ли у тебя, Берсъ, долгъ, который ты долженъ уплатить Гакону, ярлу?" Отвѣчалъ онъ, что имѣетъ уплатить 12 марокъ пережженныхъ. „Но не рассчитываю я ихъ когда-нибудь ему выплатить". Говорить конунгъ: „Такъ заплати ихъ тотчасъ же". Приходится Берсу выпла- чивать долгъ, а конунгъ приплачиваетъ половиной больше. Финн-

¹⁾ То-есть: „Ты такъ превосходишь другихъ людей своею наружностью, и т. п., что имѣешь по всѣмъ даннымъ больше оснований вѣрить въ себя, чѣмъ другіе". Мауреръ усматриваетъ въ этомъ заявленіи Финнбога своего рода атеизмъ, проявившійся у исландцевъ въ переходную пору, когда прежнія вѣро- ванія были значительно расшатаны и еще не замѣнены новыми (см: Die Bek. d. Norw. St. zum. Christ., Bd. II). Однако, отсутствіе дѣльнаго религіознаго міросозерцанія не исключало вѣры въ отдѣльныя божества, въ добрыхъ и злыхъ духовъ и равныя сверхъестественныя силы. Указанія на послѣднее неоднократно и въ нашей сагѣ.

богъ не бралъ менѣ того. Тогда возговорилъ конунгъ: „Знай Финнбогъ и вы всѣ, что собрались сюда, что я сдѣлалъ это по одному твоему (то-есть, Финнбога) слову. Но хочу я о томъ просить тебя, чтобы далъ ты намъ поглядѣть, какъ проявишь ты силу свою, хоть на чемъ бы то ни было, такъ какъ доподлинно знаю я, что силою ты одаренъ много больше другихъ людей. Затѣмъ прими христіанскую вѣру“. Отвѣчалъ Финнбогъ: „Обищаюсь я вамъ, что если вы пошлете на сѣверъ посольство (о христіанской проповѣди), то не многіе примутъ эту вѣру раньше меня, и буду я побуждать къ этому всѣхъ, кто захочетъ слово мое слушать“. Конунгъ сидѣлъ на престолѣ, и 12 человекъ по сторонамъ его: по шести на каждую руку. Финнбогъ стоялъ передъ конунгомъ: былъ онъ прекрасно сложенъ, и всѣ удивлялись его красотѣ и ловкости. Финнбогъ подошелъ къ престолу поднялъ его къ себѣ на плечи и вышелъ изъ круга собравшихся и тамъ поставилъ престолъ. Всѣ изумились силѣ этого человека. Конунгъ далъ Финнбогу золотое кольцо, которое стоило 10 брѣ, мечъ и щитъ, прекрасные подарки. „При этомъ“, говоритъ конунгъ,—„хочу я переименовать тебѣ имя и прозвать тебя Финнбогомъ-Сильнымъ. Такъ думаю я, что имя твое будетъ славно, пока на свѣтѣ люди живутъ. Будь же намъ другомъ любезнымъ на всегда: свидимся ли мы когда-нибудь, или съ этой поры не суждено намъ болѣе встрѣчаться“. Послѣ этого сталъ Финнбогъ-Сильный снаряжаться въ путь вмѣстѣ со своими товарищами. Разстались они съ конунгомъ, какъ лучшіе друзья. Нигдѣ не прерывалъ Финнбогъ пути своего, пока не прибылъ онъ домой, въ Норвегію. Ярлъ встрѣтилъ его очень радушно и увидѣлъ, что поѣздка Финнбога обошлась наилучшимъ образомъ: привезъ онъ много добра, да и почетъ отъ конунга Греческой земли. Просить ярлъ Финнбога оставаться у него; приблизилъ онъ его къ себѣ и не было никого передъ нимъ (то-есть, выше его въ глазахъ ярла). Теперь Финнбогъ именуется Финнбогомъ-Сильнымъ.

Пробылъ онъ съ ярломъ все лѣто и былъ въ большомъ почетѣ.

Гл. 21-я. Женитьба Финнбога.

Однажды Финнбогъ повелъ рѣчь съ ярломъ и попросилъ его съѣздить въ Сандей, чтобы помирить его съ Ингиборгой: „Хочу я при вашемъ посредствѣ сосватать Рагнагильду, дочь ея, а также возмездье ей дать за смерть Альфа, супруга ея“. Ярлъ благосклонно со-

гласился на это и послалъ людей въ Сандей къ Ингибиоргъ: просить оуъ ее устроить ему пиръ. Ингибиорга же потребовала, чтобы Финнбогъ на пиршество не пришелъ, такъ какъ, говоритъ она: „Не могу я видѣть челоуѣка, который столько зла надѣлалъ мнѣ“. Ярль сказалъ, что надо съ этимъ покончить. Затѣмъ снарядились они вмѣстѣ съ Финнбогомъ ѣхать на островъ, и много людей съ ними. Когда же они прибыли на островъ, то было тамъ уже много народу, и пиръ былъ заготовленъ отличный. Лишь только ярль свидѣлся съ Ингибиоргой, родственницей своею, сталъ оуъ посредникомъ между ними (между нею и Финнбогомъ)—правилось ли ей это, или нѣтъ. Финнбогъ послалъ за Бардомъ, бондомъ изъ Гренмо. Прибылъ оуъ и принесъ большія богатства, какія Финнбогъ имѣлъ. Ярль наложилъ на Финнбога большую виру за убійство Альфа-Косматаго; затѣмъ обручилъ оуъ Финнбога съ Рагнагильдой, родственницей своею: вира та должна была перейти обратно, къ Рагнагильдѣ. Ингибиорга охотно на то согласилась, такъ какъ мужъ былъ изъ лучшихъ, и она исполнила желаніе ярла. Вотъ стали всѣ вмѣстѣ пировать; а Рагнагильда сидѣла на скамейкѣ вмѣстѣ съ толпой женщинъ; всѣ теперь были очень довольны и веселы. Послѣ трапезы Финнбогъ поднесъ ярлу богатые дары; также и Барда, изъ Гренмо, наградилъ оуъ щедро; всѣмъ влстительнымъ людямъ, какіе тутъ были, роздалъ оуъ дорогіе и почетные подарки.

Остается теперь Финнбогъ на островѣ Сандей, а ярль поѣхалъ домой со своими спутниками. Сильно любили другъ друга Финнбогъ и Рагнагильда. Зимой, на Іюль, поѣхали они къ ярлу, и вмѣстѣ съ нимъ отпраздновали Іюль; а послѣ праздника Финнбогъ сталъ собираться домой; когда всѣ сборы были окончены, пошелъ ярль вмѣстѣ съ ними на побережье. Тогда Финнбогъ сказалъ ему: „Дѣло такъ обстоитъ теперь, господине, что думаю я лѣтомъ поѣхать въ Исландію, повидать тамъ родныхъ своихъ: отца моего и прочихъ пріятелей. Вы со мною хорошо обходились, господине, и съ честью; долженъ признать я въ васъ самага славнаго князя изъ тѣхъ, что случалось мнѣ видѣть тамъ, гдѣ я бывалъ“. Говоритъ ярль: „Поѣжай, куда хочешь, съ моего разрѣшенія. Не бывало еще здѣсь челоуѣка, равнаго тебѣ по силѣ, по другимъ достоинствамъ, по любезности“. Ярль далъ Финнбогу прекрасный корабль, съ парусами и снастями; говоритъ оуъ; „Не бери съ собой больше попутчиковъ на Исландскомъ морѣ: такой уже случай приключился съ тобою, какъ ѣхалъ ты сюда, на свиданіе со мною“. Финнбогъ въ прекрасныхъ выраже-

нѣхъ отблагодарилъ ярла за весь тотъ почетъ, который онъ оказалъ ему; разстались они въ величайшей дружбѣ. Казалось всѣмъ не мало-важнымъ дѣломъ, что ярлъ такъ отличалъ этого человѣка отъ другихъ, что были съ нимъ или прѣвзжали къ нему, или службу несли на него. Поѣхалъ Финнбогъ въ Сандей и пробылъ тамъ зиму въ полномъ довольствѣ.

Глава 22-я.

Весной Финнбогъ поѣхалъ въ Исландію; не было у него недостатка ни въ богатствахъ, ни въ дорогихъ подаркахъ. Разстались они съ Ингриборгой, какъ наилучшіе друзья. Вотъ поѣхали (Финнбогъ съ женой) по морю; путь прошелъ благополучно, и пристали они къ Арнарею. Далекю разошлась молва, что Финнбогъ возвращается съ великимъ почетомъ и жену повелъ себѣ изъ Норвегіи. Тогда Асбиорнъ, отецъ его, и Торгейръ, Льосветнигскій гѣдъ, поѣхали къ кораблю. Встрѣча была изъ самыхъ радостныхъ: Финнбогъ оказалъ большую ласку родственникамъ своимъ и пріятелямъ. Послѣ того поѣхалъ онъ домой въ Эйръ и тамъ приказалъ выгружать свои товары. Каждый мальчишка радовался ему. Вотъ поживаетъ онъ дома, въ Эйрѣ, въ почетѣ и славѣ, и въ полномъ довольствѣ.

IV.

Намъ осталось сказать нѣсколько словъ о послѣднихъ главахъ Финнбоговой саги, съ 39-й по 43-ю. Мы видѣли въ главѣ 39-й, что разказъ какъ будто заканчивается: перечислены еще разъ всѣ сыновья Финнбога и вкратцѣ повѣдана ихъ судьба; затѣмъ разказано объ устройствѣ и хозяйственныхъ дѣлахъ Финнбога, о его домашнемъ обиходѣ: „Началъ Финнбогъ въ лѣта входить, и былъ онъ старцемъ самымъ почтеннымъ;... сталъ онъ книземъ и правителемъ надъ всѣмъ людомъ (что жили близъ него) и былъ онъ всѣми любимъ... обходился онъ хорошо и съ честью со всѣми, кто обращался къ нему“. На этомъ, казалось бы, сага и закончилась, но являются новыя усложненія: противники Финнбога не успокоились съ его переѣздомъ и подсылаютъ къ нему одного за другимъ двухъ убійцъ, которыхъ Финнбогъ удачно одолеваетъ, и только тогда происходитъ полное примиреніе враговъ, на чемъ сага и заканчивается. Конечно, примиреніе это врядъ ли на самомъ дѣлѣ состоялось, но разказъ о

дальнѣйшей судьбѣ Финнбога является такимъ же естественнымъ приращеніемъ къ первоначальной основѣ саги, какимъ приращеніемъ являлась и вся исторія о юности и заморскихъ походахъ нашего героя. Последняя фраза 39-й главы служитъ нѣкоторымъ освѣщеніемъ дальнѣйшихъ эпизодовъ: именно, пользуясь добротой и привѣтливостью Финнбога, убійцамъ его удается вкратъ въ его довѣріе, чтобы исполнить свой замысль. Последній, понятно, все-таки не удается. Относительно этихъ эпизодовъ замѣтимъ слѣдующія любопытныя черты:

Во первыхъ, они всѣ между собою довольно схожи; особенно глава 39-я и 40. Разница лишь въ томъ, что первый убійца является подъ видомъ челоуѣка, умѣлаго изгороди строить, второй—косаря; третій мужъ, тоже являющійся просить прибѣжища, не имѣлъ особой специальности. Глава 39-я и 40-я легко могли быть вариантами одного и того же эпизода, только помѣщенными здѣсь оба, одинъ вслѣдъ за другимъ.

Вторыхъ, отрицать довольно любопытный мотивъ сна, повторяющійся здѣсь три раза подъ рядъ почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ: герою предстаетъ опасность, но его начинаетъ неудержимо клонить ко сну, такъ что онъ не въ состояніи противиться ему и два раза захваченъ въ раслохъ. Въ третій разъ его неоднократно будитъ его челядонецъ, предупреждая о приближающейся опасности, но Финнбогъ два раза отсылаетъ его и только на третій зовъ рѣшается страхнуть съ себя сонъ и узнать, въ чемъ дѣло. Близкая параллель къ первымъ двумъ случаямъ представляется въ Фритіофовой сагѣ: Фритіофъ является къ королю Рингу подъ видомъ солевара, какъ Торгримъ къ Финнбогу—подъ видомъ строителя изгородей, какъ Торбјорнъ, назвавъ себя косаремъ. Король Рингъ, желая испытать Фритіофа, заявляетъ, что его сильно клонитъ ко сну и притворяется спящимъ. Фритіофъ, во избѣжаніе искушенія, далеко отбрасываетъ отъ себя мечъ, и Рингъ тѣмъ удостовѣряется, что у него нѣтъ злостныхъ намереній. Финнбогъ тоже приходитъ къ пріюченнымъ имъ бродягамъ и начинаетъ разговоръ съ заявленія, что его сильно ко сну клонитъ. Разница лишь та, что Финнбогъ изаправду засыпаетъ, и тогда дѣлаются на него покушенія¹⁾. Впрочемъ, герой, засыпающій передъ битвой или грозящею опасностью, является мотивомъ, общимъ весьма многимъ ска-

¹⁾ См. *Fridthiofs saga froekna*, edid. Ra/a (Fornald. sög. Nordl. II, 1829; русскій переводъ *Желстрема* въ Опытахъ историко-литерат. трудовъ студ. педагог. институт. 1852).

занимъ, такъ что мы воздерживаемся отъ дальнѣйшихъ параллелей, которыя могли бы завлечь насъ слишкомъ далеко. Знакомство съ общностью этого мотива проглядываетъ въ нашей сагѣ въ фразахъ Финнбога: „Меня клонитъ ко сну теперь, какъ и прежде“; въ главѣ 41-й прибавлено: „какъ всегда со мною бываетъ, когда грозитъ опасность“.

Встрѣтыхъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ глава 41-я. Тогда какъ предшествующія главы привязываются нѣсколько невѣроятно къ прежней исторіи вражды Финнбога съ Юкулемъ, глава 41-я стоитъ болѣе или менѣе особо и представляетъ самостоятельный эпизодъ. Кромѣ того, въ формѣ и въ содержаніи этой главы усматриваются нѣкоторые архаизмы, заставляющіе предполагать объ относительной древности ея происхожденія. Такъ, для опредѣленія времени въ сагѣ обыкновенно употреблялись сравнительно болѣе помалы обозначенія: „весной“, „осенью“. Древнѣйшее различіе времени было по полугодіямъ (*missari*), при чемъ принимались въ расчетъ лишь зима и лѣто¹⁾. Въ 41-й главѣ только разъ сказано „осенью“, въ остальныхъ случаяхъ употреблены описательныя выраженія: „проходить лѣто и много отъ зимы и устанавливается хорошій путь“; „проходить зима и много отъ лѣта“. Въ ней же, далѣе, употребляются вмѣсто обычныхъ *segir*, *maelti* (говоритъ, сказалъ) болѣе картинныя выраженія: „Brandr segir quaz“, „segir, quaz“ и т. п., что соответствуетъ нашимъ: „возговорилъ“, „сказалъ“. Наконецъ, описаніе боя Финнбога съ Брандомъ здѣсь живѣе, чѣмъ описаніе другихъ битвъ, и крайне удачно наименованіе камней, употребленныхъ имъ для самозащиты, своими вѣрными слугами. „И всѣ то слуги мои“, говоритъ опъ, — „одноименцы большіе, и зовутся они камнями“. Слуги Бранда безсильны противъ этихъ неувязимыхъ противниковъ и платятся жизнью за всякую попытку состязаться съ ними. Разказъ продолжается въ главѣ 42-й, такъ что въ данномъ случаѣ раздѣленіе главъ сдѣлано не совсѣмъ умѣстно.

Послѣднія страницы саги — о состоявшемся полномъ примиреніи между Финнбогомъ и Юкулемъ, при чемъ роль умершаго въ то время Торгейра, какъ примирителя враждебныхъ сторонъ, принимаетъ на себя Торстейнъ, а частью и Брандъ; затѣмъ — предложеніе Финнбогу опять вернуться въ Боргъ и т. п.; все это, конечно, вымышлено ради

¹⁾ Счетъ по полугодіямъ встрѣчается въ нашей сагѣ лишь два раза — въ гл. 6-й и 7-й.

законченности возстановленія славы Финнбога. Легко можетъ статья, что оно присочинено было книжникомъ, записавшимъ сагу.

Гл. 39-я. Смерть Торгрима.

Повѣствуютъ о томъ, что какъ-то разъ пришелъ человекъ въ Финнбога-стадъ на почевку; то былъ мужъ рослый и отважный. Предсталъ онъ передъ Финнбогомъ и низко поклонился ему; Финнбогъ принялъ поклонъ и спросилъ: кто онъ таковъ? Отвѣчалъ мужъ, что зовется Торгримомъ, изъ Вацдала, и былъ присужденъ на вѣчѣ. Финнбогъ спросилъ: кто присудилъ его? Говорить Торгримъ, что это сдѣлали мужи изъ Гофа. „Что же намѣренъ онъ дѣлать теперь?“ спросилъ его Финнбогъ. Отвѣчалъ Торгримъ, что не знаетъ и самъ, что дѣлать; обращался онъ, говорить, ко многимъ князьямъ, но никто за него заступиться не хочетъ: „Вотъ дошелъ до меня слухъ, что мужъ ты много добрѣ большинства другихъ людей, и пришло мнѣ на умъ придти къ вамъ: стану просить я у васъ защиты и прибѣжища“. Молвилъ Финнбогъ: „Не слишкомъ хорошо пускать къ себѣ человека подсуднаго; бывали у меня постоянно столкновенія съ Вацдаловцами, и хотя всего менѣе былъ я виноватъ, но подвергся изъ за нихъ изгнанію. Всего лучше теперь, что разстались мы, такъ какъ много перетерѣли мы одинъ отъ другаго. Скажи-ка, обученъ ли ты какому нибудь ремеслу?“ Отвѣчалъ Торгримъ, что онъ не ремесленникъ. „Но если ужъ поискать, то пожалуй умѣю я огороды городить не хуже другаго; много я ихъ построилъ и ни одинъ не свалился, скорѣе въ землю входилъ“. Говорить Финнбогъ: „А здѣсь нужно построить ихъ не мало, такъ какъ лугъ совсѣмъ не огороженъ и сильно топчутъ его“.

Торгримъ просилъ Финнбога порѣшить съ нимъ такъ, какъ будетъ ему угодно, и на томъ дѣло стало, что Торгримъ остался и взялся изгородь построить. Споро и хорошо шла работа у него, и увидѣлъ Финнбогъ, что онъ тому хорошо обученъ. Время идетъ, и Торгримъ обвелъ лугъ изгородью; работалъ всего онъ два мѣсяца и находили всѣ, что ловкость оказалъ онъ большую, сдѣлавъ эту изгородь. Торгримъ былъ кротокъ нравомъ и миролюбивъ. Вотъ спросилъ онъ Финнбога, нѣтъ ли ему какого-нибудь дѣла; охотно остался бы онъ у него. Отвѣчалъ Финнбогъ, что есть у него поле одно, пусть идетъ онъ туда и построитъ изгородь. Такъ и сдѣлалъ Торгримъ. Не много спусти, какъ-то разъ поѣхалъ Финнбогъ въ то поле. Торгримъ по-

здоровался съ нимъ; въ ту пору ужь изгородь сильно подвинулась: удивился Финнбогъ быстротѣ и ловкости работы этого человѣка. Жара въ тотъ день стояла большая, и молвилъ Финнбогъ: „Такъ ко сну меня клонить и дремлется, что ничего иного не могу я дѣлать теперь, какъ только спать“. Тогда Торгримъ предложилъ ему ѣхать домой и тамъ лечь спать. Отвѣчалъ Финнбогъ, что не можетъ одолѣть себя; легъ онъ на землѣ, подложилъ подъ себя одесду и тотчасъ же заснулъ и громко храпѣлъ. Тутъ Торгримъ попробовалъ зашумѣть, но Финнбогъ не проснулся; тогда побѣжалъ онъ къ рогу, который лежалъ не вдалекѣ, вытащилъ изъ торфяной кочки мечъ ¹⁾, схватилъ его и побѣжалъ туда, гдѣ лежалъ Финнбогъ; замахнулся онъ, что есть мочи, но Финнбогъ не такъ крѣпко спалъ, какъ казалось и какъ думалъ Торгримъ; живо вскочилъ онъ, плащомъ отстранилъ мечъ и тотчасъ наскочилъ на Торгрима. Подхватилъ Финнбога Торгримъ, но хоть и былъ онъ силенъ, не могъ сравняться съ нимъ. Финнбогъ скоро прижалъ его подъ себя и тутъ спросилъ: нѣтъ ли въ этомъ дѣлѣ вѣроломства, и по чьему наущенію все это случилось? Отвѣчалъ Торгримъ, что лгать долже не можетъ, а подосланъ онъ былъ Юкулемъ: „Казалось, пришлось ему плохо отъ нашего обращенія. Прошу я у васъ милости и прощенія за свой проступокъ“. Отвѣчалъ Финнбогъ: „Не боюсь я, чтобы мнѣ пришлось бѣды нажить отъ тебя; но такъ какъ посланъ ты былъ Юкулемъ на такое дѣло, то не иначе, какъ съ врагами буду я обходиться съ вами“. Выхватилъ Финнбогъ мечъ свой и отрубилъ ему голову. А за то, что Торгримъ много сдѣлалъ Финнбогу и большія услуги оказалъ ему, за то ему великая похвала слѣдуетъ.

Время проходить, и дошла вѣсть о томъ до Юкуля; нуще прежняго обозлился онъ, а Финнбогъ поживаетъ себѣ дома, у себя, и нѣтъ недостатка ему ни въ добрѣ, ни въ почетѣ.

Гл. 40-я. Смерть Торбіорна.

Годъ спустя послѣ смерти Торгрима пришелъ на ночлегъ въ Финнбога-стадъ какой-то человѣкъ. Былъ онъ мужъ рослый и сильный, но темнаго виду и скорѣе не добрый. Пошелъ онъ къ Финнбогу и поклонился ему. Финнбогъ поклонъ принялъ и спросилъ его:

¹⁾ Вѣроятно, рогъ служилъ замѣткой того мѣста, гдѣ былъ заранѣе запрятанъ мечъ Торгримомъ.

что онъ за человѣкъ? Отвѣчалъ мужъ, что называется Торбиорномъ. и свой человѣкъ онъ повсюду: „Многіе признають меня, какъ услышатъ мое прозвище, зовутъ же меня Ударь-молотомъ“¹⁾. Финнбогъ спросилъ его: куда думаетъ онъ путь держать? Отвѣчалъ Торбиорнъ, что точно не знаетъ и самъ того. Совсѣмъ плохо, говоритъ, придется ему: „Судомъ присудили меня, и теперь я скитаюсь, ища того князя, который согласился бы взять меня“. „Кто же обвинилъ тебя на судѣ?“ спросилъ Финнбогъ. Отвѣчалъ Торбиорнъ, что провинился онъ передъ Вацдаловцемъ, сыномъ Ингирунда; съ женой его, говоритъ, прижилъ онъ ребенка. „Затѣмъ я пришелъ сюда, что много прослышалъ о твоёмъ милосердіи. Стану я просить у тебя приюта и защиты“. Отвѣчалъ Финнбогъ. „Ненадежный ты человѣкъ, и не разберу я, правду ли ты говоришь или ложь. Трудно разузнать намъ о судѣ Вацдала, а лучше всего и не говорить мнѣ съ тобою“. Возговорилъ Торбиорнъ: „Во истину такъ все, какъ сказано вамъ: не слышу я мужемъ, съ которымъ легко шутить, а чаще всего выходило, что зналъ я цѣну себѣ и въ обиду себя не давалъ; также и то многіе находили, что во мнѣ нѣтъ недостатка отваги, но въ точности знаю я, Финнбогъ, что ты за мужъ. Не въ моёмъ положеніи спорить съ тобою—этого нѣтъ у меня на умѣ. Стану я лучше просить у васъ милости и призрѣнія ко мнѣ“. Молвилъ Финнбогъ: „Въ какомъ дѣлѣ ты посверстиѣ?“ Отвѣчалъ Торбиорнъ: „Не знаю я никакого искусства; вотъ развѣ въ полѣ работать половчѣ буду я другихъ людей“. „А какая работа пригоднѣ тебѣ?“ Говоритъ Торбиорнъ: „Въ косьбѣ, пожалуй, не уступлю я троицѣ дюжимъ работникамъ; эта работа мнѣ наиболѣе будетъ по плечу“. Молвилъ Финнбогъ: „Большой бѣды нѣтъ, хоть бы и остался ты здѣсь на недѣлю и взялся бы за косьбу. Теперь сѣнокосъ въ полномъ разгарѣ, работниковъ же очень не много“. Торбиорнъ сказалъ, что охотно возьмется подсоблять: попросилъ онъ сготовить ему косу и косовище покрѣиче, чѣмъ у другихъ косарей. Такъ и сдѣлалъ Финнбогъ и приналъ Торбиорна на сѣнокосъ. Всѣ удивились тому, какъ косилъ Торбиорнъ. Увидалъ и Финнбогъ, что не прихвастнулъ онъ умѣньемъ своимъ косить. Косилъ онъ размашисто и гладко. Лугъ густо проросъ тамъ травой, такъ что не легче было выгребать (сѣно, чѣмъ косить). Торбиорнъ накидывалъ (сѣно?) съ двухъ сторонъ, и казалось, то была скорѣе работа

¹⁾ *Slegfull*, дословно—надеіе молота. *Sleggia*—большой молотъ, употребляемый кузнецами.

чорта, чѣмъ человѣка. Когда покончилъ онъ стогъ, то спросилъ: пѣтъ ли еще чего-нибудь ему дѣлать? Послалъ его Финнбогъ на лугъ; тамъ, говорить, всякому много дѣла найдется. Торбјорнъ поѣхалъ на лугъ и тамъ пустилъ (лошадь) пастись, какъ дома. На всѣхъ свысока онъ смотрѣлъ, только Финнбогу всегда оказывалъ большее смиреніе; никакъ не предполагалъ Финнбогъ, чтобы Торбјорнъ замышлялъ ему измѣну.

Случилось однажды, что Финнбогъ пошелъ на лугъ. Торбјорнъ по добру поздоровался съ нимъ; тамъ много тогда уже было накошено; стали они между собою бесѣдовать, и говорить Финнбогъ, въ этотъ разъ также, какъ и прежде: „Клонить ко спу мени такъ, что просто не могу я удержаться: навѣрное мнѣ что-нибудь угрожаетъ,—лгу и спать“. Возговорилъ Торбјорнъ: „Ступайте домой, хозяинъ, и сосните тамъ“. Финнбогъ растянулся подъ стогомъ, накинулъ мѣховой плащъ на себя, тотчасъ заснулъ и громко захрапѣлъ. Торбјорнъ-молотъ ¹⁾ сталъ усердно работать на лугу; наточилъ онъ косу. Когда онъ покосилъ немного, оглянулся туда, гдѣ лежалъ Финнбогъ; за вѣрное показалось ему, что тотъ крѣпко спитъ. Попробовалъ онъ зашумѣть, но Финнбогъ не проснулся. Затѣмъ принялся Торбјорнъ усиленно косить. Вторично наточилъ онъ косу и произвелъ шумъ,—Финнбогъ все спалъ; пошелъ онъ опять косить. Вотъ въ третій разъ точить Торбјорнъ косу свою и все сильнѣе; коса была большая и твердая, какъ самый лучшій ножъ. Показалось Торбјорну, что лучшаго оружія ему и не надо; другаго же, кромѣ косы, у него не было; подскочилъ онъ къ Финнбогу, туда, гдѣ тотъ лежалъ, и казалось ему легко съ нимъ будетъ покончить. Вотъ замахнулся онъ своею косою и думалъ поразить Финнбога; но этотъ вскочилъ, схватился за косовище и пытался вырвать у Торбјорна оружіе изъ рукъ; не раньше удалось это, какъ когда коса разломилась на двое. Тогда они бросили обломки и вступили въ борьбу. Схватка была изъ самыхъ жаркихъ; видитъ Финнбогъ, что надо ему принадлець силой; долго и упорно боролись они, а кончилось дѣло тѣмъ, что Торбјорнъ палъ. Спросилъ Финнбогъ: не мыслилъ ли онъ измѣну при самомъ приходѣ? Отвѣчалъ Торбјорнъ, что думалъ, не тѣмъ завершится борьба ихъ. Молвилъ Финнбогъ: „Сдается мнѣ, что вначалѣ тутъ долженъ быть умыселъ другаго“. Торбјорнъ сказалъ, что

¹⁾ Торбјорнъ зовется теперь уже просто *Sleggia*—молотъ, а не *Slegfall*.

такъ и есть, и Юкуль—говорить—подослалъ его, судя ему въ жены родственницу свою, очень богатую. „Это если я осилю тебя. Пощади мнѣ жизнь и не казни за то, что я такъ худо съ тобой обошелся; никогда больше не предамъ я тебя“. Молвилъ Финнбогъ: „Хоть ты и рослъ и силенъ, но не боюсь я, чтобъ сталъ ты мнѣ страшень и другой разъ меня обманулъ. Но такъ какъ недруги мои все не хотятъ перестать мнѣ козни устранивать, то слѣдуетъ воздать по заслугамъ и вамъ всѣмъ“. Отвѣчалъ Торбиорнъ: „Что тутъ упрасивать долго. Никогда нельзя знать напередъ, кому придется миръ предлагать“. Принатужился онъ, но съ такою силой налегъ, что Финнбогъ подумалъ, что совсѣмъ онъ покончитъ съ нимъ; только оружье не было у него наготовѣ. Совсѣмъ не на руку было Финнбогу выпустить Торбиорна: краемъ плаща придавливаетъ онъ горло ему и надрѣзываетъ его. Затѣмъ хватаетъ онъ его за голову и заворачиваетъ ее назадъ. Успокоился Торбиорнъ, когда его такъ прикрутили. Тогда Финнбогъ выхватываетъ ножъ, чтò висѣлъ у него на шеѣ, и до смерти имъ поражаетъ Торбиорна.

А было и то, что много наработалъ Торбиорнъ, и за косьбу ему большая слава. Финнбогъ признавался потомъ, что было сомнительно, кто верхъ возьметъ, и говорить: казалось,—боролся онъ съ самымъ что ни на есть чертовскимъ человѣкомъ ¹⁾. Съ тѣхъ поръ поле то прозвано было „Смерть-Молота“. Быстро разошлась объ этомъ молва, такъ какъ Торбиорнъ былъ извѣстенъ; казалось людямъ, что Финнбогъ счастливо отдѣлался отъ такого чортова сына ²⁾ какъ этотъ мужъ. Обозлился на это Юкуль, и казалось, тѣмъ больше дѣло имѣли они съ Финнбогомъ, тѣмъ труднѣе было уловить его.

Время идетъ, и все тихо и спокойно. Финнбогъ живетъ въ подворьѣ своемъ, подъ хорошею охраной. Сыновья его стали отличными мужами. Ториръ постоянно пребываетъ у. модрувелльскихъ друзей своихъ.

Гл. 41-я. О Вермундѣ глава.

Надо теперь о томъ рѣчь повести, какъ пришелъ въ Финнбогастадъ человѣкъ на почевку, чтò часто могло приключаться. Финн-

¹⁾ *Et mesta tröllmenni*—человѣкъ, одержимый дьявольскимъ духомъ, *tröllkona*—вѣдьма.

²⁾ *Heljar-madr*,—*hel* (g. *heljr*)—Геда, богиня смерти и владычица преисподней; такъ что дословно—человѣкъ, принадлежащій Геде, адское отродіе.

богъ спросилъ того мужа объ имени. Отвѣчалъ онъ, что зовется Вермундомъ, а родомъ онъ съ востока; тамъ, говоритъ, живетъ отецъ его. Былъ этотъ мужъ ростомъ не великъ, но живой и проворный; просилъ онъ Финнбога принять его; говоритъ, что человекъ онъ подсудимый, а къ суду призывалъ его Брандъ-Великодушный, Вермундовъ сынъ, за то, что обидѣлъ онъ родственника его. „Нѣтъ у меня поддержки, нѣтъ и надежды на подспорье!“ Отвѣчалъ Финнбогъ, что не больно долюбиваетъ онъ всякихъ бродягъ, и уже заплатилъ не разъ изъ-за ихъ вѣроломства. „Однако, то правда, слыжалъ я, что нѣнѣшнимъ лѣтомъ нѣкотораго мужа судомъ присудили; Брандъ-мужъ почтенный и богатъ друзьями: это будетъ пойдти противъ него, если тебя взять къ себѣ“.

Сталъ Вермундъ молить да упрасивать, далъ бы ему Финнбогъ пристанище и оказалъ бы заступничество; говоритъ онъ, что много, куда указывали ему (обращаться), да мало въ томъ проку, коли никто пособить ему не хочетъ. Посовѣстился Финнбогъ отказать ему: да и мужъ то былъ не изъ опасныхъ, хотя бы и обманывалъ онъ; предлагаетъ онъ остаться у него на время, если того ему хочется; говоритъ Финнбогъ, что полагаетъ—Брандъ и выкупомъ удовольствуется; не станетъ онъ съ боя добывать человекъ, который самъ по себѣ не великой цѣны. Обрадовался Вермундъ, и сталъ онъ Финнбогу угодливъ и преданъ.

Проходить лѣто, зима приближается; установился зимній путь. Вотъ провѣдалъ Брандъ о томъ, что Финнбогъ принялъ къ себѣ Вермунда; тотчасъ посылаетъ онъ людей за нимъ; наказываетъ, чтобы Финнбогъ отпустилъ того мужа, не держалъ его у себя, не то быть изъ-за него бою; а еще обѣщалъ Брандъ, покончить съ нимъ счеты и не взыскивать съ Финнбога за то, что онъ сдѣлалъ, коли исполнить онъ по просьбѣ его. Отвѣчалъ Финнбогъ, что не отпустить мужа въ зимнюю пору; говоритъ онъ, что готовъ за него выкупъ дать, такъ что Брандъ въ обидѣ не будетъ; сочтутся они, когда свидятся.

Воротились гонцы съ этою вѣстью, и сильно разсердился Брандъ; послалъ онъ сказать Финнбогу, чтобы не смѣлъ онъ удерживать человекъ, котораго онъ хочетъ добыть; свирѣпымъ человекомъ становился Брандъ и крайне заносчивымъ, когда замѣчалъ онъ, что перечать ему; говоритъ Брандъ, что такъ свидятся они съ Финнбогомъ, что не возрадуется онъ тому. Но Финнбогъ представился,

будто ничего объ этомъ не знаетъ, хотя объ угрозахъ Бранда было ему передапо, и все оставилъ по прежнему.

Проходитъ зима, стало лѣто; живетъ себѣ Финнбогъ спокойно; всегда имѣлъ онъ около себя много пароду, а порой еще больше (?); разсылалъ онъ людей въ поиски по морю; то было не трудно, такъ какъ отплывать было не издалека.

Однажды осенью ушли всѣ люди со двора: кто въ море уѣхалъ, а кто за другими дѣлами. Дома оставался Финнбогъ, при немъ Вермундъ, а изъ челяди почти никого не было. Говорить Финнбогъ: „Усталъ я сегодня почему-то, какъ всегда бываетъ со мною, когда грозить мнѣ опасность, улягусь-ка я спать“. Говорить Вермундъ: „Чуется мнѣ, что Брандъ не долго промедлитъ явиться; не выходитъ у него изъ ума, что я здѣсь проживаю. Плохо, хозяйникъ, когда ты въ бѣду попадешь ради меня“. Отвѣчалъ Финнбогъ, что этому не бывать; улегся онъ и тотчасъ же заснулъ.

Недалеко оттуда, между горой и побережьемъ, было три холма, прямо противъ двора Финнбога, и можно было по нимъ стороной проѣхать. Вермундъ вышелъ и усѣлся; видитъ онъ, какъ на дальнемъ холму либо вихрь поднялся, либо ѣдутъ люди, и всѣхъ-то ихъ не мало. Воротился онъ въ домъ и постучалъ; проснулся Финнбогъ и спросилъ: чего онъ хочетъ? Разказалъ Вермундъ то, что видѣлъ; Финнбогъ наказалъ ему высмотрѣть, въ чемъ дѣло, а самъ,—говорить—соснетъ онъ еще. Вышелъ Вермундъ и видитъ—ѣдутъ люди; были они ужъ на среднемъ холмѣ. Опять вернулся онъ и сказалъ Финнбогу, что ѣдутъ люди. Говорить Финнбогъ, что это очень шроотно. „Всегда здѣсь большой проѣздъ бываетъ весной на покупку судовъ, а нынѣ самый разгаръ. Да къ тому же теперь ничего не могу я (дѣлать), какъ только спать, такъ меня ко спу клонить“. Опять вышелъ Вермундъ и пробылъ наружу немного времени; вернулся онъ и сказалъ Финнбогу, что люди тѣ ужъ на ближнемъ холму: „Узналъ я Бранда-Великодушнаго, Вермундова сына, а съ нимъ полъ-тридесять людей, во всемъ вооруженіи. Обошелся ты со мною хорошо и великодушно, и за то спасибо вамъ. А такъ какъ теперь немного причастенъ я вашей ссорѣ, то лучше пойду я прямо къ Бранду, отдамся на милость его; человекъ онъ хороший: быть можетъ, добромъ и уберется; когда же гордые люди столкнутся, то и онъ становится мало уступчивъ“. Говорить Финнбогъ: „Къ чему будемъ мы торопиться уступать передъ Брандомъ? Сперва потолкуемъ мы съ нимъ; пусть и Брандъ говоритъ свое слово. А коли не за-

хочетъ онъ того, то посмотримъ: теперь я ужъ выспался и больше лежать не стану". Вскочилъ Финнбогъ, взявъ оружіе свое, и вышли они оба на пригорокъ. Тамъ было большое ущелье, а сверху камень нависъ; туда, съ одного боку можно было добраться; Финнбогъ и Вермундъ взобрались къ камню. Видитъ Брандъ, что изъ дому вышли какіе-то люди; показалось ему, что должно быть это Финнбогъ, тотъ, что былъ рослъ и силенъ; тотчасъ повернули они къ этимъ людямъ. Говоритъ Брандъ, что, по видимому, не большого труда будетъ стоять имъ предпріятіе ихъ.

Слышала все Гальфрида, что говорили между собою Финнбогъ съ Брандомъ, когда еще не вышли они изъ дому, и послала мальчика къ сосѣднему двору—просить людей поскорѣе придти, по сколько можно было дозваться съ корабля. Наказывала она сказать, что Финнбогъ нуждается въ людяхъ.

Разказываютъ, что раньше, чѣмъ тѣ подошли, Финнбогъ отвалилъ нѣсколько камней. Когда приблизился Брандъ, Финнбогъ поздоровался съ нимъ по добру, и Брандъ тѣмъ же отвѣтилъ ему. Спросилъ Финнбогъ: что новаго? Говоритъ Брандъ, что сами знаютъ они, въ чемъ дѣло. Ищетъ онъ человѣка, котораго присудилъ, а Финнбогъ—говоритъ—взялъ къ себѣ его, на зло ему; и вотъ—говоритъ—теперь думаетъ онъ воротить того человѣка, хотя бы Финнбогу и желалось держать его при себѣ: „Но такъ какъ, Финнбогъ, мужъ ты хорошій во многомъ, то напередъ предложу я тебѣ: отпусти теперь человѣка мнѣ въ полную власть, тогда не стану я тягаться съ тобою за его укрывательство, скорѣе готовъ я свою дружбу предложить и помощь, коли будетъ тебѣ въ ней нужда“. Отвѣчалъ Финнбогъ: „Предложено хорошо и великодушно; иного отъ тебя и ждать нельзя. Но такъ какъ не отпустилъ я его раньше по первому слову твоему, то надо мнѣ скорѣй отказаться отъ того, что ты предлагаешь. Я прошу, какъ и тогда, чтобы ты дозволилъ мнѣ выкупъ заплатить за этого мужа, а сколько самъ ты назначишь цѣну. Отказываю я тебѣ изъ-за того почтенія, которое оказывалъ мнѣ Вермундъ все это время, такъ что было бы неблагородно теперь прогнать его. Не велика тебѣ прибыль казнить этого мужа, хотъ видимо къ тому очень ты склоненъ“. Возговорилъ Брандъ и сказалъ, что мужъ не многого стоитъ: „Но такъ какъ выѣхали мы всѣ изъ дому сюда по этому случаю, а мужъ былъ въ полной власти нашей, то бойся Финнбогъ, чтобы изъ-за него не встанутся тебѣ въ бой не малый, а кончится онъ смертью твоею.

Придется тогда принять то, что теперь предлагаемъ тебѣ по доброй волѣ". Говоритъ Финнбогъ, что не боится онъ этого: „А и мой советъ, Брандъ, не идти тебѣ первому мнѣ на встрѣчу: вышли лучше людей своихъ, пока хватаетъ у меня челядинцевъ". „Какіе тамъ слуги?" спросилъ Брандъ,—„не вижу я больше людей, кромѣ васъ двухъ, стоящихъ тамъ". Молвилъ Финнбогъ: „Вотъ они, мои слуги: числомъ ихъ шесть; не слабы они, да и всѣ-то одноименцы большіе, ибо зовутся камнями. Ну-ка, выпусти противъ нихъ столько же изъ своихъ слугъ, посмотримъ—кто верхъ одержитъ". Возговорилъ Брандъ и сказалъ, что нечего страшиться тому, что Финнбогъ камнями грозитъ. Разказываютъ, что одинъ изъ спутниковъ Бранда рѣшился и побѣжалъ къ тѣмъ одноименцамъ и тутъ же къ Финнбогу; были у него отличные щитъ и копье, и думалъ онъ напасть на Финнбога. Финнбогъ беретъ одинъ изъ камней; мужъ былъ силенъ и думалъ прикрыться щитомъ; но слуга Финнбога проворнѣе былъ и стремглавъ полетѣлъ; не выдержалъ мужъ натиска его; упалъ онъ навзничь, скатился въ ущелье, на этомъ и съ жизнью покончилъ. Спрашиваетъ Финнбогъ у Бранда, что случилось съ нимъ? Отвѣчаетъ Брандъ, что человѣку его плохо пришлось.

Гл. 42-я. О Финнбогѣ и Брандѣ.

Разказываютъ, что Финнбогъ выпустилъ всѣхъ шестерыхъ своихъ слугъ, и каждый изъ нихъ по человѣку уложилъ. Тогда спросилъ онъ Бранда: нравится ли ему, какъ дѣло идетъ? Отвѣчалъ Брандъ, что не можетъ онъ слишкомъ похвалиться. Тогда Финнбогъ опять предложилъ ему то же, что и раньше, и на томъ покончить; но Брандъ говоритъ, что ничуть не испугался онъ. „Побольше", говоритъ, „испробовать надо, прежде чѣмъ дѣло рѣшать". Молвилъ Финнбогъ, что не бываетъ и тому, чтобы онъ устранился. Брандъ людямъ своимъ наказалъ идти осторожно, разомъ напасть и смѣло биться. „Вѣдь это", говоритъ,—„просто срамъ, что столько народу такъ долго не можетъ справиться съ двумя мужами".

Финнбогъ выхватилъ мечъ и смѣло и отважно защищался; но труднѣе было съ нимъ справиться, чѣмъ казалось. Немного спустя, какъ начали они биться, молвилъ Финнбогъ: „Вотъ ѣдутъ сюда люди съ моря; хорошо вооружены они и бѣгутъ поспѣшно. Такъ думаю я, что люди эти спѣшатъ мнѣ на помощь противъ тебя, Брандъ; пожалуй вѣдь они верхъ возьмутъ". Отвѣчалъ Брандъ, что не устра-

пять его какіе-нибудь рыбаки, сколько бы ни было ихъ тамъ — много ли, мало ли. Тогда молвилъ Финнбогъ: „Ѣдутъ тамъ люди съ моря, не мало ихъ числомъ, и все изъ самыхъ отважныхъ: видно, то наши молодцы. Еще разъ прошу я тебя, Брандъ, согласишься на тотъ выборъ, что я предлагалъ тебѣ. Даю тебѣ полное право рѣшать самому: любой выкупъ назначь, какой ты захочешь. Такъ думаю я о тѣхъ, что тамъ идутъ, что если мы раньше не покончимъ нашъ споръ, то мало будутъ они довольны тому“.

Взглянулъ Брандъ и видитъ, что со всѣхъ сторонъ спѣшится народъ, и все молодцы: одни бѣгутъ, другіе несутся, что есть мочи. Тогда молвилъ онъ: „Никогда не испугался бы я рыбъ (рыбаковъ?) вашихъ, что тамъ торопятся; но отъ чего бы намъ и самимъ не порѣшить дѣло. Скажутъ, что все-таки дѣло наше не въ проигрышѣ, если мы примемъ право самимъ рѣшать отъ такого человѣка, какъ ты, Финнбогъ“.

Отвѣчалъ Финнбогъ, что охотно идетъ на это, и поблагодарилъ; подошелъ онъ къ Бранду, взялъ его за руку, и примирились они въ виду тѣхъ людей, что были тамъ. Какъ только порѣшили они дѣло, подоспѣла и помощь: то прибыли сыновья Финнбога, а съ ними много родни и пріятелей; въ такомъ сильномъ гнѣвѣ были они, что тотчасъ хотѣли напасть на Бранда и всѣхъ перебить. Вмѣшался между ними Финнбогъ и велѣлъ перестать; просилъ онъ не портить ему дѣла своимъ приходомъ. До того договорился Финнбогъ, что они успокоились. Тогда онъ пригласилъ къ себѣ Бранда, и этотъ припалъ зовъ его; пробыли они тамъ съ недѣлю въ весельѣ и довольствіи. Обходился съ ними Финнбогъ ласково, а послѣ того собрался Брандъ въ путь. Тогда Финнбогъ спросилъ Вермунда: хочеть ли онъ оставаться или ѣхать съ Брандомъ? Отвѣчалъ Вермундъ, что тянетъ его домой: „Столь славный мужъ Брандъ, что охотно пошелъ бы за нимъ я отсюда въ спутники ему. Хорошо обошлись вы со мною и по княжески, за что большое спасибо вамъ“.

Собрался Вермундъ въ путь вмѣстѣ съ Брандомъ; тогда Финнбогъ молвилъ Бранду: „А скоро ли покончишь ты дѣло съ нами“. Отвѣчалъ Брандъ: „Отложу я это до лѣтняго вѣча; тогда, кажется мнѣ, больше будетъ чести повѣдать о договорѣ нашемъ“. Финнбогъ согласился на это. Дружелюбно расстались они: ѣдетъ Брандъ домой на востокъ; а вмѣстѣ съ нимъ былъ Вермундъ.

Время проходить, и собралась лѣтомъ на вѣчѣ толпа народу; при- были туда изъ Вацдала Торстейнъ и Юкуль и всѣ другіе братья,

Ингимундовы сыновья; прибылъ Брандъ-Меньшакъ, Вермундовъ сынъ, и Финнбогъ-Сильный, и Эйульфъ-Хромоногій, родичъ его; и много другихъ славныхъ мужей.

Какъ-то разъ встрѣтились Финнбогъ и Брандъ и дружелюбно поздоровались. Спросилъ Брандъ: какъ дѣла идутъ—о тѣхъ съ Вацдаловскими? Отвѣчалъ Финнбогъ, что все спокойно, и нѣтъ новостей; разказалъ онъ ему, какъ все дѣло у нихъ вышло. Брандъ предложилъ Финнбогу попытаться съ ними въ миръ войти; говоритъ онъ, что все тамъ друзья ему полныс. Отвѣчалъ Финнбогъ, что готовъ онъ принять миръ.

Вотъ однажды пошли Брандъ, Финнбогъ и Эйульфъ и много людей съ ними къ тому двору, гдѣ Вацдаловцы жили. Торстейнъ съ радостью принялъ ихъ; зашла между ними бесѣда; тотчасъ Брандъ завелъ рѣчь съ Торстейномъ о той ссорѣ и просилъ помириться съ Финнбогомъ; говоритъ онъ, что безразсудно Юкулю враждовать съ такимъ человѣкомъ. Хорошо и красно отвѣчалъ Торстейнъ; говоритъ онъ, что охотно послѣдуютъ они примѣру Финнбога, если онъ захочетъ примириться; но—говоритъ—соперникъ (то-есть, Юкуль) противное мыслить, и предложилъ Торстейнъ стать посредникомъ ихъ. Юкуль плохо склонялся на миръ, но Брандовы рѣчи, и дружба ихъ тѣсная, и уговоры братьевъ,—но то, что, казалось, онъ заплатился зломъ во время ихъ ссоры съ Финнбогомъ, а былъ онъ мужемъ очень могучимъ и отважнымъ,—все это привело къ тому, что примирились они по добру по здорову. Брандъ все порѣшилъ и поладилъ между ними: Наложилъ онъ на братьевъ тѣхъ виру небольшую, и тотчасъ же искорѣ вынлали они се.

Разказываютъ, что съ той поры удержалась дружба ихъ, и Финнбогъ съ Юкулемъ обмѣнились подарками. Тогда возговорилъ Финнбогъ Бранду и сказалъ, что затѣмъ долъше откладывать рѣшеніе п ихъ дѣла между собою; говорилъ онъ, что не хочетъ долъше оттягивать его и волочить.

Молвилъ Брандъ: „Хотя ты, Финнбогъ, и мудрый мужъ, но кажется, столько же смыслу я, какъ и ты. Не такъ глупъ я былъ, чтобы не замѣтить, что попалъ я, со всѣми людьми своими, въ расплохъ, когда со всѣхъ сторонъ наша на насъ помощь твоя, также грозно на насъ подвигаясь, какъ раньше этого мы на тебя. Такъ и подобало тогда не вступаться намъ въ бой (не оспаривать побѣды). Скорѣе по горячности своей и гордынѣ говорилъ я тогда, чѣмъ чтобы не замѣтить тѣхъ, кто подходили, и къ чему привело бы

столкновеніе. Вотъ и думаю я, что не такъ велика заслуга моя передъ вами, чтобы брать мнѣ выкупъ съ тебя за то, что помиловалъ ты мнѣ жизнь, равно какъ и людямъ моимъ. Кажется, побольше значу я, и они всѣ, чѣмъ ничего не стоящій мужъ (то-есть, Вермундъ), хотя изъ гордости и хотѣлъ я съ тобою дѣло затѣвать. Нынѣ же не меньше буду я прославлять, что ты мнѣ жизнь даровалъ, какъ и предлагать тебѣ полную дружбу свою; рассчитывай и на всегдашнее заступничество мое, коли будетъ въ немъ надобность тебѣ или сыновьямъ твоимъ; не должна нарушаться дружба ничѣмъ, пока мы оба живы“.

Возблагодарилъ Финнбогъ Бранда за милости и всѣ попеченія его въ прекрасныхъ словахъ. Поднесъ онъ ему тотъ самый подарокъ, что получилъ отъ Іона, конупга Грикландія; то были кольцо золотое и мечъ. Брандъ благодарилъ его, и они разстались, какъ самые лучшіе и нѣжные друзья.

Глава 43-я.

Ингимундовы сыновья просили Финнбога выѣхать съ запада изъ Викинна и купить землю въ Боргѣ, въ Витидалѣ; но онъ этого не пожелалъ и сказалъ, что ему тамъ очень хорошо. Поѣхалъ онъ домой со своими спутниками въ Финнбога-стадъ и зажилъ спокойно. Казалось, не мало онъ выросъ (то-есть, приобрѣлъ славы) ото всѣхъ этихъ дѣлъ.

Состарился Финнбогъ; видно было, что мужемъ былъ онъ изъ самыхъ доблестныхъ, какъ по силѣ своей, по росту, такъ и по привѣтливости. Вошелъ онъ во многія саги и прослылъ самымъ славнымъ и именитымъ мужемъ; очень любилъ онъ подвиги и отважныя дѣла, хоть здѣсь и не много объ этомъ разказано. Говорять, что онъ дожилъ до глубокой старости; умеръ онъ отъ болѣзни и былъ похороненъ въ той самой церкви, что построили они вмѣстѣ съ Гальфридой, женой его. Сыновья ихъ всѣ стали прекрасными мужчинами и разъѣзжали по разнымъ странамъ; о каждомъ изъ нихъ сложилось много сагъ. Съ честью принимали ихъ люди властительные, къ которымъ случалось имъ пріѣзжать, и слыли они за людей именитаго рода. Гунибюрнъ, сынъ Финнбога, съ той поры уже никогда не возвращался въ Исландію, и сталъ онъ властительнымъ мужемъ въ Норвегіи; тамъ отъ него пошло большое потомство. Всѣхъ больше

изъ дѣтей своихъ любилъ Финнбогъ Берга: это было отъ той любви, что имѣлъ онъ къ другу своему Бергу-Собаку.

Бергъ проживалъ, послѣ смерти отца своего, въ Финнбога-стадѣ, въ томъ округѣ слылъ онъ самымъ лучшимъ хозяиномъ и правителемъ былъ надъ другими людьми. Другіе братья его бывали больше въ разбѣздахъ, пока не свершили они завѣта Финнбога и не стали всѣ мужами большой славы.

На этомъ заканчиваю я сагу о Финнбогѣ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ общей оцѣнкѣ Финнбоговой саги. Мы видѣли въ ней два элемента, которые не на столько слились, чтобы нельзя было выдѣлить ихъ даже чисто внѣшнимъ образомъ: съ одной стороны, мы поставили среднюю часть, главы съ 23-й по 36-ю, какъ отголосокъ разказовъ на вѣчахъ, по типу подходящую къ разряду древнихъ историческихъ сагъ, разсмотрѣнныхъ Мёбиусомъ; съ другой стороны, начало и конецъ саги представляютъ развитие сюжета по схемамъ эпическихъ сказаній. Мѣстный колоритъ въ сагѣ все-таки весьма силенъ и выражается въ приуроченіи разказа къ той или другой мѣстности, во множествѣ бытовыхъ чертъ, изъ которыхъ мы отмѣчали лишь главнѣйшія, ссылаясь для остальныхъ на книгу Вейнгольда „*Altnordisches Leben*“. Тѣсная связь саги съ общимъ строемъ исландской жизни несомнѣнна, и тѣмъ не менѣе трудно предположить, чтобы она сложилась только на основаніи мѣстныхъ происшествій: эпитетъ *kyrteysi* (фр. *courtois*) говоритъ о знакомствѣ съ рыцарскими романами, которые проникли въ Исландію еще съ конца XIII в.; другія мѣста не остались безъ вліянія нѣмецкихъ произведеній, знакомство съ которыми весьма легко предположить для данной эпохи, не отыскивая ихъ болѣе древнихъ прототиповъ. Выдѣлить въ сложеніи саги то, что можно приписать на долю неизвѣстнаго слагателя ея, отъ того, что принадлежитъ еще устной традиціи, конечно, въ точности нельзя. Но если мы склопаемся дать первенствующее значеніе второй, вопреки Герингу и др., то главнымъ образомъ по двумъ причинамъ, которыя и были разсмотрѣны нами. Во-первыхъ, отбросивъ предположеніе, что сага о Финнбогѣ была составлена по *Vatnsd. s.*, хоть и въ извѣстномъ противоположеніи къ послѣдней, мы не можемъ понять—почему бы грамотѣю XIII в. пришло въ голову сочинить сагу о Финнбогѣ, еслибъ уже именовъ послѣдняго не овладѣла народная фантазія? Во-вторыхъ, отсутствіе цѣльности и ступешанность нѣкоторыхъ

эпизодовъ саги удобнѣе, намъ кажется, объяснить не „скудостью фантазій автора“, а именно внѣшнимъ отношеніемъ къ народнымъ преданіямъ записывателя. Возможно, что тамъ и здѣсь опъ прибавлялъ кое-что отъ себя, но въ общемъ все-таки держался готовыхъ преданій и, при ихъ нѣкоторой разрозненности, не сумѣлъ даже скрыть слѣды спайки. Мы охотно вѣримъ его заявленію, что о Финнбогѣ сложилось много разказовъ, изъ которыхъ опъ только часть привелъ (гл. 43-я). Не самъ онъ задумалъ создать типъ героя, а воспользовался уже готовымъ матеріаломъ, и развѣ только придавъ разказамъ нѣкоторую законченность, и то не вполне. Ея не было и въ устномъ преданіи, и сага о Финнбогѣ представляется намъ именно на промежуточной стадіи между воспоминаніями объ историческомъ дѣятелѣ и идеализаціей его, которая приводитъ къ созданію народнаго героя.

Ф. Батюшковъ.
